

Эдвард Бурстин

ЧИЛИ
при
АЛЬЕНДЕ

ВЗГЛЯД
ОЧЕВИДЦА

Presente!

Эдвард Бурстин

ЧИЛИ
при
АЛЬЕНДЕ:
ВЗГЛЯД
ОЧЕВИДЦА

Москва
Издательство
политической
литературы
1979

66.3 (74н)
Б91

Общая редакция перевода
доктора исторических наук
М. Ф. КУДАЧКИНА

Edward Boorstein
Allende's Chile
An Inside View...
International Publishers,
New York, 1977

Б $\frac{11104-350}{079(02)-79}$ БЗ—39—8—79 0302030103

© Перевод с английского
ПОЛИТИЗДАТ, 1979 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Социально-экономические преобразования правительства Народного единства в Чили, уроки борьбы и причины поражения чилийской революции вот уже на протяжении нескольких лет изучаются и анализируются самыми различными политическими деятелями, партиями, учеными. Чилийская революция с ее достижениями, уроками самоотверженной борьбы за интересы народа войдет в историю революционного движения не только Чили и Латинской Америки, но и всего мира. «Революция в Чили,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду,— явилась ярким выражением страстного стремления народа этой страны освободиться от гнета и эксплуатации собственной буржуазии и иностранных монополий. Ее возглавили люди безукоризненной честности и большого гуманизма. Она подняла на строительство новой жизни широкие массы трудящихся. Но заговор чилийской реакции, спланированный и оплаченный — как это теперь всем известно — иностранным империализмом, захватил революцию врасплох. Военно-фашистская диктатура залила страну кровью»¹.

В предлагаемой советскому читателю книге известного американского прогрессивного экономиста и публициста Э. Бурстина «Чили при Альенде: взгляд очевидца», изданной в США, рассказывается, как шаг за шагом американский империализм, правящие круги Соединенных Штатов, опираясь на реакцию внутри страны, местную олигархию, готовили заговор против правительства Народного единства, президента С. Альенде. Как и ранее в Гватемале, Боливии и ряде других стран Латинской Америки, используя предателей-генералов в качестве исполнителей своих агрессивных планов, ЦРУ и Пентагон потопили чилийскую революцию в крови. Не менее гнусную роль сыграли американские транснациональные монополии, безраздельно господствовавшие в экономике Чили до победы коалиции Народного единства на выборах в 1970 году.

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 29—30.

Э. Бурстин на конкретных документах и фактах показывает, как при участии ЦРУ американские монополии ИТТ, «Анаконда» и другие добивались дестабилизации экономики страны, организуя акты саботажа, диверсии, так называемые забастовки с целью вызвать в стране экономический хаос и обвинить в этом законное правительство. Президент С. Альенде, выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1972 года, говорил: «...Страна стала жертвой жестокой агрессии... История империализма и его жестокости в Латинской Америке продолжительна и зловеща... Мы являемся жертвами нового наступления империализма, более хитроумного, более коварного и опасного, цель которого — воспрепятствовать нашему суверенному государству осуществлять свои права»¹.

В книге раскрывается антинародная роль правого крыла руководства христианско-демократической партии, возглавлявшегося бывшим президентом Фреем, которое стало пособником реакции в борьбе против С. Альенде и осуществления его программы революционных социально-экономических преобразований.

В период деятельности правительства Народного единства Э. Бурстин находился в Чили в качестве помощника и сподвижника Хайме Барриоса — одного из ведущих экономических советников президента С. Альенде, директора Центрального банка. Это позволило автору дать подробный анализ деятельности правительства Народного единства в области социально-экономических преобразований.

Правительство, опираясь на волю и чаяния народа, в соответствии с конституцией и законами страны национализировало основные богатства Чили — медь, селитру. Оно приобрело акции угольной компании «Лота-Швагер», передав управление ею трудящимся, национализировало железорудные предприятия американской компании «Бэтлехем Чили майнинг корпорейшн», установило контроль над ведущими частными банками и т. д. В результате этих мер в собственность государства перешли важнейшие отрасли экономики. Более 50% валового национального продукта приходилось на государственный сектор. Были приняты меры по борьбе с безработицей, повышена зарплата, развернуто жилищное строительство. Все эти мероприятия свидетельствовали об углублении революционного процесса в стране. Поэтому как внутренние, так и международная реакция пустила в ход все

¹ *Альенде Сальвадор*. История принадлежит нам. Речь и статьи. 1970—1973 гг. М., 1974, с. 336—337.

средства, чтобы пресечь его и свергнуть правительство Народного единства.

Автор, являясь свидетелем событий, используя собственные впечатления, а также документальные материалы, разоблачает подрывную деятельность и прямое вмешательство ЦРУ, Пентагона и американских монополий во внутренние дела Чили с целью сорвать планы социально-экономических преобразований народного правительства и не допустить дальнейшего развития революционного процесса, окончательной победы чилийской революции. Наряду с планами дестабилизации экономики империализм США с помощью местной реакции и фашистских организаций, таких, как «Патриа и либертад», развернул кампанию запугивания и террора, добиваясь создания в стране обстановки страха, неуверенности, социальной анархии и хаоса. Правительство Народного единства, как отмечал Генеральный секретарь Компартии Чили Луис Корвалан, «допустило серьезную ошибку, позволив силам контрреволюции пользоваться почти неограниченной свободой, с тем чтобы в итоге покончить со свободой»¹.

Автор подробно исследует причины временного поражения революции. Одной из них являлись разногласия в Народном единстве о путях дальнейшего развития революционного процесса в стране. Как отмечал член Политической комиссии ЦК Компартии Чили В. Тейтельбойм, «говоря о причинах временного поражения, следует также учитывать отрицательную роль существования двух противоположных тенденций внутри блока и правительства Народного единства, отсутствия единой и последовательной стратегии и тактики, четкого плана полного завоевания власти в стране»².

Э. Бурстин подробно останавливается на вопросе о путях развития революции. Чилийская революция подтвердила возможность взятия власти рабочим классом, трудящимися мирным, невооруженным путем, но вместе с тем она показала, что, каким бы путем ни победила революция — мирным или немирным, вооруженным или невооруженным, — ее дальнейшее развитие связано с поляризацией политических сил, резким обострением классовой борьбы, которая может принимать самые разнообразные и острые формы. «Трагедия Чили, — говорил Л. И. Брежнев, — отнюдь не перечеркнула вывода коммунистов о возможности различных путей революции, в том числе мирного, если для этого существуют необходимые условия. Но она властно напомнила о том, что революция долж-

¹ Корвалан Луис. Нам ждут новые битвы. Избранные статьи и речи. М., 1978, с. 546.

² Проблемы мира и социализма, 1974, № 3, с. 57.

на уметь себя защитить. Она учит бдительности против современного фашизма и происков иностранной реакции, зовет к усилению международной солидарности со всеми, кто встает на путь свободы и прогресса»¹.

Вряд ли можно согласиться со всеми выводами и положениями, изложенными автором в заключительной главе, однако подробное изложение революционных событий в Чили, свидетелем которых он был, анализ опыта и уроков чилийской революции представляют определенный вклад в исследование борьбы чилийского народа против империализма и реакции, за демократию и социальный прогресс. С полным основанием Э. Бурстин пишет в заключение: «В преддверии будущих битв чилийская революция оставила нам память о правительстве, боровшемся во имя интересов народа и за социализм, память о выдающемся, нестигаемом революционере-президенте, руководителях и членах партий Народного единства, которые сражались с фашизмом, жертвуя жизнью, идя на пытки, в тюрьмы».

Доктор исторических наук
М. Кудачкин

¹ Материалы XXV съезда КПСС, с. 30.

ХАЙМЕ БАРРИОСУ,

до конца сражавшемуся
в президентском дворце
и хладнокровно убитому
солдатами фашистской хунты
на следующий день
после переворота,
и НЭНСИ
за ее храбрость

...Вопрос о власти есть коренной вопрос всякой революции.

Л е н и н

Для того чтобы понять революцию и ее действующих лиц, необходимо наблюдать их с очень близкого расстояния и судить с очень далекого: эти крайние точки очень трудно свести воедино.

Б о л и в а р

ОТ АВТОРА

Ничто не действует на некоторых людей так сильно, как неудача, и похоже, что временное поражение чилийской революции затмило достижения чилийских революционеров. Благодаря кропотливой, повседневной работе, проводимой в течение многих лет и десятилетий, Коммунистическая и Социалистическая партии Чили, подвергавшиеся неоднократным репрессиям, заручились прочной поддержкой в массах. Несмотря на доставшиеся им в наследство разногласия, они выковали единство по коренным вопросам, создав в конечном счете коалицию Народного единства, в которую вошли шесть партий. Судить о том, насколько трудно добиться такого единства и насколько оно жизненно необходимо, можно на примере существующего разобщения левых сил во многих других странах. В период нахождения у власти правительства Народного единства чилийские революционеры с безупречным мужеством и зачастую с великим искусством и гибкостью боролись против сильных врагов — опытной чилийской олигархии и богатых, хитрых американских империалистов, стоявших за ее спиной. Для того чтобы свергнуть правительство Народного единства, империалистам пришлось приложить колоссальные усилия, прибегнуть к различным средствам, в том числе к самому крайнему — фашизму. Несмотря на поражение, правительство Народного единства внесло непреходящий вклад в развитие революционного процесса в Чили, оставив у рабочих и их союзников память о правительстве, которое было их правительством и которое работало на благо их, а не иностранных и местных монополий и богачей.

«Тысяча дней его существования — самая светлая страница в жизни чилийского народа...»¹ Все это составляет то наследие, значение которого выявится в грядущей борьбе.

Я писал эту книгу в надежде на то, что она прольет свет на революционный процесс, развернувшийся при правительстве Народного единства, и поможет уяснить некоторые уроки моим американским соотечественникам и народам других стран. Чтобы сделать эту книгу как можно более полезной, мне пришлось писать и об ошибках. Сами чилийские революционеры не поступили бы иначе. Так, Володя Тейтельбойм, член Политической комиссии ЦК Коммунистической партии Чили, писал: «...чилийские события ставят целый ряд проблем, которые выходят за рамки нашей страны, вызывают неослабевающий интерес во всем мире... Анализ чилийской проблемы не является монополией чилийцев. Это — право всех революционных партий, всех, кому не безразлична судьба других народов. Каждый может свободно высказывать свое суждение. Мы не собираемся прятаться за стеной так называемого идеологического национализма, признавая только за собой право говорить о наших ошибках... Дружественная... критика... помогает нам»².

Тем не менее, говоря об ошибках, следует быть осторожным. Многие «ошибки», приписываемые чилийским революционерам, вовсе не были таковыми. Некоторые авторы обвинили руководителей Чили в период Народного единства в самых нелепых вещах — непонимании основ марксизма-ленинизма, вопроса о государстве, необходимости вооружения народа и т. д. Такая критика не только бесполезна, но и вредна. Она вызывает путаницу, свидетельствует о некомпетентности людей, выдвигающих эти обвинения, и ничего не говорит о руководителях Народного единства. Они были марксистами, это подтвердило их многолетнее участие в политической борьбе. Они знали не только основы, но и гораздо больше. Если бы стоявшие проблемы были вполнину проще того, как представляют их некоторые критики, эти руководители без труда справились бы с ними. Ошибки были допущены, но совсем другого рода. Чтобы действительно разобраться в них, необходимо уяснить сначала трудности: почему простые, как ясный день, решения, предлагаемые некоторыми критиками, были невозможны.

Для общей ориентации следует иметь в виду, что революционная борьба — это многогранный, сложный, полный неопределенностей и опасностей процесс и что писать книги, конечно, гораздо легче, чем управлять революционным процессом.

ВВЕДЕНИЕ

В начале 1971 года мой чилийский друг Хайме Барриос, вместе с которым я работал на Кубе в первые годы кубинской революции, пригласил меня на работу в аппарат правительства Народного единства. По личным причинам я не смог немедленно переехать в Чили, поэтому Хайме договорился, что я буду советником Хавиера Уррутии, президента «Чилийской торговой корпорации» в Нью-Йорке, и координатором всех прочих чилийских государственных агентств, размещавшихся в этом городе. Я проработал в этой корпорации с марта 1971 года по сентябрь 1972 года и затем выехал в Чили, чтобы приступить к работе в качестве помощника Хайме, который был сначала директором Центрального банка, а затем — советником президента Альенде по экономическим вопросам.

Мы с Хайме хорошо помнили наш опыт работы на Кубе. Мы видели там яростное сопротивление, оказываемое империализмом революции. Почти постоянно в течение многих месяцев мы жили в ожидании военного вмешательства со стороны империалистов — высадки морских пехотинцев, нападения наемников или чего-либо еще. Мы чувствовали, что и в Чили борьба ведется не на жизнь, а на смерть. Редко во время наших встреч разговор не заходил о возможности государственного переворота.

Нас поразили также тот факт, что наряду со сходством между Кубой и Чили, не бросающимся в глаза, между ними имелись важные различия. Политические традиции Чили были иными; чилийская демократия и конституционность имели давнюю историю, и их корни были глубже, чем на Кубе; иным должно было быть и многое как в революционной стратегии, так и в тактике.

В ходе борьбы, развернувшейся в Чили, вы ощущали, насколько иной, хотя и такой же упорный, характер имеет она. Вы убеждались в этом каждый раз, когда раскрывали газеты или включали радиоприемник; грохочущие голоса «за» и «против» правительства раздавались настолько упорно и беспрерывно, что это выходило далеко за рамки обычной по-

литической борьбы. Эта борьба принимала различные формы: выборы в конгресс; попытки конгресса сорвать планы президента путем отклонения предложенных им законов или выдвижения конституционных обвинений против министров с целью их смещения; проведение выборов с целью определить, представители кого — Народного единства или оппозиции — возглавят Чилийский университет, студенческую федерацию или профсоюз на медном руднике Чукикамата; судебные разбирательства в связи с тем, кто должен контролировать 9-й канал телевидения; судебное преследование Чили корпорацией «Кеннекотт коппер» в Нью-Йорке, Париже, Амстердаме и Стокгольме; уличные демонстрации; политические заявления и редакционные статьи в газетах, направленные на то, чтобы привлечь на свою сторону вооруженные силы; забастовки с целью подорвать экономику и подорвать позиции правительства как способ подготовки к свержению его.

Рост революционной борьбы ведет отчасти к обострению ситуации и ограничению имеющегося выбора, ликвидируя промежуточные возможности. Что означало бы свержение правительства Народного единства? Об этом ясно сказал Фидель Кастро 2 декабря 1971 года в своем прощальном выступлении по завершении 25-дневного визита в Чили: «...Мы увидели фашизм в действии... Что же предпринимают эксплуататоры, когда их собственные институты уже не обеспечивают им господства? Какова их реакция, когда механизмы, которыми они располагали в определенный исторический период для поддержания своего господства, приходят в негодность? Они их просто разрушают»¹.

Совершенный в Чили переворот потряс своей свирепостью. Утром в первый день мы с женой слышали по радио требование военных к радиостанциям, находившимся под контролем Народного единства, немедленно прекратить радиопередачи, в противном случае они будут «атакованы как с земли, так и с воздуха». Позже было передано предупреждение: «Женщинам дается пять минут, чтобы покинуть «Ла Монеда» (президентский дворец) перед началом бомбардировки». Вскоре с пронзительным ревом пронеслись самолеты. Днем было объявлено: всякий, кто будет оказывать сопротивление хунте после 3 часов 30 минут дня, при поимке будет расстрелян на месте: «Сопrotивление бесполезно; вы можете судить о том, на что мы способны, по тому, что мы сделали в «Ла Монеде».

Однажды вечером члены хунты выступили с заявлениями по телевидению. Густаво Ли, возглавлявший военно-воздушные силы, заявил, что хунта «искоренит рак марксизма» в

Чили. Аугусто Пиночет, командующий армией и глава хунты, объявил, что работа конгресса приостанавливается «до дальнейшего уведомления». Вскоре хунта объявила вне закона политические партии Народного единства, запретила деятельность других партий и ликвидировала Единый профсоюзный центр трудящихся Чили (КУТ). Она взяла также в свои руки управление университетами и начала широкую чистку «левых элементов» среди преподавателей и студентов.

Хайме и его жена Нэнси прибыли в «Ла Монеде» рано утром в день переворота. Нэнси покинула дворец вместе с другими женщинами перед полуднем по приказу президента Альенде. После долгих метаний в районе боевых действий в центре города она нашла убежище в мексиканском посольстве. Хайме сражался в «Ла Монеде» до конца.

В первый же день переворота начали зачитывать указы, предписывающие политическим деятелям Народного единства и членам правительства сдать власть. Мы с женой напряженно вслушивались в передаваемые списки и вскоре слышали имена друзей и людей, с которыми я работал. В течение последующих нескольких дней часто повторялись предостережения о том, что в Чили проникли «сотни иностранных экстремистов». На улице мы подобрали листовку, в которой говорилось: «Не будет никакой пощады иностранным экстремистам, прибывшим в Чили, чтобы убивать чилийцев. Граждане! Будьте бдительны, обнаруживайте их и доносите в ближайший участок».

Мы решили, что хунта доберется и до меня — это лишь вопрос времени — и мы должны как можно скорее уйти из поля ее досягаемости. С помощью Нэнси через шесть дней после переворота мы получили убежище в мексиканском посольстве. Наше решение оказалось верным. 5 октября хунта издала приказ о моем аресте, но к этому времени мы были уже в Мехико.

Встретившись с Нэнси в мексиканском посольстве, мы с нетерпением стали расспрашивать ее, нет ли новостей о Хайме. Достоверных сведений не было, только противоречивые слухи. Ни Нэнси с детьми, ни их друзья не могли выяснить, что же случилось с ним. Мы узнали о его судьбе лишь спустя многие месяцы. Хайме был хладнокровно убит, застрелен на следующий день после того, как его схватили в «Ла Монеде» и доставили в полк «Такна» в Сантьяго.

Почему хунта убила так много людей — две тысячи, согласно газете «Нью-Йорк таймс», и пятнадцать тысяч, по данным Гарольда Эдельстама, бывшего посла Швеции в

Чили, у которого нет как у американских империалистических кругов таких интересов, ради которых они готовы на все? Потому, что хунте, а также чилийской буржуазии и империализму США, стоящим за ней, этот террор нужен был, чтобы захватить власть.

Революции учат. В ходе революционной борьбы отчетливо проступают цели, которые обычно завуалированы; пробуждаются силы, которые обычно дремлют; она заставляет различные классы взяться за оружие, которое обычно хранится в резерве. Учат не только победоносные революции, но и революционные выступления, терпящие поражение.

Сам факт поражения чилийской революции подтверждает ряд марксистско-ленинских положений. Ее опыт показывает народным массам Чили и других стран, что вооруженные силы не могут быть «чисто профессиональными», то есть стоящими над классами, верными конституции и закону прежде всего. Она подтверждает, что без завоевания всей полноты государственной власти и ликвидации буржуазного государства социализм построить нельзя.

Однако, наряду с подтверждением основных положений марксизма-ленинизма, чилийский опыт внес новое в наши познания о революции, ибо в определенных отношениях он уникален, ведь впервые начало революционному процессу положила победа народа на выборах. Во всех предшествующих социалистических революциях переходу правительства в руки народа предшествовала вооруженная борьба. Лишь после завоевания государственной власти он брал на себя исполнение обязанностей правительства. В чилийской революции правительственную власть Народному единству дала победа на выборах, однако это был лишь плацдарм для завоевания всей государственной власти.

Чилийская революция явилась первым испытательным полигоном для стратегии и тактики, используемой империализмом и местной олигархией, когда действия демократически избранного социалистического правительства ставят под угрозу их привилегии; для стратегии и тактики победивших на выборах революционеров, добивающихся завоевания всей полноты государственной власти для народа и построения социализма; для методов управления страной и ее экономикой на этапе борьбы за власть при наличии части ее.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Ортодоксальные чилийские историки чтут память Педро де Вальдивии — испанца, который возглавил отряд конкистадоров, совершивших поход из Перу в Чили, основал Сантьяго и несколько других чилийских городов и, как основатель Чили, стал ее первым губернатором времен колонии. Массивная статуя Вальдивии возвышается на центральной площади Сантьяго — пласа де Армас. Его именем назван город и многие улицы.

Однако для Пабло Неруды, который в своем произведении «Всеобщая песнь» глубоко проник в историю Латинской Америки, Вальдивия — «палач», разделивший Чили между ворами, будто она «труп осла», возвращавший пленных индейцев с отрезанными носами и ушами и покинувший «ее в кругу мертвецов, опустевшую, в шрамах, рубцах». Неруда считал «нашим отцом» Лаутаро — молодого вождя, возглавившего отряды индейцев-арауканов, ведших партизанскую войну против испанских завоевателей и нанесших в бою поражение Вальдивии. Голова ненавистного испанца была отрублена, и ее передавали по кругу на копье. В Сантьяго нет памятника Лаутаро, ни один чилийский город не носит его имени.

Чилийцев учили, что они ведут свое происхождение от Вальдивии и испанцев, однако чилийский народ не просто испанцы. Чилийцы — это в основном метисы, смесь испанской и индейской крови. Лишь высшие круги в большинстве своем имеют испанское происхождение, но и в них есть примесь индейской крови.

В испанском экспедиционном отряде Вальдивии, отправившемся на завоевание Чили, было сто пятьдесят мужчин и только одна женщина. Основную часть чилийского народа составляют потомки этих мужчин и индейских женщин.

После завоевания Чили из Испании приезжали в основном мужчины. Они несли главным образом военную службу и стремились сколотить состояние, участвуя в боевых сражениях; семья была бы для них обузой. Ассимиляция испанцев

и индейцев произошла быстро. Не прошло и пятидесяти лет, как метисов стало намного больше, чем испанцев.

Индейцы-арауканы оказывали упорное сопротивление завоевателям Чили, оно продолжалось свыше трехсот лет. Эта война была настолько яростной, что среди солдат в Испании получило широкое распространение такое выражение: «Берегись, иначе тебя пошлют в Чили»¹. Вначале индейцы стремились встретиться с испанцами в открытом бою, однако были разгромлены, поскольку последние имели лошадей и были лучше вооружены. Но вскоре индейцы сами научились использовать лошадей, а луки и стрелы сменили на булавы и дубинки и стали избегать прямых столкновений с противником. Все, кто пишет об этой войне, высоко оценивают боевые качества индейцев-арауканов. Они выработали тактику, очень похожую на тактику современной партизанской войны.

Известный чилийский антрополог Александр Липшук объясняет упорное сопротивление, оказываемое индейцами, природой их бесклассового общества. «Никогда не управлялись королем», — говорил Эрсилья, испанский военный служащий и поэт, который сражался против индейцев-арауканов и свое восхищение их мужеством выразил в поэме «Араукана», ставшей национальным эпическим произведением Чили. В отличие от инков и ацтеков, у арауканов никогда не было правителей, и они не могли позволить испанцам превратить их в рабов. Они защищали *свою* землю, *свой* народ, *свой* образ жизни.

Трехсотлетняя война не могла не оказать воздействия на общества, ведущие ее. В конечном счете она завершилась почти полным уничтожением индейцев-арауканов, в живых осталось лишь несколько сотен тысяч индейцев. Сейчас они живут на юге Чили, у них отняли земли, они лишены своей культуры и по-прежнему называют других чилийцев «чужаками». О воздействии войны на другую сторону пишет Лунс Гальдамес в книге «История Чили»: «Такая продолжительная и ужасная война наложила весьма специфический отпечаток на политическую и социальную жизнь страны. Во время боевых действий, часто разворачивавшихся в XVI и XVII веках, население, живущее в условиях строгого военного режима, подвергалось постоянным жестоким испытаниям. Колония была доведена до обнищания и обезлюдела, правительство ненавидели, жизнь была неопределенной, а домашние устои подрывались суровостью лагерной жизни»².

Первыми испанцами, ступившими на землю Чили, были солдаты-завоеватели, не привыкшие к труду и плохо знакомые с обработкой земли, разведением домашних животных,

трудом на рудниках. Эту работу заставляли выполнять индейцев. Завоеватель получал энкомьенду *, что означало, что индейцы, проживающие в данной местности, отдавались ему на «попечение». Индейцы построили первые дома, общественные здания, церкви. Они выполняли сельскохозяйственные работы, разрабатывали месторождения, проводя большую часть дня по колено в воде. В военных кампаниях их использовали в качестве вьючных животных. Исключение не делалось ни для кого — ни для стариков, ни для детей, ни для женщин. «По общему мнению, сложившемуся у испанцев,— отмечает Гальдамес,— индейцы не принадлежали к человеческой расе, они стоили не дороже лошади или собаки»³.

Огромное количество индейцев погибло после установления испанского господства. Многие были убиты в сражениях, умерли в результате жестоких условий труда, опустошительных эпидемий оспы, кори, тифа, жестоких расправ владельцев энкомьенд с «непокорными» индейцами. Кроме того, падала рождаемость вследствие нарушения семейного уклада жизни, войн и насильственной вербовки индейцев на подневольный труд. Сокращению индейского населения способствовало и смешение с испанцами и метисами. К концу XVIII века за пределами территории, контролируемой индейцами-арауканами, они были почти полностью истреблены. Их заменили в качестве рабочей силы на фермах и в городах метисы.

В XIX и XX веках в Чили прибывали многочисленные иммигранты неиспанского происхождения. Приехали английские торговцы. После 1848 года на юге страны обосновалось большое число немцев; там и по сегодняшний день во многих городах и обширных сельских районах говорят и по-немецки и по-испански. Прибыли французы, итальянцы, югославы, евреи, ливанцы. И сейчас в Сантьяго существуют частные парки с игровыми площадками, плавательными бассейнами, теннисными кортами, ресторанами, где собираются выходцы из этих стран.

Ко второй половине XIX века неиспанские иммигранты, которые стремились держаться в стороне от принадлежавших к «низам» метисов, начали пробиваться в высшие сферы чилийского общества. Поэтому наряду со старейшей чилий-

* Энкомьенда — особая форма эксплуатации индейского населения колонизаторами, имевшая широкое распространение в испанских колониях в Латинской Америке. Индейцы, номинально считавшиеся свободными, передавались на «попечение» испанских колонизаторов якобы с целью приобщения их к христианской религии и европейской цивилизации. (Здесь и далее прим. перев.)

ской аристократией главным образом баскского происхождения среди «лучших семей» Чили есть семьи с английскими фамилиями, такими, как Эдвардс, Лайон, и с французскими, например Суберкасо. Результатом новой иммиграции явилось увеличение дистанции между низшим классом — метисами и высшим и средним классами, к которым принадлежат главным образом выходцы из Европы.

Эту дистанцию между метисами и европейцами можно наблюдать, прогуливаясь по Сантьяго. В богатых кварталах Лас Кондес, Ла Рейна, Ла Авенида, Америкго Веспуччи с особняками и многочисленными гаражами для двух или трех автомобилей живут люди с европейскими чертами лица, цветом кожи и фигурой. В бедняцких районах Ла Гранха, Барранкасо, Кончами или любых других окраинах, обитатели которых ютятся в деревянных лачугах, построенных на немощенных улицах, где босые дети издалека носят воду из колонок, вы увидите людей, которые, за редким исключением, являются метисами — об этом свидетельствуют разрез глаз, цвет кожи, прямые иссиня-черные волосы и невысокий рост.

Большинство чилийцев из высших и средних слоев отрицают тот факт, что чилийское общество пропитано расизмом. «Мы не похожи на вас, американцев, — сказал мне однажды сосед по столику в кафетерии Центрального банка, — у нас нет деления на расы». Однако было очевидно, что в самом Центральном банке почти все высшие должности занимали люди европейского типа, в то время как уборщицами работали метиски. Подобная градация наблюдается во всем чилийском обществе.

Предрассудки в отношении индейцев и метисов в высших и средних слоях чилийского общества сохраняются до сегодняшнего дня. Часто во время обеденной беседы высокопоставленные чиновники говорили мне, что чилийским рабочим необходима строгая дисциплина, потому что они лентяи и пьяницы, и что эти пороки они унаследовали от индейцев. В ответ я приводил им слова Эрсильи, непосредственно общавшегося с индейцами, о том, что индейцы-арауканы — неутомимые труженики. Мои слова не встречали поддержки.

Такие предрассудки бытуют не только среди некоторых банковских служащих. Франсиско Энсина, ведущий чилийский буржуазный историк первой половины нашего века, писал: «Новая чилийская раса была создана в энкомьендах. Здесь метисы осознали величайшее завоевание человечества: привычку к труду». Энсина считает, что кнут и винтовка, которые испанцы использовали для насаждения убийственной дисциплины в энкомьендах, сыграли положительную роль.

Энсина заявляет также, что «определенные эндемические пороки, такие, как алкоголизм, всецело обуславливаются туземным влиянием»⁴. Ужасающие жилищные условия и доходы, получаемые землевладельцами и торговцами от продажи спиртного беднякам, не имеют-де к этому никакого отношения.

«Расистские толкования — повсеместное явление в Чили... — пишет профессор Фредерик Б. Пайк. — Широко распространена антииндейская литература. Вот несколько взятых наугад примеров, иллюстрирующих глубоко укоренившиеся предрассудки, составляющие важную национальную черту. Один автор утверждает, что высокая детская смертность среди низших слоев — результат глупости, нечистоплотности и приверженности к алкоголизму, которые достались им в наследие от индейцев; другой заявляет, что умственная неполноценность индейцев-арауканов признается почти всеми чилийцами; в другом источнике утверждается, что расовое превосходство белых высших классов неизбежно привело к эксплуатации ими низших классов со смешанной кровью»⁵.

Однажды, когда мы с женой наблюдали марш бедняков из трущоб Барранкасо, шествовавших по главной улице Аламеда, в центре Сантьяго, холеная женщина повернулась к нам и, указывая на демонстрантов, сказала: «Посмотрите на этих грязнуль, чего же они хотят?»

Вальдивия вознаградил конкистадоров, сопровождавших его, дав им не только индейцев, но и земельные участки. Это разделение людей и земель положило начало процессу, имевшему величайшее значение для формирования характера будущего чилийского общества.

Первоначальные земельные наделы, предоставленные конкистадорам, представляли собой огромные площади. Некоторые получили целые долины, простиравшиеся от Анд до Тихого океана. Другим выделили участки поменьше; они стали немедленно расширять их, захватывая пограничные земли и близлежащие холмы, где имелась вода. Некоторые энкомьендос получили только индейцев без каких-либо прав на землю. Однако, поскольку индейцы без земли не представляли особой ценности, эти энкомьендос сами захватывали земли — либо те, на которых жили индейцы, либо любые другие, имевшиеся под рукой. Этот процесс продолжался, как указывал Джордж М. Макбрайд в своем классическом труде «Чили: земля и общество», до тех пор, пока «крупные фермерские поместья... не утвердились в качестве господствующих сельскохозяйственных единиц. Почти вся лучшая земля... была захва-

чена владельцами этих крупных ферм... на всей территории, оккупированной белыми, почти не осталось места для какого-либо другого типа владения»⁶.

Первоначально в этих имениях работали только индейцы. Им приходилось делать все: обеспечивать хозяина пшеницей, кукурузой, яйцами и другими продуктами, заниматься строительством, прислуживать в доме. «Ни одно хозяйство испанцев,— пишет Макбрайд,— не обходилось без местных слуг...»⁷

На первых порах индейцы при первой же возможности убежали в леса от своих иностранных порабитителей, но со временем положение изменилось. Распад индейских общин и монополизация земли испанцами все более затрудняли существование индейцев за пределами поместий. Со временем индейцев сменили метисы, никогда не знавшие жизни вне поместий.

До тех пор пока землевладельцы сталкивались с проблемой удержания рабочей силы, сохранялась система энкомьенд, при которой индеец находился на «попечении» хозяина и был обязан по закону работать на него. Однако, по мере того как у работников не оставалось иного выхода, кроме как жить в поместьях, эта система постепенно менялась. Работник и его семья трудились на хозяина в обмен на определенные права. Например, он должен был отработать 160 или более дней в году на хозяина, и за это ему предоставлялась лачуга на территории поместья, разрешалось пасти домашних животных или возделывать небольшой участок, чтобы прокормить себя и свою семью.

На основе старой системы энкомьенд и раздачи земельных участков родилась новая система — асьенда^{*}; владелец энкомьенды стал владельцем асьенды, а индеец превращался в инкилина — арендатора. Свобода, полученная инкилинами, как и свобода, полученная рабами после гражданской войны в Соединенных Штатах, была скорее формальной, чем реальной. Работник оставался в подчинении у хозяина, не мог уйти из его поместья и был обязан работать на него.

Какого же развития сельского хозяйства можно было ожидать от такой системы, господствовавшей в Чили? Чилийский экономист прошлого века писал: «В условиях, когда земли жаловались на основе системы фаворитизма и в таких чрезмерных размерах, равных иногда целым округам, когда эти земли отдавались под верховный надзор энкомьендос, не имевших производственных навыков, и обрабатывались индейцами,

^{*} Асьенда — имение, плантация и т. д. в Испании и ее колониях.

принудительно работавшими на них и лишенными какой-либо заинтересованности в эффективном ее использовании, земельная собственность в Чили в течение всего колониального периода была не чем иным, как обширным ранчо, с которого получали только естественные, вырастающие почти сами собой продукты земледелия»⁸.

Асьенда была экономической единицей с натуральным хозяйством. Кроме особняка, принадлежавшего владельцу асьенды, и лачуг, в которых жили инкилины, в ней имелись рабочие помещения и склады, магазины для продажи инкилинам продовольствия и вина, а также церковь. Владелец земли царствовал в своем имении, как маленький монарх. Инкилин должен был получить у него разрешение на женитьбу, часто тот был крестным отцом его детей, после смерти инкилина он распределял его имущество между наследниками. Он выступал судьей в спорных делах, определял наказание за проступки; на многих асьендах имелись камеры или темницы, куда сажали непокорных.

К концу колониального периода асьенда стала одним из самых важных институтов Чили. Макбрайд пишет: «Она была характерной единицей сосредоточения населения, значительно более важной, чем те несколько мелких городов, существовавших в то время в Чили... Присущая ей независимость вассала от хозяина накладывала отпечаток на всю социальную структуру с ее резким разграничением высших и низших классов, равно как и отношения между этими двумя лицами определяли тип существовавших правительственных институтов...»⁹.

Даже в наше время на сельском хозяйстве Чили лежит отпечаток его истоков, о чем можно судить по приводимым ниже выдержкам из доклада «Инвестиции в Чили», опубликованного министерством торговли США. «Для Чили характерна крайне высокая концентрация сельскохозяйственных угодий в руках небольшого числа владельцев, вместе с тем размеры многих сельскохозяйственных владений слишком малы для экономически выгодного ведения хозяйства». В 1955 году на долю 2,8% хозяйств приходился 41% пахотной земли, тогда как на долю 64% хозяйств — только 12%. «Асьенда, или фундо, как ее чаще называют в Чили, — это типичная форма земельного владения... Ее истоки и в большинстве случаев право собственности на нее идут от времен энкомьенд и эстансий*, пожалованных испанской короной или захваченных от ее имени после 1544 года»¹⁰.

* Эстансия — скотоводческое хозяйство.

В докладе «Инвестиции в Чили» указывалось и на методы ведения сельского хозяйства: «Все органы власти согласны с необходимостью значительного улучшения практики земельного управления и методов ведения хозяйства в Чили... Самой серьезной проблемой является, вероятно, недостаточно эффективное использование земли... Большинство чилийцев, за исключением крупнейших землевладельцев, возлагают ответственность на хозяев асьенд. Например, министерство сельского хозяйства указывает, что на земельных участках площадью свыше одной тысячи гектаров, то есть в так называемых латифундиях, земля используется только частично, механизация и современные приемы применяются недостаточно, а земли с ирригационной системой отводятся часто под естественные пастбища...»¹¹

Современные чилийские землевладельцы, как и их предки, не хотят заниматься сельским хозяйством. Клод Г. Бауэрс, посол США в Чили в 1939—1953 годах, пишет в связи с этим: «Они часть года живут в своих поместьях, часть — в городских домах в Сантьяго. В большинстве своем они космополитичны, и в курортный сезон их можно встретить на Ривьере, в Биаррице или в Швейцарии»¹².

Сложившееся в колониальный период классовое разделение на землевладельцев и инкилинов дошло до сегодняшних дней. Вот некоторые условия, которые ставил владелец фундо перед своими инкилинами в 1965—1966 годах:

1) каждый дом должен обеспечить, чтобы на фундо работали два человека;

2) пользование домом и приусадебным участком входит в оплату труда обоих;

3) каждый работающий получает также земельный участок в четверть куадра*, выпас для двух домашних животных, 3 центнера** муки и 150 килограммов бобов в год, древесину для личного пользования;

4) заработок каждого работающего составляет 1,22 эскудо (около 30 американских центов) в день¹³.

Классовое расслоение особенно бросается в глаза в асьендах при сравнении лачуг инкилинов с особняками землевладельцев. Однажды в воскресенье мы с женой отправились на окраину Сантьяго, чтобы осмотреть особняк «Пеньяболен». Миновав длинный ряд глиняных лачуг, мы увидели гигантский дом, занимавший обширный участок, похожий на парк. У ворот нам сказали, что вход воспрещен — здание захватили

* Куадра равна примерно акру.

** Центнер США — 45,3 килограмма.

жители бедняцких кварталов Сантьяго и в нем проживает сорок семей.

Как-то раз мы осмотрели поместье, расположенное в близлежащем городе Сан-Фелипе. Ведущие в него ворота были больше и изящнее ворот Колумбийского университета; усаженная деревьями аллея вела к резиденции владельца — двухэтажному дворцу площадью с городской квартал. Позади него размещался бассейн длиной примерно сто ярдов, окруженный подстриженными деревьями на манер Версаля. Это здание передавалось под один из факультетов Университета Сан-Фелипе...

Инкилины находились в полной зависимости от хозяина асьенды, который использовал их и в своих политических целях. Вот несколько строк из стихотворения Пабло Неруды «Выборы в Чимбаронго», написанного в 1947 году:

Однажды в Чимбаронго, в Чили,
на выборах сенатора я был.
Я видел, как в сенат проходят
отечества столпы.
В одиннадцать утра
из деревень приехали телеги,
набитые туземцами впритирку.
Была зима, они промокли.
Голодные, немытые, босые,
рабы из Чимбаронго
сошли с телег.
Как дикарей в лохмотьях,
выстраивают и ведут их,
а бюллетень в руке.
Потом гурьбою, под присмотром,
идут они за платой.
Потом опять к телегам
рядами, словно лошадей,
ведут их.

А позднее
им выдали вина и мяса,
пока до состояния скота
они не напились. Тогда про них забыли.
Еще позднее я услышал речь
сенатора, прошедшего их голосами:
«Мы — христиане-патриоты,
мы — рыцари-защитники порядка,
мы — дети духа».

И трясся у него живот,
мычал он голосом коровы пьяной.
Казалось, говорит не человек,
а мамонт поднял трубный рев,
который обрывается во тьме
под сводами доисторического леса.

Землевладельцы традиционно пользовались большой политической властью в Чили. В колониальный период и в первые годы независимости они были самой мощной политической силой в стране. Впоследствии они уступили власть городской буржуазии, но по-прежнему сохраняли большую силу. В классовом отношении они никогда не были просто землевладельцами, они вели торговлю за рубежом и внутри страны. Со временем резкая граница между землевладельцами и городской буржуазией исчезла в результате браков и капиталовложений землевладельцев в промышленные предприятия, а городской буржуазии — в землю. Тем не менее имеется довольно обособленная группа землевладельцев, чьи интересы больше связаны с землей, в отличие от остальной буржуазии. Психология землевладельца сохраняется и в мировоззрении всей буржуазии и проявляется в работе многих чилийских институтов.

Господство землевладельцев наложило отпечаток на все стороны жизни Чили, что можно проиллюстрировать на примере инфляции. В Чили одни из самых высоких темпов инфляции в мире, и этот процесс длится вот уже целый век, причем ежегодное повышение цен на 25—75% считается вполне обычным. Инфляция началась в 1879 году, когда Чили, вынужденная финансировать войну против Перу и Боливии, обратилась к прямому выпуску казначейских билетов и банкнот, по существу к печатанию денег. Однако этот вид финансирования продолжался и после завершения войны. Землевладельцы обнаружили, что могут нагреть руки на обесценении песо: они экспортировали пшеницу и другие продукты за золото, а оплачивали долги обесцененными бумажными деньгами и обогащались на этом в той степени, в которой государство финансировало себя путем печатания денег. Чилийские публицисты любят приводить следующую цитату из труда профессора Фрэнка Феттера «Денежная инфляция в Чили»: «Есть что-то парадоксальное в том факте, что страна, которой в прошлом правила консервативная аристократия, с такой стабильной политической историей и с такой замечательной общественной репутацией имела такой пестрый опыт в денежных делах. Объяснением служит главным образом сильная задолженность титулованного мелкопоместного дворянства и его господствующее влияние в решении государственных дел»¹⁴.

Землевладельцы традиционно считали Чили большой асьендой, которой следует управлять ради своей выгоды. Они всегда безжалостно прибегали к силе, чтобы ликвидировать любую угрозу их интересам. Они ненавидели **Бернардо О'Хиг-**

гинса, возглавившего войну за независимость и ставшего первым Верховным правителем независимой Чили, потому что он обложил их налогом для ведения войны против Испании, потому что он стремился ликвидировать дворянские титулы, потому что он хотел уничтожить систему наследования, по которой право на недвижимость имел старший сын, что препятствовало дроблению крупных поместий и вело, таким образом, к сохранению власти класса землевладельцев. Поэтому они совершили государственный переворот и свергли чилийского Джорджа Вашингтона. Впоследствии они не раз свергали или помогали свергать неугодные им правительства. В последние годы, не имея прежнего влияния, они представляли главную силу в самых реакционных партиях Чили, зловеще взирая на все попытки достижения прогресса, включая даже умеренные буржуазные реформы.

Проникновение империализма в самых разных формах началось с первых же дней существования Чили.

Сначала были испанцы, провозгласившие себя правителями Чили и включившие ее в меркантильную систему, при которой Испания монополизировала торговлю своих колоний и разрешала производить в них только те товары, которые сама не могла выпускать. По выражению одного историка, колониям не разрешали производить ни гвоздя, ни подковы. Чили попала в зависимость не только к Испании, но и к Перу. Вице-короли Перу, отмечает Энсина, считали Чили «простым придатком вице-королевства, амбаром, предназначенным для удовлетворения потребностей вице-королевства в пшенице и сале, рынком для поддержания процветания коммерции Лимы... Они учитывали интересы только перуанского потребителя и купца и не заботились о последствиях своих мер для экономического развития Чили»¹⁵.

Как Англия, так и вновь созданное государство — Соединенные Штаты Америки выступали за независимость Латинской Америки от Испании, с тем чтобы самим получить доступ к ее сырьевым ресурсам и рынкам. В первые годы войн за независимость в Латинской Америке Англия выступала на стороне Испании против Наполеона, и поэтому у нее были ограниченные возможности для оказания помощи повстанцам. Однако после падения Наполеона она предпринимала различные маневры с целью воспрепятствовать оказанию другими европейскими странами военной помощи Испании в подавлении восстания латиноамериканцев; ее торговцы продавали повстанцам оружие, а ее подданные вступали в их ряды.

Шотландец лорд Кочрейн возглавил первую чилийскую военно-морскую эскадру, участвовавшую в боях за вытеснение Испании из Перу. Соединенные Штаты посылали своих агентов, чтобы поддерживать новые национальные правительства и помочь им советами.

Со времен войн за независимость началось деловое соперничество между Англией и Соединенными Штатами за господство в Латинской Америке. Поскольку в то время Англия была ведущей экономической державой, преимущества были на ее стороне. В борьбе за проникновение в Чили Англия намного обошла Соединенные Штаты и превратила Чили в свой экономический придаток.

В 1875 году 58% экспорта и 41% импорта Чили приходилось на Англию¹⁶. Структура торговли соответствовала отношениям между метрополией и колонией. Чили стала ведущим производителем меди, покрывая в 1870 году 66% потребности Англии в ней. Чили выдвинулась также в число крупнейших поставщиков пшеницы на ее рынок. Англия же стала основным поставщиком промышленных товаров, потребляемых в Чили.

Засилье Англии не ограничивалось рамками внешней торговли Чили. Английские коммерческие агенты контролировали ее медную промышленность, не будучи сами сколько-нибудь значительными производителями меди. Они предоставляли кредит владельцам медных рудников в обмен на обязательства последних продавать им добытую медь. Раздавались многочисленные жалобы на то, что несколько медеплавильных заводов в Суонси, Уэльсе (Англия) повышали или понижали цены, исходя из своих интересов. Держа в подчинении внешнюю торговлю Чили, а также имея там свои оптовые торговые дома, английские бизнесмены взяли под свой контроль и большую часть ее внутренней торговли. Британские коммерческие дома занимались не только скупкой и продажей, но и банковскими операциями. В 1822—1879 годах чилийское правительство получило десять иностранных займов, и все они поступили из Англии¹⁷.

Для поддержания своего экономического господства Англия использовала политическое давление. Когда в Чили был введен налог на экспорт сырья с целью поощрить выплавку меди внутри страны, министерство иностранных дел Англии поручило своему представителю в Сантьяго добиться от чилийского правительства его аннулирования. Когда в Чили был повышен налог на импорт угля, чтобы поощрить его производство внутри страны, министерство иностранных дел Англии также воспротивилось этому. Англия оказывала нажим на

Чили, добиваясь принятия последней принципа свободной торговли. Занимая фактически монопольные позиции в промышленном производстве, Англия могла опередить любых конкурентов, и ей требовался свободный доступ на мировые рынки. Положение в Чили коренным образом отличалось от положения в Англии, однако в 50-х годах XIX века она стала осуществлять принцип свободной торговли.

Современный империализм проник в Чили в 80-х годах XIX века. В результате войны 1879—1884 годов с Перу и Боливией Чили получила земли с богатыми залежами селитры — нынешние северные провинции Тарапака и Антофагаста. Однако главную выгоду из войны извлекли английские спекулянты, такие, как Джон Томас Норт. В 1875 году Перу экспроприировала земли с залежами селитры, выдав облигации их бывшим владельцам. В годы войны эти облигации обесценились, и Норт, пустив в ход капитал, полученный в чилийских банках, скупил их столько, сколько смог. После войны Чили решила вернуть собственность владельцам облигаций, и Норт прочно обосновался в селитряной промышленности. Затем, следуя той же логике, которой следовал Джон Д. Рокфеллер, Норт проник и в другие отрасли, от которых зависело производство селитры. Он установил контроль над водоснабжением, столь необходимым для пустынных районов, железной дорогой, государственной осветительной компанией, компанией, монополизировавшей поставки на рудники, и пароходной компанией, монополизировавшей доставку селитры в страны-потребители. В 1888 году Норт основал «Бэнк оф Тарапака энд Лондон». Вскоре Норт и еще несколько действовавших с ним заодно дельцов превратили северные провинции Чили в свою частную вотчину.

Английское засилье в чилийской экономике возросло, как никогда ранее. До 1880 года займы составляли шесть из восьми миллионов фунтов стерлингов английских инвестиций в Чили. Впоследствии прямые инвестиции — признак современного империализма, — означающие контроль над собственностью в самой стране и в связи с этим более глубокое проникновение в нее, подскочили с 2 миллионов до 18 миллионов фунтов стерлингов в 1890 году¹⁸. Контроль Англии над селитряной промышленностью означал контроль над ключевой отраслью экономики Чили и, следовательно, над ней самой. Вывоз селитры возрос в 80-х годах XIX века, она превратилась в главный экспортный товар. Экспортный налог на селитру стал основным источником правительственных поступлений и составил 45% их в 1891 году. Крупные дополнительные поступления селитра давала косвенным образом через

пошлины на ввозимые товары, купленные главным образом на деньги, вырученные от ее реализации.

Господствующее положение в экономике обеспечивало политическое влияние. У англичан были мощные союзники в тех классах, с которыми они вели свои дела,— среди землевладельцев, которые продавали им пшеницу, среди владельцев рудников, которые продавали им медь, и среди импортеров, которые покупали у них товары. В платежных ведомостях Норта стояли фамилии нескольких адвокатов, игравших важную роль в чилийской политической жизни, например Энрике Макиверы, лидера радикальной партии, и Карлоса Валькера Мартинеса, лидера консервативной партии. Компания «Нитрэйт рейлуэй» имела фонд для политических взяток, составлявший 100 тысяч фунтов стерлингов. Это обнаружилось после того, как англичане — держатели акций — подали в суд на компанию, чтобы узнать, как используются ее деньги.

Селитряное золотое дно способствовало и росту доходов правящих классов Чили. Они стали чаще ездить за границу, увеличили ввоз предметов роскоши и добились отмены немногих прямых налогов, фактически полностью освободившись от какого-либо налогового бремени.

Однако по мере всевозрастающего проникновения британского империализма в стране рождалось ответное естественное движение: «Чили для чилийцев». Чилийцы требовали вернуть свои богатства, использовать их на благо своего народа, а не иностранцев. Рождался класс промышленной буржуазии, и его представители призывали к «защите национальной промышленности, что откроет путь к огромным источникам богатств, которыми располагает страна»¹⁹.

В 1886 году президентом Чили стал Хосе Мануэль Бальмасада, который не только выступал за освобождение страны, но и ясно понимал необходимость экономического развития Чили. Бальмасада разработал широкую программу, предложив национализировать железные дороги, ликвидировать селитряную монополию английских капиталистов и создать национальные селитряные компании, акции которых не разрешалось бы передавать иностранцам. Он утверждал, что «нам следует инвестировать» поступления от разработки селитряных месторождений «в производственные предприятия, с тем чтобы после утраты селитрой своего значения в связи с открытием новых природных месторождений или успехами науки создать на основе национальной промышленности и государственных железных дорог новый источник доходов...»²⁰. Он хотел также путем установления новых тарифов защитить чилийскую промышленность, чтобы дать ей возможность

окрепнуть. По его словам, чилийские рудники должны не просто поставлять сырье на внешний рынок, они должны стать основой для создания мощной национальной металлургической промышленности.

Бальмасада начал осуществлять широкую программу общественных работ. Его правительство приступило к расширению вдвое сети железных дорог, построило новые автомобильные дороги, телеграфные линии, мосты, доки, системы водоснабжения, больницы и школы.

Политика, проводимая Бальмаседой, неизбежно натолкнулась на острую оппозицию. Конечно, англичане не могли смириться с угрозой, нависшей над их интересами. Высшие классы Чили ненавидели Бальмаседу за то, что он «впустую» тратил деньги на строительство школ и дорог, вместо того чтобы освободить их от налогов. Землевладельцы протестовали, заявляя, что его программа общественных работ создает дефицит рабочей силы и вынуждает повышать зарплату.

Норт предпринял ряд поездок из Лондона в Чили с целью выяснить, что можно предпринять. Его адвокаты возглавили оппозицию Бальмаседе в конгрессе, которая блокировала все его мероприятия. Они отказывались голосовать за законопроект о налогах. Они использовали такую меру, которая через 80 лет была применена и против Альенде, — вынесение конституционных обвинений против министров с целью их смещения, заставляя Бальмаседу неоднократно формировать новые кабинеты министров. Несмотря на все это, Бальмасада не отступал. В январе 1891 года оппозиция прибегла к мятежу.

Мятеж возглавили военно-морские силы, ориентировавшиеся со времен лорда Кочрейна на Англию. В сообщении американского представителя в Чили государственному департаменту отмечалось: «Известно, что многие английские фирмы внесли значительные вклады в революционный фонд. Руководители гражданской войны открыто признают, что Джон Томас Норт, в частности, внес 100 тысяч долларов»²¹. Английские суда помогали перевозить уголь и продовольствие в Икике, расположенный в районе залегания селитры, где мятежники устроили свой штаб.

В августе 1891 года мятеж закончился победой. Английский представитель сообщал в министерство иностранных дел: «Мы, англичане, пользуемся огромным расположением во всех классах»²².

Однако возникла новая угроза господству британского империализма в Чили, а именно со стороны других империалистических держав — Германии и США. Их экономическая мощь неуклонно возрастала. В 90-х годах XIX века быстро

увеличивались германские инвестиции в Чили, и вскоре Германия заняла господствующие позиции в электроэнергетике и городской троллейбусной сети Чили. После 1900 года наблюдается рост американских инвестиций. В 1905 году для разработки меди на руднике Эль-Теньенте была создана фирма «Брейден коппер», которая впоследствии стала дочерней компанией «Кеннекотт коппер корпорейшн». В 1911 году для разработки меди в Чукикамате была учреждена фирма «Чили эксплорейшн», которая затем стала дочерней компанией «Анаконда корпорейшн». В 1913 году «Бетлехем стил корпорейшн» приобрела железорудные рудники Эль-Тофо. Росла торговля Германии и США с Чили. По объему инвестиций и торговому обороту с Чили США и Германия быстро догоняли Англию. Чили стала ареной острого империалистического соперничества.

Это соперничество разрешила первая мировая война. Германия была почти полностью устранена из игры. Англии, вышедшей из войны ослабленной, страной-должником, пришлось еще более потесниться. Главенствующее положение заняли Соединенные Штаты, создав в Латинской Америке свою империю, частью которой стала Чили.

После войны американский империализм завершил установление своего контроля над ключевыми отраслями чилийской экономики. Американские корпорации держали в своих руках крупные медные рудники, приобретшие в то время первостепенное значение, поскольку медь заменила селитру в качестве основной статьи чилийского экспорта. Опасения Бальмасады за будущее селитряной промышленности Чили оправдались — она уступала свои рынки искусственной селитре, технология производства которой была открыта в годы войны. Однако эта старая отрасль промышленности по-прежнему приносила некоторую прибыль, и в 20-х годах семейство Гугенхаймов установило контроль над принадлежавшей англичанам компанией «Инглэнд-чилиан нитрат энд рейлуэй» и над принадлежавшей чилийцам компанией «Лаутаро нитрат». В 1927 году компания «Интернэшнл телефон энд телеграф» (ИТТ) приобрела большинство акций контролируемой англичанами компании «Чили телефон», и в 1929—1931 годах «Саут америкэн пауэр компани» скупила собственность компаний «Чилиан электрик трэмуэй энд лайт», находившейся под контролем англичан.

Американский империализм потеснил Англию и в политической области. В 1932 году в Чили произошел государственный переворот. Среди руководителей переворота были такие левые деятели с социалистическими устремлениями, как Мар-

мадуке Грове; они предложили программу вытеснения империализма из Чили. Встревожились все — американские бизнесмены, посольство США, государственный департамент. Посол США Уильям Калбертсон вошел в контакт с Карлосом Давилой, правым руководителем правящей хунты, который считал, что «иностранным интересам не следует досаждать». Калбертсон оказал поддержку Давиле, который совершил новый переворот, провозгласил себя временным президентом и сослал левых членов хунты на остров Пасхи ²³.

Депрессия 30-х годов оказала влияние и на Чили. Сокращение экспортных поступлений вызвало острый дефицит платежного баланса страны, что вынудило ее урезать импорт. Она повысила таможенные пошлины и запретила полностью ввоз некоторых товаров, отказавшись от принципа свободной торговли, проводившегося с 50-х годов XIX века. Развитие обрабатывающей промышленности с целью производства заменителей импортируемых ранее товаров положило начало медленному процессу индустриализации страны. Вторая мировая война, отрезав страну от иностранных поставщиков, усилила его.

В 1939 году правительство Народного фронта учредило «Корпорацию промышленного развития» (КОРФО) с целью создания и укрепления промышленных отраслей, имевших важное значение для экономического развития страны. Наряду с расширением электроэнергетической промышленности эта организация была призвана создать сталелитейную, нефтяную и ряд других отраслей.

Однако империалисты продолжали выкачивать богатства из Чили. Огромные доходы, получаемые их компаниями, были лишь одним из этих путей. В годы второй мировой войны цена на медь снизилась до 11³/₄ цента за фунт, тогда как в годы первой мировой войны она достигала 22—27 центов. Эдуардо Новoa подсчитал в своей книге «Битва за медь», что убытки для страны составили 500—600 миллионов долларов ²⁴. В период корейской войны Соединенные Штаты вновь использовали свои позиции в Чили для получения меди по грошовым ценам.

ОТ ГОНСАЛЕСА ВИДЕЛЫ К АЛЬЕНДЕ

После второй мировой войны Соединенные Штаты, опираясь на свою мощь, стремились втянуть Чили в антикоммунистическую кампанию, в которую они пытались вовлечь весь «свободный мир». В 1946 году при поддержке коммунистов президентом Чили был избран Габриэль Гонсалес Видела. Соединенные Штаты прилагали все усилия, чтобы подорвать влиятельные позиции коммунистов. Тогдашний посол США в Чили Клод Г. Бауэрс пишет: «В двух интервью, данных Гонсалесом Виделой... он сказал, что, поскольку коммунисты отдали ему свои голоса, он будет вынужден ввести трех коммунистов в свой кабинет. У меня сложилось впечатление, что, по его мнению, они долго не задержатся в нем»¹.

В 1947 году Чили подписала в Рио-де-Жанейро межамериканский «договор о взаимной помощи» и в 1948 году вступила в Организацию американских государств (ОАГ), действовавшую по указке Соединенных Штатов Америки.

После войны Соединенные Штаты начали в Чили и во всех странах Латинской Америки проведение систематической программы проникновения в ряды их вооруженных сил. По договору о «взаимопомощи» 1951 года и соглашению о «взаимной обороне», подписанному с Чили в 1952 году, они стали оказывать ей военную «помощь»: посылать военных инструкторов и советников и обучать чилийских офицеров в Соединенных Штатах и зоне Панамского канала. Эдвин Льювен указывает в книге, опубликованной для полуофициального совета по международным отношениям, что «программа помощи... не преследует достижение какой-либо важной военной цели, (но) тем не менее она играет очень важную роль в создании возможностей для укрепления политических, а также профессиональных отношений между посылающим и принимающим правительствами. Практика подготовки офицеров из латиноамериканских стран в Соединенных Штатах помогает также заручиться их политическими симпатиями»².

В то же время ЦРУ развернуло, как потом оказалось, широкое проникновение во все влиятельные круги чилийского

общества. Согласно докладу сенатской комиссии по разведывательной деятельности «Тайная операция в Чили, 1963—1973», к началу 50-х годов оно уже начало осуществление операции под названием «средства массовой информации»³.

В течение некоторого времени процесс индустриализации с целью производства в стране импортируемых товаров успешно осуществлялся. Чилийский импорт промышленных изделий в 1945—1949 годах сократился по сравнению с 1925—1929 годами на 35%, тогда как уровень промышленного производства повысился на 125%. К 50-м годам Чили производила различные виды промышленных товаров, включая текстиль, предметы дерево- и металлообработки, жиры и масла, кожаные изделия. Большинство фабрик были мелкими, с отсталым оборудованием, а по качеству многие товары намного уступали товарам развитых стран, однако это действительно была национальная промышленность. Производила она гораздо более широкий круг промышленных товаров, чем Куба до революции.

Однако к 1955 году возникли трудности. Сократилось количество товаров, которым легко можно было найти замену на внутреннем рынке. Новым отраслям промышленности требовалась более сложная технология и большие капитальные вложения. Воспользовавшись этим, иностранные монополии усилили свое проникновение в страну путем учреждения новых предприятий либо скупки действующих или присоединения к ним. В конце 50-х годов и в течение 60-х годов Чили захлестнула волна прямых иностранных инвестиций.

Во что же вкладывали иностранные корпорации свои капиталы? Компания «Дженерал моторз», «Форд», «Крайслер», «ФИАТ», «Лейланд» и «Ситроен» построили сборочные заводы по производству автомобилей марки «нова», «фалкон», «додж-дарт», «симка» и т. д. Несколько иностранных фирм создали заводы по производству покрышек из импортируемых материалов. Компания «Дженерал телефон энд электроникс» построила завод по сборке телевизоров из деталей, производимых на дочернем предприятии в Сильвании, в Пуэрто-Рико, компания «Ремингтон рэнд» — фабрику по сборке металлической канцелярской мебели из импортируемых конструкций.

Свыше 85% населения Чили нуждалось в улучшении питания, в одежде, в расширении общественного транспорта, в нормальных жилищных условиях. Чили требовались целевые инвестиции для решения стоявших перед ней проблем. Те же капиталы, которые она получала, имели целью повысить прибыль иностранных корпораций и привязать ее к высокораз-

витым капиталистическим странам путем строительства заводов по производству предметов роскоши из импортируемых материалов. Необходимость импортировать материалы, переводить прибыль, ренту и проценты за границу вела к тому, что эти новые заводы ложились тяжелым бременем и на без того слабый платежный баланс Чили. Особенно пагубные последствия имели инвестиции в автомобильную промышленность. Они влекли за собой целый ряд дополнительных расточительных расходов на строительство новых шоссе, ведущих в шикарный округ Сантьяго — Витакура или в лыжный курорт Потрильос, а также валютные издержки, связанные с покупкой нефти для автомашин.

Вскоре иностранные корпорации заняли господствующие стратегические позиции в чилийской промышленности. В 1968—1969 годах они являлись совладельцами 25% промышленных компаний Чили, причем это были крупнейшие, часто ведущие компании в своей отрасли, на которые приходилось 60% продукции чилийской промышленности⁴.

Одновременно с промышленностью империалисты прибирали к рукам и финансы. «Нэшнл сити бэнк», который впервые начал свои операции в Чили в 1916 году, учредил новую компанию «Ринасьера насьональ» для среднесрочного и долгосрочного финансирования. «Бэнк оф Америка» основал дочернюю компанию с восемью филиалами. Рокфеллеровская семейная компания «Интернэшнл бейсик экономи» учредила крупнейший кредитный фонд в Чили «Фондо кресиндо».

Внешняя задолженность Чили подскочила с 600 миллионов долларов в 1960 году до 3 миллиардов долларов в 1970 году. Выплата процентов по этому долгу ложилась тяжелым бременем на ее платежный баланс. Проценты по долгу в 1971 году составили 300 миллионов долларов и 400 миллионов долларов в 1972 и 1973 годах. В зависимости от цены на медь эти 400 миллионов долларов составляли 35—40% общей стоимости ее годового экспорта. Чили попала на крючок, и ей приходилось все чаще занимать крупные суммы лишь для того, чтобы выплатить проценты по старому долгу.

Проникновение в область культуры также способствовало проникновению в экономику. Еще в 1911 году Энсина анализировал последствия того, что сегодня мы называли бы империалистическим влиянием в области культуры. Он писал: «Проникновение экономики более развитого государства в экономику слаборазвитой страны создает растущее стремление к потреблению без соответствующего увеличения производственных мощностей... Желание потреблять, возникшее как подражание, передается гораздо быстрее, чем соответ-

вующее желание производить. В связи с этим соприкосновение передовой цивилизации с цивилизацией, стоящей на более низкой ступени, вызывает глубокое расстройство в развитии последней, имеет самые серьезные экономические и моральные последствия. Из этого (соприкосновения) проистекает наше поистине огромное, если учесть наши экономические позиции, потребление предметов роскоши... Выручка (от нашего экспорта)... идет большей частью в Европу на оплату одежды, экипажей, драгоценностей, мебели, путешествий и т. д.»⁵ Эти слова были написаны еще до того, как в Чили проникли современные средства связи и рекламы. Американские фильмы, телевизионные программы, журналы, такие, как «Ридерс дайджест» и «Тайм», вызвали у высших и средних слоев Чили желание жить так, как, по их мнению, живут американцы, не отказываясь, конечно, от дешевых слуг, которыми неразвита чилийская экономика обеспечивала их.

Интересы иностранных монополий все больше переплетались с интересами чилийской буржуазии. В период правления Бальмаседы иностранные корпорации были связаны в основном с чилийской буржуазией, занимавшейся коммерцией, финансами и горнодобывающим делом; интересы же промышленной буржуазии, добывавшейся защиты от иностранной конкуренции, вступали в противоречие с интересами империалистов. В последующем положение изменилось: между сливками чилийской промышленной буржуазии и империалистическими компаниями устанавливались все более прочные, крепнущие связи. Более того, происходило слияние различных слоев чилийской буржуазии между собой и переплетение с иностранными монополистами. Разительным примером этого служит семья Эдвардсов, старых влиятельных представителей чилийской олигархии: она владела целым рядом газет (включая ведущую газету Чили «Меркурио»), банком и несколькими промышленными, горнодобывающими и земельными компаниями, помимо участия в рокфеллеровской компании «Интернэшнл бейсик экономи», в кредитном фонде «Фондо кресиндо», владения 20-процентной долей в чилийской дочерней компании «Ралстон пурина» и большим количеством акций компании «Пепси-кола»⁶.

Чили представляла для американского империализма интерес не только с точки зрения частных монополистических корпораций, но и более широких политических и экономических аспектов. Чили была частью империи США. Когда Соединенные Штаты начали экономическую и политическую войну против революционной Кубы, Чили, несмотря на внутреннюю оппозицию, присоединилась к серии антикубинских

выступлений, предпринятых ОАГ, и порвала отношения с Кубой в 1964 году. Боясь того, что кубинская революция послужит примером для других стран, империалистические круги США выдвинули для Латинской Америки программу «Союз ради прогресса», с помощью которой они рассчитывали предостеречь осуществление революции на континенте путем проведения частичных реформ. В этом плане они рассчитывали на Чили как на витрину.

На президентских выборах в Чили в 1964 году Соединенные Штаты поддерживали христианского демократа Эдуардо Фрея, чья политическая линия была близка политической направленности «Союза ради прогресса». Посольство США в Сантьяго предпринимало закулисные интриги, добиваясь, чтобы консервативная и либеральная партии вышли из Демократического фронта и поддержали Фрея. Тем самым правые и основная часть центра объединились бы против кандидата левых сил⁷.

«Группа американских бизнесменов в Чили предложила, — как сообщается в докладе сенатской комиссии, — предоставить полтора миллиона долларов, которые были бы... тайно выплачены правительством США», но это предложение было отклонено; «однако ЦРУ передало деньги как пожертвования частных лиц христианским демократам через бизнесменов»⁸.

ЦРУ широко вмешивалось в избирательную кампанию. Вот некоторые подробности, взятые из доклада сенатской комиссии: «Центральное разведывательное управление затратило свыше 2,6 миллиона долларов на избрание кандидата от христианских демократов... Свыше половины затрат на проведение кампании по избранию кандидата христианских демократов было оплачено Соединенными Штатами... Помимо этой финансовой поддержки ЦРУ развернуло активную антикоммунистическую пропагандистскую кампанию. Широко использовались печать, радио, фильмы, брошюры, плакаты, листовки, прямые посылки по почте, транспаранты и надписи на стенах. Это была «кампания запугивания», в ходе которой рисовались картины вторжения советских танков и кубинских пехотных частей и которая была нацелена в первую очередь на женщин. Организации христианских демократов распространили сотни тысяч экземпляров антикоммунистического пасторального письма папы Пия XI... Использовалась дезинформация и «черная пропаганда» — материалы, исходившие якобы от Коммунистической партии Чили... В течение первой недели интенсивной пропагандистской деятельности... финансируемая ЦРУ пропагандистская группа готовила по двадцать радиопередач в день в Сантьяго и по сорок четыре

для провинциальных станций; 12-минутные передачи повостей пять раз в день по трем станциям Сантьяго и двадцати четырем провинциальным капамам; тысячи карикатур, множество платных объявлений в печати... Пропагандистская кампания велась и на международной арене. ЦРУ проводило политические акции независимо от кампании христианских демократов среди различных слоев избирателей, в том числе обитателей трущоб, крестьян, организованных рабочих и диссидентов-социалистов»⁹.

Фрей победил на выборах, получив 56,1% голосов, опередив Альенде, собравшего 38,9% голосов. «Анализ, проведенный ЦРУ, приводит к выводу,— говорится в докладе «Тайная операция в Чили, 1963—1973»,— что вмешательство США позволило Эдуардо Фрею получить на выборах 1964 года явное, а не просто относительное большинство»¹⁰. Без вмешательства США разница в голосах, поданных за кандидатов, была бы значительно меньшей, возможно, весьма незначительной. Эти выборы иллюстрируют, хотя и неполно, степень империалистического вмешательства.

Это вмешательство в годы правления Фрея увеличилось. Американские инвестиции росли как грибы, и каждое новое американское предприятие еще более усиливало его, ибо служило прикрытием для сбора разведывательных данных агентами ЦРУ и источником подкупа политических деятелей и партий. Каждый год все новые контингенты чилийских офицеров из вооруженных сил и полиции проходили обучение на американских базах и в училищах. В этот период в Чили находилось в среднем 48 североамериканских военных советников¹¹, которые укрепляли профессиональные и личные связи с элитой чилийской военщины. В ходе выполнения программ Американского института свободного профсоюзного движения — организации, основанной в 1962 году в рамках «Союза ради прогресса», — тысячи чилийских профсоюзных деятелей прошли обучение на краткосрочных семинарах в Чили, а ряд выборных профсоюзных руководителей, например бывшие руководители левых профсоюзов, направлялись на долгосрочные курсы в Соединенные Штаты¹². ЦРУ умножала свои «активы», готовясь к непредвиденным обстоятельствам в будущем.

После победы Фрея у ЦРУ было по-прежнему много работы. В докладе сенатской комиссии указывается: «В период между избранием... Фрея... и президентской избирательной кампанией 1970 года ЦРУ... затратило... почти 2 миллиона долларов на тайную деятельность в Чили... проведя 20 секретных операций...»¹³

Агенты, финансируемые из средств на проведение одной из этих операций, «помещали почти ежедневно инспирируемые ЦРУ редакционные статьи в газете «Меркурио»... а после 1968 года установили довольно прочный контроль над содержанием новостей, помещаемых в международном разделе этой газеты»¹⁴.

Другие «операции ЦРУ были направлены на:

- отвоевание у коммунистов контроля над университетскими студенческими организациями;

- поддержку женской организации, активно участвующей в политической жизни Чили и в работе среди интеллигенции;

- ведение борьбы против Единого профсоюзного центра трудящихся Чили (КУТ), в котором главенствующую роль играли коммунисты;

- использование фронта гражданского действия против влияния коммунистов среди работников культуры и интеллигенции»¹⁵.

Не упускалась ни одна возможность укрепить империалистическое господство в Чили.

Политика, проводимая Фреем и христианско-демократической партией, в высшей степени устраивала империалистов. Центральное место в своей стратегии Фрей отводил проведению реформ для предотвращения революции. Даже его риторический призыв к революции — это тот же прием, используемый империалистами для рекламирования «Союза ради прогресса». Президент Кеннеди провозгласил: «Мы предлагаем завершить революцию в обеих Америках». Фрей призывал к «революции в условиях свободы».

В основе идеологии христианско-демократической партии лежит идея «коммунитарного общества», доктрина, толкуемая по-разному различными членами партии. «Коммунитаризм» отмежевывается как от либерального капитализма, так и от марксистского социализма, утверждая, что либерализм ведет к несправедливости и «изоляции личности от ее социального окружения, тогда как марксизм просто-напросто заменяет угнетение капиталистами угнетением государством»¹⁶. Единственный выход из этого — организовать общество в общины. Каждое предприятие стало бы общиной, и рабочие участвовали бы как во владении, так и в управлении предприятиями, тогда как государственная собственность и государственное вмешательство были бы ограничены. Частная собственность и разделение на классы продолжали бы существовать, однако,

по словам Фрей, наступил бы конец «глубокому классовому конфликту, присущему нашей нынешней общественной организации»¹⁷. Пути построения «коммунитарного общества» неясны, за исключением того, что не предусматривалось введение его государственным декретом. За моралистическим философским языком, которым изложена концепция «коммунитарного общества», скрываются основные элементы христианско-демократической политической стратегии — сломить классовую солидарность низших слоев общества, заинтересовав их призрачным участием во владении частным предприятием, запугать зловещим призраком социалистического государства.

В идеологии христианско-демократической партии, нацеливающей на устранение классового конфликта, отражена многоклассовость ее социального состава. Среди ее членов были промышленники, банкиры и бизнесмены, принадлежавшие к современной либеральной, реформистской части буржуазии, той, которая наиболее тесно связана с интересами иностранных монополий. Большинство ее членов составляли средние слои — представители свободных профессий, технические специалисты, государственные служащие, студенты, мелкие предприниматели и фермеры средней руки. Были также рабочие медных рудников, служащие сферы услуг, арендаторы.

Разнородным социальным составом партии объяснялся тот факт, что в ее руководстве были люди, выражавшие различные политические взгляды и интересы. Справа стоял Эдмундо Перес Сухович, владелец крупной строительной компании, связанный с чилийской дочерней компанией корпорации «Бетлехем стил» и заинтересованный в поддержании мирных настроений среди рабочих, что он считал необходимым условием для привлечения иностранных инвестиций. Слева стоял Жак Чончоль, молодой агроном, работавший на Кубе экспертом от Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) в первые годы революции; он выступал за проведение в Чили радикальной аграрной реформы. На левых позициях, хотя и не таких радикальных, как Чончоль, стоял и Радомиро Томич, лидер партии с первых дней ее основания. Фрей пытался подняться над различными фракциями, но сам он был тесно связан с Пересом Суховичем.

Излагая свою программу, Фрей заявил, что в течение нескольких поколений Чили пребывала в состоянии кризиса; он отметил неравное распределение дохода, экономический застой и сосредоточение власти в руках меньшинства. Этот кризис, сказал Фрей, должен быть разрешен. Должна произойти «быстрая трансформация неподходящих и несправедливых форм и структур». Народу должно быть позволено участво-

вать во всех видах власти — политической, экономической и культурной. «В противном случае будет неизбежно процветать непреодолимая тенденция к огосударствлению...»¹⁸

Фрей предлагал «чилинизировать» крупные горнорудные и коммунальные предприятия, контролируемые иностранцами; провести «глубокую» земельную реформу; «радикально перестроить налоговую систему, сделав упор на прогрессивную шкалу налогов на личные доходы»; поставить через четыре года под контроль инфляцию, повысить годовые темпы роста производства на душу населения с 1,5 до 3,2%; провести широкую программу «Народное продвижение», в ходе осуществления которой страна была бы охвачена сетью организаций жильцов, через которые «находящиеся на краю бедности слои» населения, такие, как обитатели лачуг, смогли бы быть включены в жизнь «национальной общины» и народ в целом смог бы участвовать в осуществлении власти¹⁹.

«Чилинизация» проводилась на основе принципов, предложенных компанией «Кеннекотт»²⁰. Она выдвинула простой, но выгодный для себя путь национализации медной промышленности, с требованием осуществления которой все настойчивее выступали чилийцы. Чили предоставлялось большинство акций рудника Эль-Теньенте и видимый контроль над ним — конечно, за компенсацию; однако контроль над операциями оставался в руках компании «Кеннекотт» — для охраны ее интересов.

По соглашению 1967 года, которое «чилинизировало» рудник Эль-Теньенте, Чили через «Коппер корпорейшн» (КО-ДЕЛКО) получила 51% акций в новой смешанной компании, владеющей рудником. За эти 51% ей пришлось заплатить дочерней компании корпорации «Кеннекотт» — «Брейден коппер» 80 миллионов долларов, несмотря на то что номинальная стоимость всей компании составляла всего лишь 67 миллионов долларов. Компания «Брейден коппер» утверждала, что номинальная стоимость была нереалистически занижена, но если это так и было, то только потому, что в прошлом ей позволяли амортизировать активы по высоким нормам и платить низкие налоги. Таким образом, этой компании позволяли пользоваться одним сводом правил, когда дело касалось налогов, и совсем другим, когда речь шла о продаже ее²¹.

Компания «Анаконда» сначала не согласилась с какими-либо изменениями в отношении статуса принадлежавших ей рудников Чукикамата и Эль-Сальвадор. Однако во время вьетнамской войны, когда возросли цены на медь и соответственно ее прибыли, чилийские конгрессмены, включая христи-

анских демократов, все настойчивее стали требовать их национализации. Компания «Анаконда» пошла на уступки, согласившись в 1969 году на условия, установленные с компанией «Кеннекотт» и получившие название «национализация по договоренности»²².

Компании «Кеннекотт» и «Анаконда» продолжали сохранять такие же позиции в медной промышленности, как и ранее. Они обеспечили себе это путем заключения контрактов на право управления и продажи, без которых не соглашались принять новые условия. «Брейден коппер», дочерняя компания корпорации «Кеннекотт», была уполномочена управлять рудником Эль-Теньенте, вести производственные и административные дела, регулировать отношения с рабочими, приобретать материалы и оборудование, делать инвестиции, заключать договоры. Дочерние компании корпорации «Анаконда» имели право инспектировать служащих своих смешанных предприятий по вопросам организации, администрации, управления, бухгалтерского учета и геологической разведки. Продажа производимой меди, как и ранее, осуществлялась через специализированные дочерние компании, принадлежавшие корпорациям «Кеннекотт» и «Анаконда», которые полностью контролировали торговую политику. Несмотря на то что Чили формально владела большей частью акций, она по-прежнему не могла распоряжаться своей медью²³.

«В области земельной реформы...— сказал Фрей,— наша цель не похищение собственности, а совершенствование ее»²⁴. Стратегия его земельной реформы «совершенствования» собственности преследовала несколько целей: снизить накал революционной борьбы в сельской местности путем ликвидации чрезмерно больших поместий и удовлетворения некоторых устремлений крестьян; дать собственность некоторой части крестьян и таким образом предоставить им место в капиталистической системе; помешать превращению их в крупную революционную силу, внося раскол в их ряды; содействовать развитию современного сельского хозяйства путем увеличения инвестиций и ликвидации докапиталистических пережитков в сельской местности.

Закон о земельной реформе 1967 года допускал экспроприацию поместий, площадь которых превышала 80 базовых гектаров*, «заброшенных» и «плохо эксплуатируемых» поме-

* Базовый гектар — мера земельной площади различного качества, равная одному гектару хорошей земли с ирригационной системой возле Сантьяго. 80 базовых гектаров могут быть эквивалентом 500 гектаров засушливой пахотной земли на юге или несколькими тысячам гектаров горных пастбищ.— Э. Б.

стей²⁵. 80 базовых гектаров — это высокий лимит; в ходе дебатов по законопроекту о земельной реформе левые партии и многие христианские демократы добивались сокращения его до 40 базовых гектаров.

Закон предусматривал выплату компенсации частично наличными и частично облигациями в течение 25 лет. Он предоставлял землевладельцу и определенные права. Если его поместье экспроприировалось из-за больших размеров — что было обычным явлением, — то он мог сохранить за собой 80 базовых гектаров, так называемый резерв. Землевладелец имел право в определенных рамках сам отбирать землю для этого резерва, мог включить в него «складские помещения, силосные башни, сооружения и другие усовершенствования», имеющиеся в поместье. Землевладелец мог также сохранить всех «животных, технику, не привязанную к земле, инструменты, оборудование и другую движимость...»²⁶. Новым фермерским хозяйствам, создаваемым на экспроприированной земле, пришлось бы покупать эти вещи у землевладельца или начинать все с нуля.

В ходе земельной реформы число поместий площадью свыше 80 базовых гектаров стало уменьшаться, однако она укрепила в сельском хозяйстве Чили позиции владельцев, имеющих поместья от 40 до 80 базовых гектаров. Число таких поместий начало расти еще до введения закона 1967 года, поскольку многие землевладельцы дробили свои владения, чтобы избежать распространения на них действия предстоящей реформы: один участок земли записывался на жену, другой — на сына и т. д. После вступления в силу закона 1967 года, а также после того, как подвергшиеся экспроприации землевладельцы оставили за собой часть угодий, эта группа поместий еще более возросла. Новые хозяйства были экономически сильными, поскольку землевладельцы оставили за собой лучшие земли и сохранили скот, оборудование и запасы.

Основным видом хозяйств, создаваемых на экспроприированных землях, были асентамьенто — объединения типа кооперативов, управляемые совместно их членами и правительственной «Корпорацией аграрной реформы» (КОРА); вместе с тем их членам разрешалось иметь собственные участки земли, как это было в старых поместьях. По истечении трех — пяти лет члены кооператива могли принять решение о роспуске асентамьенто и разделе земли между собой. Первоначально на землях каждого поместья создавалось асентамьенто, однако, поскольку его бывшие владельцы оставляли за собой часть земли, многие асентамьенто были слишком малы для эффективного ведения хозяйства. Не могли они и объединиться друг

с другом, ибо их разделяли земли, оставшиеся у их бывших хозяев, и неэкспроприированные поместья.

Членство в асентамьенто было ограничено. В него могли вступить лишь те, кто жил и постоянно работал в поместье в период экспроприации; рабочие, кочевавшие от фермы к ферме, то есть «посторонние», не принимались. Не принимали и женщин; не предусматривалось предоставление права членства детям по достижении ими совершеннолетия. Эти ограничения разделяли крестьян на группы с противоположными интересами.

Те, кто стал членом асентамьенто, не хотели принимать новых людей, опасаясь, что это приведет к снижению доходов его членов и к уменьшению предоставляемых им земельных участков. Когда асентамьенто требовались дополнительные рабочие руки, они нанимали рабочих со стороны. Свыше трети рабочей силы в асентамьенто составляли наемные рабочие, не являвшиеся их членами. Между членами кооперативов и наемными рабочими часто возникали конфликты по вопросу о заработной плате и условиях труда. Некоторые наемные рабочие выступали против земельной реформы, считая, что они получали более высокие доходы и имели большую гарантию против безработицы при старой системе.

По земельной реформе землю не получили не только наемные рабочие, но и владельцы мелких ферм. Эти мелкие хозяйства и наемные рабочие составляли более двух третей всего населения, занятого в сельском хозяйстве.

Реформа ничего не дала и индейцам-мапуче, сосредоточенным в нескольких южных провинциях, таких, как Каутин и Арауко. Они терпели ужасные страдания, были вынуждены обрабатывать крошечные клочки земли, не могли найти работы. Кроме ремесленных изделий и время от времени охотничьей добычи лишь немногие семьи индейцев-мапуче производили сверх того, что им самим требовалось для существования. У них не было ни сельскохозяйственных орудий, ни техники; им не предоставлялись кредиты. Когда же у них было что-то для продажи, они попадали в руки торговцев. В тех провинциях, где проживали индейцы-мапуче, размеры поместий были меньше, чем в центральных районах Чили. Поэтому принцип сохранения за бывшим владельцем 80 базовых гектаров вел к тому, что процент экспроприированной земли в этих провинциях был ниже, хотя нужда в ней была больше, чем где бы то ни было.

Христианские демократы использовали правительственную власть, чтобы расколоть профсоюзное движение крестьян и поставить его под свой контроль. ХДП провела закон, кото-

рый снимал ограничения на объединения крестьян в профсоюзы, установленные предыдущим законодательством, а затем использовала Институт сельскохозяйственного развития (ИНДАП), который мог предоставить кредиты и другие льготы, для создания новой конфедерации профсоюзов крестьян — «Триумфо кампесино», несмотря на то что уже существовали две конфедерации, причем одна из них ориентировалась на христианских демократов. К 1970 году конфедерация «Триумфо кампесино» насчитывала в своих рядах 45% всех крестьян — членов профсоюзов, а вместе с другой, ориентирующейся на ХДП конфедерацией — 66%²⁷.

Чтобы воспрепятствовать проведению земельной реформы, землевладельцы часто прибегали к насилию, создавали вооруженные группы. Так, служащий КОРА, выехавший, чтобы оформить передачу экспроприированного поместья, был до смерти избит дубинкой наймитом землевладельца.

Столкнувшись с оппозицией землевладельцев, правительство Фрея стало осуществлять экспроприацию более осторожно. К концу своего срока пребывания у власти оно экспроприировало 1408 поместий — третью часть подлежащих экспроприации. В 1964 году христианские демократы обещали поселить в асентамьенто 100 тысяч семей. К 1970 году они поселили фактически только 32 тысячи.

Обещание Фрея «радикально перестроить налоговую систему, сделав упор на прогрессивную шкалу налогов на личные доходы», обернулось таким же пустословием, как и обещания программы «Союз ради прогресса». Ни к какой «радикальной перестройке» даже и не приступали. Доля поступлений от прямых подоходных налогов и налогов с собственности (прогрессивные налоги) фактически сократилась с 27% в 1964 году до 23% в 1970 году. Косвенные налоги (на торговлю, с товарооборота, с почтовых пересылок), ложась тяжелым бременем на лиц с низким доходом, по-прежнему были основным источником поступлений²⁸.

Невыполненным осталось и обещание Фрея поставить под контроль через четыре года инфляцию. В 1964 году индекс цен на потребительские товары возрос на 38%. В 1966 году этот рост уменьшился до 17%, но затем вновь подскочил до 35% в 1970 году.

Несмотря на высокие цены на медь, Фрею не удалось довести темпы экономического роста до сколько-нибудь удовлетворительного уровня. В 1964—1970 годах цена на медь возросла на 45% на лондонском рынке и на 81% в Нью-Йорке.

Ниже приводятся данные о годовом росте валового продукта в пересчете на душу населения в эти годы: ²⁹

Год	Рост в %	Год	Рост в %
1964	1,6	1968	0,6
1965	2,4	1969	1,0
1966	4,6	1970	0,7
1967	0,0		

В первые два года правления Фрея темпы роста увеличились по сравнению с уровнем 1964 года. В последние же четыре года экономика находилась в состоянии застоя, причем темпы роста были значительно ниже тех 1,5%, которые Фрей с презрением назвал «недостаточными».

Наконец, программа «Народное продвижение» — создание сети комитетов жильцов, центров матерей и т. д. — имела главным образом политическую цель: укрепить позиции христианских демократов среди бедных слоев населения. ЦРУ разделяло мнение ХДП о важности укрепления ее позиций среди этой категории трудящихся. В докладе «Тайная операция в Чили, 1963—1973» указывается, что «помощь ЦРУ позволила христианско-демократической партии создать широкую сеть организаций по месту жительства в городах и в деревнях» ³⁰. Создание таких организаций было ловким ходом с политической точки зрения; иногда они могли делать полезную работу: если общине нужна была детская площадка для игр, квартальный комитет жильцов мог решить эту проблему. Однако такие комитеты не могли вовлечь обитателей лагун в жизнь остальной части общества, точно так же как либеральный мэр Нью-Йорка не мог путем создания комитетов жильцов решить проблем населения, проживающего в гетто. Чтобы вовлечь в общественную жизнь обитателей лагун, требовалось принятие более серьезных мер, чем создание комитетов жильцов. Эти комитеты создавали лишь иллюзию участия в осуществлении власти.

В годы правления Фрея несколько раз показывала свое лицо подлинная власть, стоявшая за спиной бутафорской власти. 11 мая 1966 года солдаты открыли огонь по бастующим рабочим рудника Эль-Сальвадор, принадлежавшего компании «Анаконда». Рабочие вместе с женами и детьми отказались подчиниться приказу и покинуть помещение профсоюзного центра, в котором они проводили собрание. В результате 6 мужчин и 2 женщины было убито и 37 человек ранено ³¹. 9 марта 1969 года полицейские из мобильной группы — специальной ударной силы, любимого детища американских советников по делам полицейских сил — пытались разогнать людей, незаконно воздвигших городок лагун Пампа-Ирригонн

возле города Пуэрто-Монт. Они использовали против них слезоточивый газ и, когда бедняки стали бросать в полицейских камни, открыли огонь. Министр внутренних дел Перес Сухович дал указание принять «жесткие» меры. В результате — 8 убитых и 26 раненых³².

Спустя некоторое время после прихода Фрея к власти в христианско-демократической партии начался внутренний раскол. Некоторые ее члены поняли, что «революция в условиях свободы» была вовсе не революцией. Многие были обеспокоены расстрелом горняков на руднике Эль-Сальвадор. Трения усилились, когда в 1967 году в экономике начался застой.

Левое крыло пыталось переключить партию на более радикальный курс. В 1966 году левые группы стали выступать за «некапиталистический путь развития». Годом позже Чончоль, являвшийся главой Института сельскохозяйственного развития (ИНДАП) и навлекший на себя ненависть чилийских правых сил, возглавил партийную комиссию, подготовившую доклад, в котором предлагалось выбрать «некапиталистический путь развития». Фрей отклонил это предложение, и в 1968 году Чончолью пришлось уйти с поста руководителя ИНДАП.

Некоторые левые христианские демократы предлагали создать вместе с марксистскими партиями блок Народного единства для осуществления революционных перемен, необходимых Чили. Национальный комитет партии отверг это предложение. Вскоре после этого, в 1969 году, Чончоль и несколько других левых руководителей вышли из ХДП и создали Движение единого народного действия (МАПУ), которое впоследствии вошло в коалицию Народного единства, возглавляемую Альенде.

Администрации Фрея удалось достигнуть некоторых успехов в реализации своих политических целей. Проведением своей земельной реформы она сумела внести раскол среди низших слоев сельского населения, не дать подняться мощному революционному движению объединенных масс крестьян. Христианские демократы заручились сильной поддержкой в крестьянских профсоюзах, усилили свое влияние в других профсоюзах и создали полезные для себя в политическом плане комитеты жильцов.

Тем не менее администрация Фрея, сама того не желая, взбудоражила народные массы Чили. Говоря о необходимости структурных перемен, она помогла широко распространить представление о действительной необходимости этого. Разглагольствования о «чилинизации», а затем осознание того, что она оказалась мошенничеством, способствовали уси-

лению стремления к подлинной национализации медной промышленности, что несомненно было желанием подавляющего большинства чилийцев. Земельная реформа пробудила надежды у крестьян. Недовольные медленными темпами ее проведения, они стали сами захватывать землю в одном районе за другим. В мае 1970 года крестьянские профсоюзы провели национальную забастовку с требованием положить конец вооруженному сопротивлению землевладельцев и ускорить проведение реформы. Забастовки, студенческие демонстрации, марши голодающих, захваты земли для постройки лачуг происходили и в городах.

Учитывая недовольство политикой Фрея, христианско-демократическая партия выдвинула кандидатом на пост президента на выборах 1970 года одного из своих левых деятелей — Радомиро Томича. Его кампания проходила под левыми лозунгами. В программе Томича звучал призыв к «немедленной и полной национализации основных предприятий по производству меди»³³, к войне с отсталостью, отмечалось бессилие капитализма. Однако это уже не могло предотвратить победу Альенде.

КОНСТИТУЦИОННОСТЬ — МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

В начале 1971 года я высказал свое мнение коллеге из «Чилийской торговой корпорации» в Нью-Йорке, что в Чили вскоре возникнут беспорядки и насилие. «Нет,— сказал он,— чилийцы так не решают дела, вы должны понять чилийскую натуру: в нашей традиции решать дела мирным путем, по закону». Позднее в Чили мы с женой, беседуя о политике с супругой одного нашего друга, упомянули о возможности переворота. «Нет,— последовал ответ,— мы не тропические страны».

Как и другие народы, чилийцы лелеют мифы о себе. Один из самых распространенных — это миф о том, что в Чили все всегда происходит мирным путем, согласно конституции и закону.

Назвать это мифом не значит отрицать, что в течение продолжительных периодов в Чили существовала буржуазная демократия и что этот факт имеет большое политическое значение. Однако, чтобы понять историю Чили и ее попытку осуществить социалистическую революцию, необходимо тщательно взвесить и объективно оценить буржуазную демократию в Чили, не преуменьшая и не преувеличивая ее силу и значение, понять, почему в определенные периоды страна жила в условиях буржуазной демократии и почему временами в игру вступала открытая сила.

Ниже следует перечень гражданских войн, переворотов и попыток совершить переворот в Чили с момента провозглашения независимости в 1818 году до 1970 года.

1823 год. Аристократия поднимает мятеж против Б. О'Хиггинса, первого Верховного правителя независимой Чили, и вынуждает его уйти в отставку.

1827 год. В результате военного переворота свергнут президент Агустин Эйсагирре и его место занимает генерал Франсиско Антонио Пинто.

1829 год. Пинто, не сумев устранить между враждующими группами разногласия, готовые вылиться в гражданскую войну, уходит в отставку; его заменяет Франсиско Рамон Вилу-

нья, который был свергнут в ходе гражданской войны, продолжавшейся пять месяцев.

1850 год. Под влиянием революций 1848 года в Европе в Чили вспыхнуло антиправительственное восстание, но оно было быстро подавлено.

1851 год. Вспыхнувшее в апреле восстание быстро подавляется.

В сентябре разгорается гражданская война, продолжавшаяся по январь 1852 года.

1859 год. В январе вспыхивает гражданская война, продолжавшаяся по апрель.

1877 год. В городе Пунта-Аренас происходит небольшой армейский бунт.

1891 год. В январе военно-морские силы начинают гражданскую войну против Бальмаседы, которая завершается свержением его в августе.

1924 год. В сентябре 1924 года в результате военного переворота свергнут президент Артуро Алессандри, власть переходит в руки военной хунты.

1925 год. В январе 1925 года совершается второй переворот, возглавляемый молодыми офицерами; они отстраняют хунту и восстанавливают Алессандри.

В октябре 1925 года происходит третий переворот под руководством полковника Карлоса Ибаньеса, бывшего тогда военным министром. Алессандри вновь отстранен, президентом становится Эмилиано Фигероа, но реальная власть в руках Ибаньеса.

1927 год. Ибаньес после выборов, на которых он был единственным кандидатом, становится президентом. Он правит как диктатор по июль 1931 года.

1931 год. Забастовки и бунты на флоте, вызванные экономическим кризисом, заставляют Ибаньеса уйти в отставку. Президентом избирается Хуан Эстебан Монтеро.

Вспыхивают восстания на нескольких военных кораблях, но их быстро подавляют.

1932 год. В результате переворота, возглавляемого Мармадуке Грове, командующим воздушным корпусом, и двумя гражданскими лицами, Эухенио Матте и Карлосом Давилой, свержается правительство Монтеро, создается правящая хунта и провозглашается Социалистическая Республика Чили.

Двенадцать дней спустя Карлос Давила устраняет хунту и становится временным президентом.

Три месяца спустя новый переворот заставляет Давилу уйти. Проводятся выборы, и президентом вновь становится Алессандри.

1938 год. Гонсалес фон Мареес, лидер чилийских нацистов, предпринимает попытку переворота, во время которого несколько сот его сторонников занимают здание, расположенное напротив президентского дворца. 60 из них, после того как они сдались, было убито карабинерами.

1939 год. Попытку совершить переворот предпринимает Карлос Ибаньес, но она не имела успеха.

1969 год. 21 октября генерал Роберто Вио, которого заставили уйти в отставку из-за многочисленных жалоб офицеров, незаконно захватывает полк «Такна» и поднимает мятеж. Правительство направляет туда верные части, а политические партии мобилизуют рабочих и общественность на выступления против переворота. Вио оставляет свой пост, но требования военных — повышение платы и уход в отставку министра обороны и командующего армией — удовлетворяются.

За 150 лет независимого существования до 1970 года в Чили произошли четыре гражданские войны, в результате одной из которых было свергнуто правительство; около десяти переворотов, устранивших стоявшие у власти правительства; ряд неудавшихся переворотов, восстаний и бунтов. Вооруженные силы участвовали в свержении нескольких правителей в первые годы независимости и затем президентов — Бальмасе-ды в 1891 году и Алессандри в 1924 и 1925 годах.

На фоне этих событий многие заявления, часто заученные, о вооруженных силах Чили неоправданны. Эдвин Льювен пишет в разделе своей книги, озаглавленном «Страны, в которых вооруженные силы аполитичны»: «В... Чили и Колумбии вооруженные силы занимают уникальное положение. Они являются автономными органами, где господствующие позиции принадлежат преданным профессиональным офицерам, которые контролируют их. Последние не поддерживают открыто какого-либо класса, они не придерживаются также никакой социальной или политической философии. В обеих странах вооруженные силы традиционно стояли в стороне от политики, в Чили с начала XIX века... Они вмешивались только во время серьезных национальных кризисов (в Чили в 1926 году). Их неудача... послужила им уроком. Обжегши руки при попытке проводить внепарламентскую деятельность, они вскоре отошли от политики и вновь заняли свою традиционную профессиональную ориентацию»¹.

«Преданные профессиональные офицеры». Преданные кому и чему? Чилийские вооруженные силы «отошли от политики», говорит Льювен. В действительности они так же часто «отходили от политики», как некоторые люди «бросают» курить.

«Государство,— писал В. И. Ленин,— есть продукт и проявление *непримиримости* классовых противоречий... государство есть орган классового *господства*, орган *угнетения* одного класса другим... Постоянное войско и полиция суть главные орудия силы государственной власти...»²

Вооруженные силы Чили — порождение своего классового общества. Они являются инструментом принуждения и силы, созданным правящим классом для сохранения своего господства. Все в них — система командования, социальное происхождение офицеров, общая и специальная подготовка офицеров и рядовых — подчинено целям правящего класса. Чилийская история говорит нам: утверждение о том, что вооруженные силы Чили — просто профессиональные военные, стоящие над классами и классовыми конфликтами, слуги всего общества, подчиняющиеся только конституции и закону, — это заблуждение.

Верно также, что по сравнению с большинством других латиноамериканских стран в Чили имели место продолжительные периоды конституционного буржуазно-демократического правления. От Прието в 1831 году до Бальмаседы в 1891 году все чилийские президенты находились у власти весь срок, на который они были избраны; то же самое относится к периоду с 1891 года до свержения Алессандри в 1924 году и к периоду 1932—1970 годов.

Сравнительная стабильность и демократичность Чили не случайны. Еще в 1815 году Боливар говорил: «Если какая-либо республика продержится в течение длительного времени в Америке, то я склонен думать, что это будет чилийская... Чили может быть свободной». Боливар полагал, что Чили «сохранит свое единство политических и религиозных взглядов»³. Основной причиной относительной стабильности и демократичности Чили были единство и сила ее правящего класса.

Во время завоевания независимости Чили была маленькой, компактно расположенной страной, занимавшей район, который составляет сегодня ее центральную долину. Некоторый регионализм существовал, но он не был настолько сильным, чтобы расколоть правящий класс, как это имело место в других латиноамериканских странах, таких, как Аргентина. Чилийское население было сравнительно однородным в национальном отношении по сравнению, например, с населением Перу.

В Чили действительно имелось глубокое классовое расслоение, но «низы» держались в такой темноте, что они не представляли большой угрозы для власти «верхов». Наконец, чи-

лийская промышленная и торговая буржуазия смешалась с земельной аристократией, и это слияние уменьшало вероятность конфликтов в самих «верхах».

Вскоре после получения независимости в Чили выдвинулся исключительно способный консервативный руководитель, который понимал, что в интересах правящего класса иметь стабильное конституционное правительство, и который смог заложить прочный фундамент для него. Диего Порталес пришел к власти в 1830 году как руководитель революции из среды консервативных аристократов в противовес либералам, которые преобладали в правительстве после падения О'Хиггинса в 1823 году. В период правления либералов, по мнению консерваторов, царила лишь анархия. К власти стремились различные военные руководители. Один глава правительства следовал за другим, каждое изменение вело к реорганизации правительства. Беспорядок дорого обходился, доводя национальную казну до такого плачевного состояния, что часто не хватало денег на выплату зарплаты государственным служащим и армейским чинам. В довершение либералы осуществляли опасные политические меры — расширение участия народа в управлении.

По словам историка Альберто Эдвардса, человека, который восхищался Порталесом, цель последнего — создать «сильную и прочную власть, превосходящую престиж каудильо или власть фракции», воспитать уважение к «власти в абстрактном понимании», к закону. Для правящего класса в целом такая система была лучше, чем та, при которой различные руководители и фракции боролись всеми доступными средствами за власть и затем правили по своей воле. Благодаря благоприятной обстановке, сложившейся в Чили, и своим способностям Порталес установил свою систему, ликвидировав в то же самое время движение, стремившееся к расширению участия народа в управлении.

Концепция Порталеса о правительстве, стоящем над фракциями, оставила свой отпечаток на всех правительственных институтах. В соответствии с ней нельзя допускать, чтобы в вооруженных силах возникали группы, которые вовлекались бы во фракционную политическую борьбу; они должны быть тесно сплочены, подчинены гражданскому правительству. Сложилась и дошла до сегодняшнего дня традиция единства, антифракционности; она отразилась на политике, проводимой в отношении вооруженных сил и приведшей к свержению правительства Альенде. В армии традиция подчинения и дисциплины была усилена прусской системой воспитания, введенной Эмпилио Кернером, немецким армейским офицером.

В 80-х годах XIX века с ним был заключен контракт об организации и подготовке чилийской армии.

Система, установленная Порталесом, была конституционной, но далеко не демократичной. По словам испанского историка, его конституция сделала президента «представителем господствующей олигархии». Она «гарантировала власть нескольким дюжинам семей землевладельцев»⁴. Участие народа в управлении ограничивалось многими способами: право голоса имели только те, у кого был установленный минимум собственности или дохода, сенат избирался путем многоступенчатых выборов и т. д. Со времен Порталеса чилийский народ добился многих завоеваний, но чилийская демократия оставалась ограниченной. Профессор Пайк писал в 1963 году: «То, что мы восхваляли как демократию в Чили с 1920 года, оказалось не более чем системой, при которой малочисленный привилегированный класс под-джентльменски определял посредством очень ограниченного избирательного процесса, кто из его членов будет править страной»⁵.

Конституционная демократия в Чили родилась в определенных условиях. Они требовались и для сохранения ее. Фракционные ссоры не могли изменить существующую конституционную систему. Это могло произойти в результате серьезных конфликтов между влиятельными кругами в «верхах» или между классами, а также, конечно, конфликтов, которые угрожали бы правлению буржуазии в целом. При Бальмаседе набирающая силу промышленная буржуазия конфликтовала с традиционной олигархией и империалистами, и этим объясняется восстание против него. Борьба «низов» за свои права, угроза, исходящая от них, помогают объяснить причины переворотов 1931 и 1932 годов. Поскольку конституционная демократия имеет преимущества, постольку народ поддерживает ее, и правящему классу Чили было нелегко приостанавливать ее действие. Однако, когда ему приходилось делать это, он не колебался. Чилийские вооруженные силы не использовались для открытого вмешательства в политику, когда в этом не было нужды; при необходимости же их пускали в ход и никаких угрызений совести не испытывали.

И тем не менее даже между запятнанной, периодически нарушаемой буржуазной демократией и открытой диктатурой существует колоссальная разница. Эта диктатура оставляет глубокие отметины на жизни страны. Чилийский народ меньше подвергался деспотическому угнетению, чем народы большинства других латиноамериканских стран. Сложилась традиция, согласно которой правильный путь — конституционный путь. Большинство чилийцев гордилось традиционной

стабильностью и демократичностью страны; они считали демократию своим правом, поддерживали ее и работали над ее улучшением.

Профсоюзное и социалистическое движения в Чили развивались в условиях буржуазной демократии. Чили была одной из первых латиноамериканских стран, где зародилось профсоюзное движение. К концу 80-х годов XIX века рабочие в северных провинциях, где добывалась селитра, и во многих городах по всей стране вели организационную работу, устраивали забастовки. Появились газеты с такими названиями, как «Народ», «Угнетение» и «Эхо из заводского цеха». Возникшее по всей стране движение привело к образованию в 1887 году демократической партии — первой народной партии в Чили, в которую входили представители свободных профессий, лавочники, ремесленники и пролетарии и которая поставила своей целью «политическое, социальное и экономическое освобождение народа»⁶. В 1894 году первый представитель ее был избран в палату депутатов.

Демократическая партия была реформистской, однако внутри нее имели хождение социалистические идеи, из нее вышло несколько революционных пролетарских вожakov, включая великого Луиса Эмилио Рекабаррена. По профессии печатник, Рекабаррен быстро прошел путь от демократического реформизма к революционному социализму, используя свои знания для основания и редактирования рабочей газеты. В 1903 году он принял предложение стать редактором газеты «Трабахо» («Труд»), которая издавалась обществом взаимной помощи рабочих северного селитряного порта Токопилья. Затем он совершил поездку по селитрянному краю — пустыне без травы, деревьев и птиц — переезжая от одного забытого богом горняцкого поселка к другому, призывая рабочих братья за руки, объединяться и бороться за свои права. Он работал над тем, чтобы превратить общества взаимной помощи, которые оказывали помощь в случае болезни и смерти близких, в боевые организации рабочего класса. Он пропагандировал социализм, разъяснял рабочим, что они сами должны уничтожить эксплуатацию и несправедливость, от которых страдали.

Власти отреагировали на это. Полиция совершила налет на редакцию и типографию Рекабаррена, сожгла их и уничтожила шрифт. Он купил новые печатные машины, но был арестован и посажен в тюрьму. В тюрьме он продолжал писать листовки, статьи, брошюры.

В 1906 году Рекабаррен избирается депутатом чилийского конгресса от демократической партии. Палата депутатов под различными предложениями отказалась принять его. Один депутат заявил: «Нетерпимо, чтобы идея социального разложения, высказываемая Рекабарреном, была представлена в палате»⁷.

В 1912 году Рекабаррен основал Социалистическую рабочую партию Чили. Он резко выступил против начавшейся первой мировой войны. «За войной,— говорил он,— должна последовать революция». Под влиянием Рекабаррена несколько обществ взаимной помощи железнодорожников создали первое большое профсоюзное объединение Чили — Рабочую федерацию Чили (РФЧ), которая ставила целью объединить всех наемных рабочих страны. Затем под руководством Рекабаррена РФЧ вступила в Профинтерн, штаб-квартира которого размещалась в Москве.

В 1920 году социалистическая рабочая партия выставила кандидатуру Рекабаррена на пост президента. Он получил немного голосов, но этот акт означал открытие нового фронта борьбы, использование избирательной системы с целью просвещения и мобилизации масс и завоевания позиций, которые могли помочь продвинуть вперед революционное движение. Партия участвовала также в парламентских выборах 1921 года, получив два места в палате депутатов, одно из которых занял Рекабаррен. Впервые в истории страны чилийский рабочий класс добился избрания своих представителей в Национальный конгресс. По инициативе Рекабаррена в 1922 году социалистическая рабочая партия была переименована в Коммунистическую партию Чили.

В 1925 году, видя угрозу демократии в вынужденном уходе в отставку президента Артуро Алессандри и в ответ на выдвижение реакционной коалицией буржуазных партий единого кандидата на пост президента Эмилиано Фигероа Ларраина, Коммунистическая партия Чили поддержала кандидатуру Социально-республиканского союза лиц наемного труда. Выступая на либерально-демократической платформе, кандидат союза Хосе Сантос Салас завоевал 80 тысяч голосов по сравнению со 180 тысячами голосами, полученными Фигероа. Немногим более года спустя полковник Карлос Ибаньес сместил Фигероа и установил диктатуру. Коммунистическая партия была запрещена, ее помещения и органы печати закрыты. Ибаньес выслал в отдаленные районы, сослал и заключил в тюрьму многих ее руководителей и членов. Он также принимал усилия для уничтожения РФЧ и других профсоюзных организаций. Он преследовал прогрессивных деятелей, демократов и всякого рода противников, таких, как бывший

президент Алессандри и два бывших министра иностранных дел.

Диктатура Ибаньеса нанесла сильный удар коммунистической партии, неопытной и застигнутой врасплох, не успевшей осуществить запланированную реорганизацию для нелегальной работы. Ее молодежная организация была почти полностью уничтожена, ее связи с массами ослабли. Тем не менее партия работала героически, тайно собирался ее Центральный Комитет, было выпущено много номеров нелегальных газет. Даже поставленная вне закона, она сумела провести реорганизацию, и к тому моменту, когда в 1931 году пала диктатура Ибаньеса, была готова продолжать борьбу в новых условиях⁸.

В бурное время начала 30-х годов была основана Социалистическая партия Чили. В период после свержения Ибаньеса в 1931 году и 12 дней существования Социалистической Республики Чили, созданной Грове и Матте в 1932 году, возник ряд новых социалистических политических групп — Новое общественное действие, Революционное социалистическое действие, Социалистический порядок, Социалистическая марксистская партия, Объединенная социалистическая партия. В 1933 году эти группы объединились и образовали социалистическую партию. Новая партия опубликовала Декларацию принципов, в которой отмечала, что признает «марксизм как метод толкования действительности», «классовую борьбу», «необходимость преобразовать капитализм в социализм», «диктатуру рабочих»... и «интернационализм и антиимпериализм»⁹. Правительство Алессандри — в теории демократическое — преследовало социалистическую партию, время от времени депортируя или сажая в тюрьму ее руководителей, часто вынуждая ее вести подпольную работу¹⁰.

Несмотря на помехи и преследования, марксистские партии росли, участвовали в выборах и укрепляли свои политические позиции. Профсоюзное движение оправлялось от урона, нанесенного ему во время диктатуры Ибаньеса. В 1936 году была создана новая Конфедерация трудящихся Чили (КТЧ). К этому времени марксистские партии и профсоюзное движение достаточно окрепли, и радикальная партия выразила желание присоединиться к ним, чтобы создать Народный фронт против реакционных партий. Радикальная, социалистическая и коммунистическая партии подписали соответствующее соглашение.

Народный фронт был прогрессивным, но не социалистическим движением. Он «вызвал большой энтузиазм в массах», отмечает один писатель; массам понравилась идея един-

ства¹¹. В 1938 году кандидат Народного фронта Педро Агирре Серда, радикал, был избран президентом. Социалистическая партия имела трех министров в правительстве Народного фронта, и среди них — будущий президент Сальвадор Альенде. Избрание президента от Народного фронта оказало большое влияние на политическое сознание народа; оно показало, как считали многие, что коалиция партий, преданных социалистической программе, может завоевать право на создание своего правительства посредством выборов.

В 1948 году коммунистическая партия была вынуждена вновь уйти в подполье. Под давлением Соединенных Штатов, вступавших на путь политики «холодной войны», правительство Гонсалеса Виделы приняло «закон о защите демократии», запрещающий деятельность компартии. Вновь коммунистов сажали в тюрьмы, высылали и ссылали. Пабло Неруда был вынужден отправиться в изгнание, перебравшись через горы в Аргентину. Имена 25 тысяч человек, голосовавших за коммунистов, были вычеркнуты из избирательных списков¹². Как обычно, преследованиям подверглись также некоммунистические профсоюзные руководители, политические деятели и другие лица, выступившие с критикой режима.

Однако на этот раз коммунистическая партия уже имела опыт, была лучше подготовлена к работе в условиях подполья. Спустя некоторое время вновь стали выходить газеты коммунистов. В 1952 году одно из ответвлений расколовшейся социалистической партии выставило первого кандидата-марксиста на пост президента Чили — Сальвадора Альенде. Коммунистическая партия поддержала его. Коммунисты играли ведущую роль в создании нового Единого профсоюзного центра трудящихся Чили (КУТ) в 1953 году. В 1956 году коммунистическая партия вместе с социалистами, которые вскоре вновь объединились в одну партию, образовали Фронт народного действия (ФРАП). «Закон о защите демократии» был аннулирован в августе 1958 года, и через месяц коммунистическая партия уже участвовала в президентских выборах.

Кандидату от ФРАП Альенде не хватило 35 тысяч голосов для победы на выборах 1958 года. ФРАП выдвинул Альенде вновь в 1963 году, но на этот раз Альенде выступал против объединенной оппозиции в условиях широкого вмешательства Соединенных Штатов. Он проиграл Фрею, но получил 39% голосов против 29% в 1958 году.

На этот раз единство социалистов и коммунистов было прочным. Путь к нему был трудным и долгим. С самого начала между этими двумя партиями имелся ряд разногласий, равно как и между различными фракциями социалистической

партии, причем некоторые из них относились еще к началу 30-х годов,— расхождения по вопросу о политике в отношении Советского Союза, о характере союзов, которые надлежит заключать рабочей партии, о ближайших целях. Одно крыло социалистической партии считало, что ФРАП должен быть фронтом трудящихся, куда должны входить только рабочие партии и КУТ. Другое крыло и коммунистическая партия считали, что ФРАП должен представлять собой широкий союз, национально-освободительный фронт, в котором могли бы участвовать такие буржуазные партии, как радикальная, поддерживаемая средними слоями. Некоторые расхождения со временем исчезли, другие остались. Однако обе партии поняли по многолетнему опыту, что они могут сотрудничать в КУТ, во время забастовок и на выборах. На XIII съезде Коммунистической партии Чили в 1965 году ее Генеральный секретарь Луис Корвалан перечислил то, что объединяет две партии: антиимпериализм, поддержка кубинской революции, признание необходимости бороться вместе с социалистическими и неприсоединившимися странами за мир во всем мире, одинаковый подход к преобразованиям, необходимым для Чили. Другие выступавшие подчеркивали: «То, что объединяет нас, сильнее наших расхождений». Выступая на съезде в качестве гостя, Анисето Родригес, Генеральный секретарь Социалистической партии Чили, сказал: «Сама жизнь научила нас необходимости единства и дает нам совет упорно добиваться его»¹³.

Для проведения президентских выборов 1970 года была вновь сформирована левая коалиция, названная Народным единством, в которую вошли коммунистическая партия, социалистическая партия, радикальная партия, МАПУ и две небольшие партии — социал-демократическая партия и Независимое народное действие. Программа Народного единства призывала «заменить нынешнюю экономическую структуру, покончив с властью иностранного и местного монополистического капитала и латифундистов, чтобы начать строительство социализма».

Коалиция Народного единства не была плодом чьих-либо несбыточных мечтаний. Она логически вытекала из предыдущей истории Чили.

ОТ ВЫБОРОВ ДО ВСТУПЛЕНИЯ В ДОЛЖНОСТЬ

Как и на предыдущих важных выборах в Чили империалисты вмешались и в президентские выборы 1970 года. Согласно докладу «Тайная операция в Чили, 1963—1973», «ЦРУ затратило от 800 тысяч до 1 миллиона долларов... Широкая пропагандистская кампания, предпринятая США, походила на кампанию 1964 года: победа Альенде приравнивалась к насилию и репрессиям». США сосредоточивали свои усилия на «операциях подрыва» коалиции Народного единства...». Они пытались расколоть радикальную партию; использовали «черную пропаганду»... чтобы посеять рознь между коммунистами и социалистами и между национальной профсоюзной конфедерацией и Коммунистической партией Чили»¹.

Свой вклад внесли и американские корпорации. «В период до сентябрьских выборов служащие ИТТ часто встречались с сотрудниками ЦРУ как в Чили, так и в Соединенных Штатах, и ЦРУ давало советы ИТТ, по каким каналам последней безопаснее направить средства для проведения кампании как Алессандри, так и национальной партии. В ЦРУ постоянно поступала информация о размерах финансирования и его механизме. ИТТ передала для проведения этой кампании по меньшей мере 350 тысяч долларов. Примерно такую же сумму представили другие американские компании...»² Виктор Маркетти и Джон Маркс в своей книге «ЦРУ и культ разведки» указывают на «Анаконда коппер» как на еще одну корпорацию, затратившую большую сумму, чтобы не допустить избрания Альенде»³.

Голоса на выборах распределились следующим образом:⁴

Кандидаты	Число голосов	% голосов
Сальвадор Альенде, Народное единство	1 070 334	36,6
Хорхе Алессандри, национальная партия	1 031 159	35,3
Радомиро Томич, христианско-демократическая партия	821 801	28,1

Торжественное введение в должность вновь избранного президента должно было состояться 3 ноября 1970 года. За 60 дней — в период между выборами и введением в должность — была сыграна увертюра, которая представила главные темы предстоящего революционного процесса. Центральным был вопрос, позволят ли Альенде вообще занять свой пост без вооруженной борьбы.

На следующий день после выборов газета «Меркурио» — ведущий стратег в борьбе против Народного единства — поместила статью под заголовком: «Неубедительная победа Альенде». В редакционной статье она заявила, что результат выборов неокончателен: он «далек от абсолютного большинства и должен быть ратифицирован конгрессом в течение 50 дней». Чилийская конституция действительно предусматривает, что если ни один из кандидатов не получил абсолютного большинства, то в течение 50 дней конгресс выбирает президента из двух кандидатов, набравших наибольшее число голосов. В той же редакционной статье утверждалось, что на руководителей «демократических кругов Чили» возложена ответственность «поддерживать дисциплину в этих кругах и крепить их единство с тем, чтобы не допустить проведения в стране такой политики, которая глубоко изменила бы вскоре чилийский образ жизни».

На следующий день руководитель штаб-квартиры по избранию Алессандри зачитал коммюнике, призывая «демократические силы и их представителей... объединяться и защищать, в рамках порядка и уважения закона, право, которое конституция дает им, чтобы определить президента страны... Граждане понимают, что избирательный процесс не завершился»⁵.

10 сентября газета «Меркурио» поместила новые редакционные статьи с целью мобилизации «демократических сил» против создания марксистского правительства. «Многие избиратели задаются вопросом о своих шансах на свободу и работу при социалистическом режиме, подобном тому, который приближается». Социализм означал бы «нехватку, распределение по карточкам, утрату свободы принятия решения в отношении воспитания своих детей, замену профессиональных судей классовыми судьями». В тот же день появилось заявление Алессандри, которое показывало, какую цель преследовало утверждение, что избирательный процесс не завершился. Он сказал: «В случае если конгресс изберет меня, я подам в отставку, что будет означать проведение новых выборов».

Одним из средств мобилизации «демократических сил», агитации и устрашения перспективой прихода к власти Альенде был также экономический саботаж. На следующий же

день после выборов началась кампания телефонных звонков. Звонившие настаивали на изъятии вкладов из банков как защитной мере от предстоящей неплатежеспособности банков. На другой день выстроились длинные очереди вкладчиков в ожидании открытия банков, и уже к полудню банки закрыли свои двери, заявив, что у них нет больше наличных. Правая печать помещала статьи с крупными заголовками о налетах вкладчиков на банки, а также снимки очередей.

Начался отток долларов из Чили. По правилам Центрального банка чилийцы могли приобретать доллары только для определенных целей, в том числе для выезда за границу. Спекулянты черного рынка начали подбивать население обращаться за долларами для этой цели. Получивший доллары человек мог продать их с огромной прибылью спекулянтам, которые в свою очередь продавали их тем, кто хотел перевести средства за границу. Сумма долларов, продаваемых Центральным банком для «поездки за границу», резко подскочила.

Многие предприятия приостановили закупки и стали требовать от своих заказчиков немедленной оплаты наличными. Некоторые компании начали увольнять рабочих, другие — сокращать продолжительность рабочего дня.

Каждые несколько дней газета «Меркурио» помещала сообщения и редакционные статьи о «суровом экономическом моменте», «сокращении коммерческой деятельности» и «падении курса акций». 11 сентября в ее редакционной статье указывалось: «Возможность многочисленных экспроприаций в промышленном и сельскохозяйственном производстве, а также в области распределения, на транспорте и в коммерции угрожает не только владельцам затрагиваемых предприятий, но также и тем, кто работает на них, поскольку никто не может предвидеть ориентацию, которую осуществляющее экспроприацию государство даст этим производственным единицам. Это затронет также интересы поставщиков, которые в значительной степени зависят от заказов, размещаемых нынешним управленческим персоналом этих предприятий... Таким образом, сотни тысяч трудящихся решились подготовиться к любому исходу, прибегнув к простому средству: не делать никаких расходов или инвестиций, которых можно избежать. Как ни плачевно, невозможно найти никакого решения проблемы падения объема торговли до тех пор, пока существует неопределенность».

23 сентября под заголовком «Явный спад промышленного производства и коммерческой активности» газета «Меркурио» поместила сообщение Общества содействия развитию обрабатывающей промышленности, в котором указывалось, что во

второй неделе сентября по сравнению с тем же временем в августе объем промышленного производства сократился на 9%, а торговли на 61%. 25 сентября в ее редакционной статье сообщалось о «панике, уничтожившей процветание, которое, очевидно, твердо наступало...».

Вместо того чтобы попытаться развеять страхи населения в отношении банков и ограничить отток долларов, министр финансов в правительстве Фрея Андрес Сальдивар опубликовал 8 сентября заявление, в котором указывал, что «с нынешней ситуацией трудно справиться»⁶. 23 сентября он выступил по радио и телевидению. Министры финансов, как правило, пытающиеся ослабить кризис, избегают приводить самые плохие данные и цифры. Сальдивар же упивался ими: «В период между 7 и 17 сентября из системы сбережений и займов было изъято почти 340 миллионов эскудо». Он не считал нужным упомянуть, что к моменту его выступления темпы изъятий вкладов резко снизились. «Некоторые отрасли промышленности отложили выполнение своих планов расширения производства и даже приостановили осуществление уже начатых... Продажа предметов длительного домашнего пользования, таких, как телевизоры, радиоприемники и мебель, упала на 50—80%... Положение с автомобилями еще более критическое... Эта отрасль имеет особое значение вследствие ее цепной связи с поставщиками запчастей, которые совместно со сборочными заводами нанимают 15 тысяч человек... Серьезный удар нанесен по жилищному строительству... Госбанк вынужден осуществлять эмиссию в таком огромном размере, который угрожает самим основам экономики»⁷.

Под предлогом дать «объективную» картину Сальдивар пытался посеять панику. Такие действия враги Народного единства осуществляли в открытую. За кулисами происходило гораздо большее.

7 сентября служащий ИТТ в Чили сообщил в свое центральное правление: «Фракция Алессандри не сдалась... Во время очень конфиденциальной и частной беседы днем в воскресенье с д-ром Артуро Матте, шурином Алессандри и его ближайшим советником, меня проинформировали об их стратегии. Они ожидают, что избирательный трибунал покажет неким образом, что официальный пересчет голосов оказался в пользу Алессандри, а не Альенде и что президент Фрей поддержит это решение. Ожидается, что вооруженные силы, большая часть командного состава которых выступает за Алессандри, поддержат Фрея. О механике того, как это будет достигнуто, лишь намекнули, и я сделал вывод, что это потребует некоторой суммы денег и нажима влиятельных кругов, возможно, из

Вашингтона. Г-н Матте сказал, что при поддержке Фрея и вооруженных сил большинство христианско-демократического блока убедят голосовать за Алессандри. После избрания конгрессом Алессандри... он подаст в отставку с поста президента. Это приведет к новым выборам, на которых Фрей будет вправе выставить свою кандидатуру на еще один президентский срок. Фигура Фрея такова, что, по мнению большинства чилийцев, он нанесет поражение любому противостоящему ему кандидату».

В меморандуме указывалось, что «лагерь сторонников Алессандри полностью осознает возможные последствия такого маневра — кровавая баня... Признавая это, д-р Матте сказал, что это необходимо для предотвращения захвата страны коммунизмом»⁸.

9 сентября правление директоров компании ИТТ собралось на ежемесячное заседание в Нью-Йорке. Президент ИТТ Гарольд Дженин и директор Джон Маккоун, возглавлявший ранее ЦРУ, обсудили политическое положение в Чили. «Он сказал мне... — впоследствии показывал Маккоун, — что готов вложить даже миллион долларов в поддержку любого плана, принятого правительством с целью создания коалиции против Альенде, с тем чтобы... эта коалиция выступила единым фронтом (в конгрессе при решении вопроса о президенте) и лишила Альенде его поста... Он сказал, что эта идея была передана в канцелярию г-на Киссинджера, и спросил меня, поддерживаю ли я ее. Я ответил утвердительно. Я приехал в Вашингтон несколько дней спустя, встретился с г-ном (Ричардом) Хелмсом (директором ЦРУ) и сказал ему о наличии этих фондов. Я встретился также с г-ном Киссинджером и спросил, есть ли у него план, г-н Киссинджер горячо поблагодарил меня и сказал, что он свяжется со мной. Больше ничего мне не сказал...»⁹

Хотя Киссинджер не связался с Маккоуном, он также был ошеломлен перспективой прихода к власти правительства Альенде. Он сказал на брифинге корреспондентов, не попавшем в официальные документы (16 сентября): «Я еще не встречал такого человека, который твердо верит, что если победит Альенде, то в Чили будут возможны еще одни свободные выборы... Сейчас довольно легко предсказывать, что в случае победы Альенде, очень возможно, он установит на годы некоторого рода коммунистическое правительство. В этом случае будет... не остров, удаленный от побережья, который не имеет традиционной связи с Латинской Америкой и не оказывает влияния на нее, а в крупной латиноамериканской стране будет коммунистическое правительство, соседствующее на протяженной границе, например, с Аргентиной, которая уже глу-

боко раскола, с Перу, которая уже идет в направлениях, которые затрудняют сотрудничество с ней, и с Боливией, которая уже пошла в более левом, антиамериканском направлении даже без влияния любого из этих событий. Поэтому я считаю, что нам не следует впадать в заблуждение относительно того, что взятие власти Альенде в Чили не принесет больших проблем нам, демократическим и проамериканским силам в Латинской Америке и фактически всему Западному полушарию. Крайне проблематично, что произойдет с Советом обороны Западного полушария или Организацией американских государств и т. д.»¹⁰

Президент Никсон, состояние которого газета «Нью-Йорк таймс» охарактеризовала как «крайне взволнованное», а другой источник — как «возбужденное», созвал 15 сентября совещание в Белом доме, на котором кроме него присутствовали Киссинджер, Хелмс и министр юстиции Джон Митчелл. Заметки, сделанные Хелмсом во время совещания, «отражают», согласно сообщению сенатской комиссии по делам разведки, «как общее его настроение, так и инструкции президента»:

«Возможно, есть один шанс из 10, но надо спасти Чили!

Стоит потратиться;

не беспокоиться о возможном риске;

никакого вмешательства посольства;

10 миллионов долларов имеется, даже больше в случае необходимости;

постоянная работа — лучшие люди, которые у нас есть;

план игры;

заставить экономику завопить;

48 часов для плана действий»¹¹.

Комиссия подытоживает инструкции: «Президент Никсон проинформировал директора ЦРУ Ричарда Хелмса, что режим Альенде в Чили неприемлем для Соединенных Штатов, и поручил ЦРУ непосредственно заняться организацией военного государственного переворота в Чили, чтобы предотвратить вступление Альенде в должность президента»¹².

Вслед за совещанием в Белом доме были посланы новые инструкции в посольство США в Чили. «Поздним вечером во вторник (15 сентября), — сообщается в меморандуме ИТТ из Чили, — посол Эдвард Корри наконец получил указание из государственного департамента, дающее ему зеленый свет действовать от имени президента Никсона. Ему предоставлялись максимальные полномочия в отношении любых действий, за исключением таких, которые были предприняты в Доминиканской Республике, чтобы не допустить прихода Альенде к власти»¹³.

Хотя как ЦРУ, так и послу США в Чили дали инструкцию готовить переворот, они должны были осуществлять эту цель, говоря на американском правительственном жаргоне, по разным «колеям». Посольство и несколько других американских ведомств, включая ЦРУ, должны были работать по «колее 1», а ЦРУ отдельно — по «колее 2». Но в том и другом случае цель преследовалась одна — поднять чилийскую военщину против Альенде. Однако по «колее 1» должны были готовить переворот в сотрудничестве с Фреем или, по меньшей мере, при молчаливом его согласии. По «колее 2» ЦРУ должно было готовить переворот без Фрея; кроме того, оно должно было работать сверхсекретно, докладывая о ходе подготовки только Белому дому, не ставя в известность ни посла США, ни госдепартамент, ни даже высокопоставленный ведомственный «Комитет 40-ка», санкционирующий тайные операции¹⁴.

Вскоре стало ясно, что действия, предпринимаемые по «колее 1», не имеют успеха. Фрей колебался. Согласно приведенному выше меморандуму ИТТ, он «говорил в частном порядке своим ближайшим коллегам, Алессандри и посетителю из государственного департамента в конце прошлой недели, что нельзя допустить, чтобы страна пошла по коммунистическому пути, и что Альенде надо помешать занять его пост. Однако внешне он до сих пор держится в стороне от борьбы, чувствуя в то же время неуклонно возрастающий нажим со стороны США и своего собственного лагеря. Не способный на проявление мужества в трудную минуту, он стоит перед дилеммой: не хочет быть обвиненным как в передаче Чили коммунистическому правлению, так и в содействии возможной гражданской войне»¹⁵.

Проявляли колебания также многие деятели в вооруженных силах, которые могли бы присоединиться к перевороту, если бы он выглядел конституционным и если бы в его осуществлении участвовал Фрей. В меморандуме ИТТ приводятся следующие слова Фрея: *«Вооруженные силы согласны с тем, что приход Альенде к власти несет крайнюю опасность для демократии. Они согласны, что ему следует воспрепятствовать. Однако руководство вооруженных сил и Фрей предпочитают конституционный выход (то есть избрание конгрессом Алессандри), что не предотвращает насилия — самопроизвольного или спровоцированного»*¹⁶.

Наконец, ЦРУ узнало, что американский план подкупить христианских демократов, чтобы они голосовали в конгрессе против Альенде при выборе президента, не сработает. Слишком много христианских демократов, особенно принадлежавших к левому крылу партии и крылу Томича, твердо намере-

вались голосовать за Альянде. Томич сам послал открытку Альянде после выборов со словами: «Поздравляю по случаю вашей победы...»

Работа по «колее 1» продолжалась. Однако вслед за инструкциями, данными Никсоном Хелмсу, штаб-квартира ЦРУ в Вашингтоне послала 21 сентября телеграмму резиденту ЦРУ в Сантьяго, в которой сообщалось, что «от парламентского жонглерства отказались». В связи с этим Соединенные Штаты стали возлагать главную надежду на «военное решение» без Фрея, в случае необходимости — без конституционного прикрытия ¹⁷.

Центральное место в стратегии США, как по «колее 1», так и по «колее 2», отводилось тому, чтобы «заставить экономику завопить». 28 сентября Уильям Броу, руководитель тайных операций ЦРУ в Западном полушарии, сказал старшему вице-президенту ИТТ Эдварду Джеррити, что «он ищет дополнительную помощь с целью вызвать развал экономики» Чили, и выдвинул следующие «предложения», которые помогли бы этого добиться:

- 1) Банки не должны возобновлять выдачу кредитов, или они должны задерживать их возобновление.

- 2) Компании должны задерживать перевод денег, осуществление поставок, отправку запчастей и т. д.

- 3) Поставить в затруднительное положение банки и кредитные компании. Если будет оказан нажим, то им придется закрыть свои двери, создав тем самым еще более сильный нажим.

- 4) Мы должны прекратить оказание любой технической помощи и не давать обещаний какой-либо технической помощи в будущем. Компании, которые в состоянии сделать это, должны закрыть свои двери.

Броу представил список компаний, с которыми ИТТ должна добиться сотрудничества в проведении этих мер ¹⁸. Из документов ИТТ ясно также, какая роль отводилась экономическому саботажу в стратегии блокирования Альянде.

«Представлялось почти совершенно определенным, что избрание на пост президента марксиста Сальвадора Альянде будет подтверждено конгрессом... Есть только крошечный луч надежды на расстройство этого, если среди христианских демократов произойдет резкий и маловероятный сдвиг в настроении в отношении того, за кого голосовать... Более реалистично надеяться... что быстрое ухудшение экономического положения (наплыв в банк требований об изъятии вкладов, банкротство заводов и т. д.) поднимет волну насилия, которая приведет к военному перевороту» ¹⁹.

Кроме создания экономического кризиса помогали созданию атмосферы нервозности и насилия и другие действия. Как и на Кубе за несколько месяцев до вторжения в залив Кочинос, в Чили часто раздавались взрывы бомб. Альенде говорил: «Мы видим, как подкладываются бомбы — бомбы и еще бомбы...» Эти бандитские действия «не спонтанны. Здесь есть иностранные советники, люди с большим опытом, наемники, подготовленные для создания подобной атмосферы. По официальным сведениям... с июля по сентябрь в страну въехало 5300 граждан США... Среди этих 5300 человек должно быть значительное число агентов ЦРУ...»²⁰

Пабло Родригес, лидер вновь созданной партии «Патриа и либертад» («Родина и свобода»), фашистской организации со всеми атрибутами, включая символ в виде свастики, заявил на публичном митинге: «Если хотите гражданскую войну, то мы здесь готовы к ней». ЦРУ помогло созданию этой организации, предоставив ей в 1970 году 38,5 тысячи долларов²¹.

Служащие ЦРУ были пессимистически настроены в отношении выполнения приказов Никсона не допустить прихода Альенде к власти. Впоследствии Хелмс давал следующие показания: «Мое сердце ушло в пятки во время этой встречи, потому что... возможность осуществить нечто подобное казалась мне в то время крайне отдаленной. В практическом плане армия Чили придерживалась конституционных традиций... И если тогда, когда вы располагаете ограниченным временем, вас вдруг просят выполнить что-либо... это действительно кажется немыслимым...» Заместитель директора ЦРУ Томас Карамессинес дал такие показания: «Среди чилийских офицеров было много разговоров о возможности некоторого рода переворота... но это были не те разговоры, которые поддерживаются... серьезным организационным планированием». Сенатская комиссия по делам разведки подытожила: «Хотя в чилийских военных кругах ходили разговоры о перевороте, мало что свидетельствовало о том, что он действительно произойдет без поощрения и поддержки со стороны США»²².

ЦРУ сделало все, что смогло. Оно создало специальную рабочую группу под руководством Карамессинеса для содействия перевороту. Оно подбивало к действиям тех чилийских офицеров, которые вели разговоры о перевороте, заверяя их, по словам сенатской комиссии по делам разведки, что «правительство США поддержит переворот как до его свершения, так и после».

В подготовке переворота был замешан ряд чилийских офицеров. Карамессинес показал, что «добрая дюжина или больше чилийских старших офицеров была посвящена в проис-

ходящее... все они беседовали друг с другом, обмениваясь мнениями и пытаясь придумать, как лучше организовать приемы для них переворот»²³.

Среди чилийских заговорщиков были отставной генерал Роберто Вио, который возглавил бунт полка «Такна» в 1969 году, и генерал Камило Валенсуэла, командующий гарнизоном Сантьяго. Подробности того, как разворачивалась подготовка к заговору, изложены в двух книгах: «Беседы с Вио» — длинном интервью с ним — и «Дело об убийстве Шнейдера»²⁴, которая содержит материалы о военном трибунале над Вио и его соучастниками-заговорщиками.

Вио сообщает, что после выборов 4 сентября он беседовал с Валенсуэлой, выясняя, что можно сделать, чтобы не допустить вступления Альенде на свой пост. Потом, прощупав надлежащим образом почву, Вио и Валенсуэла встретились с адмиралом Уго Тирадо, вторым лицом в командовании военно-морских сил, генералом Хоакином Гарсиа, вторым лицом в командовании военно-воздушных сил, и генералом Висенте Уэртой, командовавшим национальной полицией (карабинарами).

Вио говорит, что он и Валенсуэла решили, что не следует действовать таким путем, который вызвал бы раскол в вооруженных силах, особенно в армии. Поэтому «в наших головах сложилась идея, что, насколько это возможно, сами главнокомандующие родами войск и директор облаченных в форму полицейских, объединившись и по общей договоренности и, более того, даже с согласия самого правительства, должны совместно осуществить государственный переворот»²⁵. Осуществление этого плана требовало решения ряда проблем, поскольку, не говоря уже о карабинерах, среди заговорщиков не значились главнокомандующие родами войск. В армии Валенсуэла стоял только на пятом месте по чину.

Особую проблему представлял главнокомандующий армией генерал Рене Шнейдер. Он был лидером сторонников конституционных действий в армии и служил основным препятствием на пути к перевороту. В тот год он заявил: «Армия является гарантом нормальных выборов, и пост президента республики займет тот, кто избран народом, получив абсолютное большинство, или конгрессом в целом в случае, если ни один кандидат не получит более 50% голосов»²⁶. Это и другие заявления о том, что уважение конституции армией неизменно, стали известны как «доктрина Шнейдера».

Готовя заговор, Вио поддерживал также связь с высокопоставленными членами правительства Фрея. Он узнал, что министр обороны Серхио Осса, министр экономики Карлос Фи-

героа и министр финансов Андрес Сальдивар, представлявшие те круги христианских демократов, которые не хотели «передачи правительства коммунистам», оказывали нажим на Фрей, побуждая его к действиям. Его заранее предупредили о выступлении Сальдивара по вопросам экономики 23 сентября и о том, к чему, по прогнозам Сальдивара, это приведет. После этого выступления «четыре министра уйдут в отставку, что вызовет, в свою очередь, уход в отставку всего кабинета министров. В этой обстановке г-н Фрей назвал бы кабинет, сформированный из личных друзей и офицеров, находящихся на действительной службе, и среди них — генерала Шнейдера; таким образом (то есть отстраняя Шнейдера от активного командования) проблема командования армией была бы решена, и появилась бы возможность для свободы действий. Таким путем была бы сохранена видимость конституционности...» Однако министры не подали в отставку, и Фрей ничего не сделал после выступления Сальдивара.

В начале октября, рассказывает Вио, он получил сообщение, что Фрей согласен, чтобы Вио совершил переворот, но это должно быть «сделано наверняка, с полной гарантией успеха, в противном случае он (Фрей) будет вынужден начать против него судебное преследование»²⁷. Вио довел это сообщение до сведения соучастников по заговору, однако оставалась проблема — как сделать, чтобы эти действия совершились под эгидой главнокомандующих тремя родами войск. Постепенно эта проблема начала разрешаться: в то время как Вио и другие готовили заговор, Тирадо получил повышение и был назначен главнокомандующим военно-морскими силами. Кроме того, заговорщикам сообщили, что главнокомандующий военно-воздушными силами Карлос Уррати присоединится к ним после того, как начнется переворот.

Оставалась только проблема с командующим сухопутными войсками, которую заговорщики задумали разрешить путем похищения. Сначала они замыслили похитить четырех высших офицеров, в результате чего командующим стал бы Валенсуэла; затем они решили похитить только двух и наконец только Шнейдера. По словам Вио, идея похищения Шнейдера «была одобрена единодушно» (то есть всеми пятью офицерами — Тирадо, Валенсуэлой, Гарсиа, Уэртой и Вио)²⁸. Организовать похищение взялся Вио.

Как Альенде отнесся к заговору, направленному к тому, чтобы не допустить его к власти? Он выступал по всей стране, часто на огромных митингах, разъясняя программу Народного единства, предостерегал, предупреждал о готовящемся заговоре с целью не допустить его к власти, говорил о том, что

он сделает, если заговорщики прибегнут к силе, и к тому же предпринимал маневры в политическом плане, чтобы ослабить поддержку заговора.

На массовом митинге по случаю победы коалиции Народного единства, состоявшемся в Сантьяго 5 сентября, Альенде заявил: «...мы не питаем чувства мести, но это не значит, что мы пойдем на уступки или станем торговаться по поводу программы Народного единства, которая явилась знаменем первого в истории Чили подлинно демократического, народного, национального и революционного правительства... Мы боролись за победу, чтобы окончательно покончить с империалистической эксплуатацией, с монополиями, чтобы осуществить глубокую аграрную реформу, чтобы взять под контроль экспорт и импорт, национализировать банковскую систему...»²⁹ Изменения, необходимые стране, сказал далее Альенде, могут быть осуществлены только в том случае, если чилийский народ действительно возьмет власть в свои руки и будет эффективно пользоваться ею... с помощью новой конституции, которая обеспечит широкое участие народа в управлении государством.

Альенде говорил об экономическом саботаже. Этот кризис — маневр, предпринятый империалистами, монополистами и крупными землевладельцами, искавшими возможность отнять у народа победу на выборах. Он был вызван искусственно: ничто в экономике не предвещало его. Преднамеренно сеялась паника. Национализация банков не означала конфискации вкладов. Иногда Альенде становился жестким. Он сказал рабочим одной фабрики: «Скажите владельцам, что мы хотим, чтобы работали все фабрики, и предупредите их от моего имени, что, если они намеренно парализуют их работу, вы возьмете дело в свои руки и наладите производство»³⁰.

Несколько раз Альенде предупреждал заговорщиков, что, если они попытаются осуществить свои планы, народ окажет им сопротивление. На массовом митинге в Сантьяго 13 сентября он сказал: «Народ знает, как защитить свою победу... Если (заговорщики) в своем безумии спровоцируют ситуацию, которой мы не хотим, то они должны знать, что вся страна замрет, что ни одно предприятие, ни одна фабрика, ни один цех, ни одна школа, ни одна больница и ни одна ферма не будет работать: это будет нашей первой демонстрацией силы... Пусть они знают... что у нас есть чувство ответственности, что мы также знаем, какую силу представляет дисциплинированный и организованный народ»³¹. Иногда Альенде формулировал это короче и выразительнее: «Если буржуазия захочет применить силу, то мы ответим силой».

Альенде стремился не допустить, чтобы заговорщики получили моральное и конституционное оправдание, которое, как многие чувствовали, им хотелось бы иметь. Даже предупреждая о готовящемся заговоре, он настаивал, чтобы его сподвижники оставались спокойными и дисциплинированными во избежание беспорядков и насилия. На митинге в ознаменование победы он сказал: «Вы разойдетесь по своим домам спокойно, не дав ни малейшего повода для провокаций».

Используя любую возможность, Альенде объяснял, что бояться правительства Народного единства могут только империалисты, монополисты и крупные землевладельцы. Не все будет национализировано. Кроме сектора общественной собственности, состоящего из национализированных предприятий, будет сектор смешанной собственности, в котором предприятия принадлежат государственному и частному капиталу, и частный сектор. Альенде пытался успокоить многочисленный слой мелких предпринимателей. «Частные предприятия — производственные и торговые — могут продолжать действовать так же, как и сейчас, с той лишь разницей, что государство будет оказывать им помощь, особенно кредитами и обязательством покупать их продукцию»³².

Программа Народного единства, заявил Альенде, будет осуществляться в рамках закона. В соответствии с новой конституцией будут гарантированы демократические права. «Что касается голосования, то наша программа конкретна: право на участие в выборах будет гарантировано всем, включая наших противников. Голосование будет всеобщим и тайным».

Альенде призывал вооруженные силы сохранять верность конституционным и патриотическим традициям. «Между народом Чили и вооруженными силами нет разногласий. Я считаю, что чилийские вооруженные силы доказали за годы своего существования, что они уважают конституцию, закон и волю народа и останутся верны им и в будущем»³³. Вооруженные силы, сказал Альенде, должны быть заинтересованы в развитии экономики, поскольку слаборазвитая страна не может по-настоящему защитить себя.

Альенде встречался с различными группами офицеров, чтобы обсудить волнующие их проблемы и разъяснить планы Народного единства. Многих офицеров беспокоила их личная судьба при правительстве Народного единства. Альенде заверил их: в будущем они будут играть большую роль, чем в прошлом; их знания и организаторские способности будут использованы для решения задач экономического развития. Альенде обсуждал с офицерами вопросы об окладах для военных и о порядке продвижения по службе. Согласно меморан-

думу ИТТ, он «обещал офицерам, что не изменит организационную структуру вооруженных сил»³⁴.

Наконец, Альенде занимал примирительную позицию по отношению к христианским демократам, протягивая руку более прогрессивным элементам и конгрессменам из ХДП, которые решили не поддерживать «формулу Алессандри», и тем, кто колебался. Он тепло отзывался о христианско-демократической молодежи, которая в ночь после выборов вместе с молодыми сторонниками Народного единства праздновала победу над правыми силами. Он отмечал, что его друг Радомиро Томич поступил честно, признав победу Народного единства. Он призвал к диалогу между христианскими демократами и партиями, входившими в Народное единство.

В то время как некоторые руководители христианских демократов, такие, как Сальдивар, настаивали на том, чтобы воспрепятствовать приходу Альенде к власти, или такие, как Фрей, прощупывали возможность этого, другие лидеры ХДП либо считали, что Альенде по праву стал президентом, либо полагали, что приемлемого пути заблокировать его нет. Многие христианские демократы начали изучать альтернативу воспрепятствованию прихода Альенде к власти, а именно: позволить ему стать у власти, но только при условии его согласия принять список «конституционных гарантий».

Еще 9 сентября газета «Меркурио» писала: «Ходят слухи, что Народное единство готово дать заверения в сохранении некоторых конституционных гарантий, таких, как система периодических выборов, демократическое назначение представителей власти, свобода печати...» Газета скептически отнеслась к ценности таких гарантий. Однако многие конгрессмены от ХДП, по-видимому, собирались голосовать за Альенде, если он согласится дать их.

Между христианскими демократами и Народным единством начались переговоры; в результате было достигнуто соглашение о проекте конституционной реформы, содержащее эти гарантии. Текст, обнародованный 9 октября, раскрыл основную цель тех христианских демократов, которые настаивали на этих гарантиях: они пытались подготовить наиболее благоприятные условия для предстоящей — они знали — борьбы за власть.

Христианские демократы хотели воспрепятствовать вооружению народа, созданию народной милиции; они добивались, чтобы монополия на вооруженную защиту власти оставалась у традиционных вооруженных сил; они стремились не допустить усиления контроля президента над вооруженными силами путем введения в них лиц со стороны. Соответствующая статья

гарантий гласила: «Государственную военную силу составляют только и исключительно вооруженные силы и корпус карабинеров, институты в своей основе профессиональные, иерархические, дисциплинированные, подчиняющиеся приказам без рассуждений. Укомплектование этих институтов может производиться только на основании закона. Введение новых лиц в вооруженные силы и корпус карабинеров может производиться через их собственные специализированные училища, за исключением персонала, выполняющего исключительно гражданские функции»³⁵.

Христианские демократы хотели избежать создания народной власти, основывающейся на прямой инициативе низов, а не на законе. Одна из гарантий предусматривала, что «ни в коем случае (народные организации) не могут присваивать себе право говорить от имени народа или пытаться брать на себя полномочия, которые принадлежат государственной власти»³⁶.

Поскольку определенные народные организации могли оказаться под контролем христианских демократов или, по крайней мере, объединенной оппозиции Народному единству, постольку для демохристиан было желательно зарезервировать такую возможность; позднее они могли быть использованы в мобилизации массовой оппозиции правительству Народного единства. Эта гарантия гласила: «Комитетам жильцов, центрам матерей, профсоюзам и другим общественным организациям, через которые народ участвует в решении своих проблем... предоставляется независимость и свобода для осуществления функций, предписанных им по закону»³⁷.

С достижением соглашения о гарантиях погибла последняя слабая надежда на переворот под конституционным прикрытием. Теперь шансы на блокирование Альенде зависели от прямого военного переворота.

Вио и его соучастники по заговору продолжали готовиться к похищению Шнейдера. Валенсуэла предложил план. 19 октября несколько генералов давали обед для Шнейдера на улице Президента Эррасури. Он, Валенсуэла, задержит под каким-либо предлогом других генералов и сделает так, что Шнейдер уедет один, создав таким образом условия для его похищения. ЦРУ помогло снабдить похитителей оружием, доставив первую партию — гранаты со слезоточивым газом — 18 октября. Попытка похищения была предпринята 19 октября, однако она провалилась: Шнейдер неожиданно поехал в своей личной, а не служебной машине, и похитители потеряли его из виду. 20 октября провалилась вторая попытка, когда Шнейдера отвозили домой из его канцелярии. 22 октября в 2 часа

почти военный атташе США, служивший посредником ЦРУ, передал три автомата с боеприпасами чилийскому офицеру, связанному с заговорщиками. Несколько часов позже была сделана последняя попытка: несколько машин неожиданно окружили «мерседес», в котором Шнейдера везли в его канцелярию, и заставили его остановиться. Два бандита разбили стекло задней двери машины Шнейдера. Шнейдер выхватил пистолет, похитители открыли огонь и тяжело ранили его. На третий день Шнейдер умер.

Попытка похищения привела к противоположным результатам. Убийство Шнейдера потрясло широкие круги населения и многих офицеров вооруженных сил. Это событие укрепило в широких слоях населения настроения в пользу Альенде.

Заговор с целью переворота не был осуществлен. Вио считал, что, несмотря на убийство Шнейдера (которое, по его словам, было непреднамеренным), Валенсуэла и его соучастники по заговору, адмирал Тирадо и генералы Гарсиа и Уэрта, должны были продолжать действовать. Ведь после этой стрельбы, говорит Вио, было введено военное положение, и генерал Валенсуэла, как командующий гарнизоном Сантьяго, сосредоточил «максимальную власть, причем все силы были под его командованием и план (переворота) был готов к осуществлению»³⁸. По словам Вио, он не знает, почему Валенсуэла и другие бездействовали, но думает, из-за страха. Газета «Нью-Йорк таймс» указывает: «ЦРУ установило, что переворот Валенсуэлы не мог закончиться успехом, так как не имел достаточной политической поддержки...»³⁹

24 октября конгресс подтвердил избрание Альенде; он получил 153 голоса против 35 голосов, поданных за Алессандри. Христианско-демократическая партия официально проинструктировала своих конгрессменов голосовать за Альенде.

Когда стало ясно, что не допустить Альенде к власти не удастся, газета «Меркурио» изменила свою линию. В день голосования она пожаловалась в редакционной статье, что «неизменная традиция всегда обеспечивала уважение конгрессом результатов голосования и провозглашение президентом гражданина, получившего большинство». Альенде стал сейчас «лучшей гарантией того, что процесс социального преобразования будет реализован с полным уважением достоинства и личной безопасности граждан, а также прав человека».

Особенно высокую ноту «Меркурио» взяла в день вступления Альенде в должность: «К счастью, дух патриотического сотрудничества, который вдохновляет граждан в эти месяцы, важные для страны, позволит режиму президента Альенде

взять в свои руки административную и политическую ответственность без помех».

Ставя дымовую завесу, чтобы прикрыть отступление, газета «Меркурио» начала готовить силы к будущим наступлениям. Отмечая, что предстоящая борьба между конгрессом и президентом может оказаться неподвластной управлению обычными средствами и что, может быть, придется провести плебисцит, «Меркурио» призывала оппозиционные политические партии готовиться к использованию «этой прямой демократии в свое время». Она подчеркивала важность использования печати, радио и телевидения с максимальной эффективностью, поскольку они будут «ориентирами общественного мнения во всенародном референдуме»⁴⁰.

3 ноября Альенде был торжественно введен в должность.

Одна из первых задач нового режима состояла в том, чтобы назначить на посты командующих тремя родами войск и корпуса карабинеров людей, которым можно было доверять. Все трое командующих вели себя так, будто ни один из них никогда и не помышлял о неконституционных действиях: три командующих посетили вновь избранного президента Альенде за несколько дней до введения его в должность с целью выразить свое уважение. Облаченные в парадные мундиры, они возглавили делегации офицеров на церемонии введения в должность. И все же, хотя это еще не было широко известно, двое командующих — Тирадо (военно-морские силы) и Уэрта (корпус карабинеров) — участвовали в заговоре с целью переворота, а третий — Уррати (военно-воздушные силы) — был замешан в нем, хотя и не столь глубоко.

Одним из первых официальных актов правительства Народного единства, осуществленных новым заместителем министра внутренних дел, приведенным к присяге незадолго до введения президента в должность, была замена Уэрты на посту генерального директора карабинеров офицером Хосе Марией Сепульведой, имевшим значительно более низкое звание. В день вступления в должность Альенде обнародовал имена командующих родами войск. Командующим сухопутными силами он оставил генерала Карлоса Пратса, который занимал этот пост после смерти Шнейдера. Он заменил Тирадо следующим по званию адмиралом Раулем Монтеро, а Уррати — генералом Сесаром Руисом, третьим по чину в военно-воздушных силах. Поставив более низших по званию офицеров во главе военно-воздушных сил и карабинеров, Альенде обеспечил уход в отставку второго по званию офицера Хоаки-

на Гарсиа, который готовил заговор вместе с Вио, а также ряда высших офицеров из корпуса карабинеров.

Благодаря этим изменениям вооруженные силы возглавили лица, которых можно было считать наиболее приверженными конституции. Это значило очень многое, но далеко не все. Желание осуществить переворот глубоко проникло в вооруженные силы. Готовили переворот высшие офицеры. Вспомните заявление Карамессинеса из ЦРУ, что «дюжина или больше старших офицеров» обменивались взглядами относительно того, как совершить переворот. Эти офицеры, должно быть, рассчитывали, что их поддержат другие. Сколько было таких других, неизвестных внешнему миру? А сколько было таких офицеров, которые, не поддержав переворот тогда, когда не было надлежащего морального и конституционного прикрытия, были тем не менее склонны поддержать «надлежащим образом» подготовленный переворот в удачно выбранное время?

Решение проблемы вооруженных сил имело коренное значение для будущего успеха революционной борьбы в Чили.

ТАКТИКА И СТРАТЕГИЯ

Была ли правильной тактика Народного единства в период, предшествовавший официальному вступлению Альенде на пост президента? Что предвещал этот период? Что вообще означает для социалистического движения завоевание исполнительной власти на выборах? Какова была стратегия Народного единства и его противников?

Серхио Рамос в работе «Чили: экономика переходного периода?» пишет, что политика руководства Народного единства «играла определяющую роль» в период, предшествовавший официальной передаче власти, что «судя по результатам... она вне всякого сомнения увенчалась полным успехом». Рамос высоко оценивает «гибкое осуществление генеральной политической линии путем консультаций и компромиссов с другими силами, примером чего явилось согласование «статута конституционных гарантий» с христианскими демократами, в результате Альенде была обеспечена их поддержка без отхода Народного единства ни на йоту от своей собственной программы»¹. Некоторые критиковали Народное единство за вступление на путь консультаций и компромиссов с христианскими демократами, выражая сомнение в целесообразности соглашения о конституционных гарантиях, что, по их мнению, могло только помешать любым попыткам Народного единства осуществить подлинную революцию. Алан Лабруз пишет в работе «Чилийский опыт: реформизм или революция?»: «Если и был момент, когда еще существовала возможность выбора между двумя путями, то, несомненно, именно тогда. Но другой путь предполагал организацию народной милиции по всей стране...»²

Чтобы понять тактические проблемы не только этого периода, но и всей революционной борьбы в Чили, необходимо учитывать соотношение сил, что В. И. Ленин в одной из своих работ определял как «гвоздь марксизма и марксистской тактики»³. Пользуясь поддержкой 36% населения и учитывая, что вооруженные силы состояли в лучшем случае лишь частично из конституционалистов, а вовсе не из революционеров, следо-

вало ли Народному единству занять непреклонную позицию, в результате которой возросла бы угроза переворота и ожесточенной борьбы? Привело ли бы отклонение предложения христианских демократов о компромиссе — что неизбежно толкнуло бы колеблющиеся элементы в христианско-демократической партии и вооруженных силах в другой лагерь — к созданию наиболее благоприятных условий для борьбы? Если Народное единство не ставило перед собой задачи ускорения схватки, могло ли оно поступить иначе как не пойти на компромисс?

Создание народной милиции и вооружение народа — непременное условие осуществления социалистической революции. Но вооружение народа не является сугубо техническим делом, относительно которого стоит лишь принять решение, как оно тут же само собой осуществится. Что предприняли бы оппозиция и вооруженные силы, пока Народное единство организовывало бы милицию? Не следует обольщаться сравнительной легкостью создания милиции революционными силами, которые уже завоевали государственную власть. Для революционных сил, еще не обладающих всей полнотой власти, задача вооружения народа является сложной. Выбор момента и методы вооружения народа должны определяться стратегией завоевания власти. Если попытка вооружить народ спровоцирует вооруженную борьбу, когда к ней еще не готовы, лучше с этим повременить.

Следует также правильно разобраться в роли конституционных гарантий. Они не означали изменения основ конституции; в них в основном отражалось то, что уже было зафиксировано в конституции. Они имели важное значение в борьбе, в ходе которой каждая сторона стремилась убедить общественное мнение, что другая сторона нарушает конституцию. Эти гарантии в определенной степени могли ограничить выбор возможных тактических действий со стороны Народного единства, но они не были договором, который имел обязательную силу при всех обстоятельствах. Когда, например, 29 июня 1973 года один армейский офицер организовал нападение группы танков на президентский дворец, Альянде, до того как стало ясно, что эта попытка потерпела провал, заявил о необходимости раздачи оружия народу. Когда дело доходит до пробы сил, то ход событий определяет логика силы, а не логика конституций. Когда логика указывает, что настал момент для вооружения народа, этому не сможет помешать никакая конституция.

Другие стороны тактики Альянде также были разумны. Его призывы к своим сторонникам соблюдать спокойствие и

дисциплину способствовали разрядке обстановки насилия, которую пытались создать заговорщики. Официальные лица «Интернэшнл телефон энд телеграф» с разочарованием говорили о нежелании Народного единства поддаваться на провокации. «Вы можете плюнуть им в лицо на улице,— приводил один из них слова двоюродного брата Алессандри,— а они ответят: «Спасибо». Некоторые люди не понимали политики Народного единства, считая, что, независимо от обстоятельств, насилие по своей сути более «революционно», чем проявление выдержки. Но если для революционной борьбы в тот или иной момент самая лучшая стратегия — избегать насилия, тогда стремление к насилию является анархистским, а не революционным действием. Даже когда Альенде призывал к выдержке, он опирался на силу Народного единства, напоминая о ней и предупреждая, что Народное единство ответит на силу силой.

Заявления Альенде относительно чилийских вооруженных сил следует расценивать не как лекции профессора, преподававшего курс принципов марксизма, а как обращения политического лидера, стремившегося установить с ними контакты и оказать на них воздействие. Подчеркивая приверженность вооруженных сил конституции, он старался укрепить в них позиции конституционалистских элементов.

И все же, хотя стратегия Народного единства в период, предшествовавший официальному приходу к власти, и была правильной, в высказываниях Рамоса содержатся неверные оценки. Его утверждение, что, согласившись на конституционные гарантии, Народное единство смогло получить поддержку со стороны христианских демократов, не отступив ни на йоту от своей программы, основано на ошибочном подходе. Программа имела исключительное значение как для развития революционного процесса, так и для привлечения на свою сторону широких масс в интересах завоевания всей государственной власти. Но первейший критерий оценки компромисса с христианскими демократами заключается в том, как он повлиял на решение проблемы власти, тогда как программа была лишь одним из элементов этой проблемы. В течение тех лет, когда Народное единство находилось у власти, среди его руководителей имелись и такие, кто придавал чрезмерное значение программе в ущерб более широкой задаче — проблеме власти.

Заявление Рамоса о том, что политика руководства Народного единства «играла определяющую роль» и «увенчалась полным успехом», является преувеличением. Такая точка зрения означает недооценку опасностей, которые сохранялись после вступления Альенде на пост президента. Почему заго-

ворщики не совершили переворота в 1970 году? Только лишь потому, что действия Народного единства предотвратили его? Нет. Народное единство действовало правильно, но оно вовсе не имело решающего влияния на обстановку. Его действия — не только его согласие дать конституционные гарантии, но также и его угроза ответить силой на силу — способствовали предотвращению переворота. Но и заговорщики также не смогли совершить переворот, так как обстоятельства складывались не в их пользу, так как Фрей колебался, так как смерть Шнейдера нарушила их планы и, наконец, так как у них сохранялась возможность совершить переворот, если будет необходимо, позднее.

Что означало завоевание президентской власти? Безусловно, это не значило, что Народное единство обрело полную государственную власть, обладавшую контролем над вооруженными силами и полицией, конгрессом и судебной системой. Но нельзя сказать также, что его победа не имела особого значения. Народное единство завоевало важный плацдарм, с которого оно могло начать борьбу за *всю полноту* государственной власти.

Борьба за власть была неизбежной. Народное единство дало обязательства передать народу богатства и власть, принадлежавшие имущим и могущественным, начать строительство социализма. Опыт истории учит, что имущие и могущественные не будут просто сидеть сложа руки. Они будут сопротивляться, а если потребуется и если будут возможности, то и путив в ход силу.

Завоевание всей полноты государственной власти было главной задачей Народного единства. Разделы программы Народного единства, предусматривавшие национализацию монополий, банковской системы и внешней торговли и проведение подлинной земельной реформы, имели огромное значение. Они отражали стремление значительного большинства чилийцев к переменам. Осуществление этих мер имело жизненно важное значение для развития революционного процесса. Но без завоевания всей полноты государственной власти значительная часть их могла быть отменена, если бы к власти вернулись прежние правители. То, что было бы позволено сохранить, представляло бы уже не меры, ведущие к коренному изменению системы, а реформы. Главное отличие между успешной революцией и реформистским развитием заключается в том, завоевана или не завоевана вся полнота государственной власти.

Какова была расстановка сил в борьбе за власть? Население Чили разделилось на три части. 36% избирателей прого-

лосовали за Альенде и решительно выступили за революционные изменения. 35% избирателей проголосовали за Алессандри и против революционных перемен. Немногим менее 30% проголосовали за Томича; они стояли за перемены, некоторые из них — даже за социализм, но они испытывали сомнения относительно характера перемен и путей их осуществления. Принадлежавшие к этой группе, в основном люди из средних слоев, колебались в своих политических симпатиях между левыми и правыми.

Среди тех 36% избирателей, голосовавших за Альенде, основную массу составлял рабочий класс. Народное единство могло рассчитывать на поддержку Единого профсоюзного центра трудящихся (КУТ), ведущей профсоюзной организации Чили, объединявшей 70% всех членов профсоюзов. Но христианские демократы помимо контроля над крупными крестьянскими конфедерациями имели много сторонников в ряде других профсоюзов.

Народное единство держало в своих руках исполнительную власть. Христианско-демократическая партия и национальная партия вместе имели большинство в конгрессе. Судебная система была укомплектована людьми, назначенными предыдущими правительствами, — выходцами из высших и средних слоев, имевшими традиционное юридическое образование. Контрольное управление, которое не только осуществляло ревизии финансовой деятельности правительства, но также имело право определять, являются ли президентские указы конституционными, возглавлялось лицом, назначенным Фреем.

Офицеры вооруженных сил в своем большинстве были выходцами из средних слоев и делились на три категории: агрессивно настроенные антикоммунисты, которые хотели бы немедленно прибегнуть к использованию силы против Народного единства; конституционалисты, которые поддерживали правительство, но лишь потому, что оно было законно избранным, а не потому, что они стремились к социализму; и колеблющиеся, занимавшие промежуточные позиции между двумя этими категориями. Ни один из высших офицеров не был социалистом. Лишь среди офицеров других рангов было небольшое число социалистов.

О том, что многие офицеры были готовы с самого начала принять участие в перевороте, свидетельствует заговорщическая деятельность в период между выборами и официальным вступлением Альенде на пост президента. И если какая-то часть офицеров и не была готова к немедленному участию в перевороте, то тем не менее придерживалась взглядов, которые предвещали ее неизбежную враждебность к правитель-

ству Народного единства. Аугусто Пиночет в своей книге «Географический синтезис Чили», использовавшейся как учебное пособие в чилийских военных училищах, писал: «С каждым днем крепнут узы дружбы с великой страной Севера. И не только в экономическом отношении в связи с тем, что США предлагают широкий рынок для чилийских товаров и являются в то же время поставщиком оборудования и сырья, необходимых для промышленного развития Чили, но также и в политическом и культурном планах, в отношении полной поддержки международной позиции западного «блока» против «красной» опасности»⁴.

Тесные связи чилийских вооруженных сил с военщиной США в немалой мере объясняют, каково должно было быть отношение значительного числа их офицеров к коммунизму. «Близкое личное и профессиональное сотрудничество между чилийскими и американскими офицерами,— отмечалось в докладе «Тайная операция в Чили, 1963—1973»,— было давней традицией. Американское военное присутствие в Чили было весьма значительным. Помимо военных атташе при посольстве имелась военная миссия, которая обеспечивала обучение и помощь чилийским вооруженным силам. В конце 60-х годов военная миссия насчитывала более 50 человек...»⁵ В период между 1950 и 1969 годами США предоставили Чили военную помощь на сумму 163 миллиона долларов — больше, чем любой другой латиноамериканской стране, за исключением Бразилии, обучили 3975 чилийских военных в США, зоне Панамского канала и Чили. За этот же период США предоставили корпусу карабинеров помощь на сумму в 2,3 миллиона долларов; 89 офицеров чилийской полиции прошли обучение в США. Командующий корпусом карабинеров Висенте Уэрта, названный Вио соучастником заговора, учился в Международной академии полиции в Вашингтоне. Чилийские и американские вооруженные силы совместно сотрудничали в Межамериканском совете обороны, а военно-морские силы обеих стран регулярно участвовали в совместных военно-морских маневрах «Операция Унидад». Такое многостороннее сотрудничество между вооруженными силами США и Чили не было бы возможным, если бы многих их офицеров не объединяли идентичные взгляды на коммунизм.

Однако в чилийских вооруженных силах помимо сторонников переворота и их потенциальных союзников была и значительная прослойка конституционалистов. Это было закономерным явлением, поскольку в Чили существовала длительная традиция конституционного правления и ее буржуазия была заинтересована в том, чтобы править внешне демо-

кратическими методами. Карлос Пратс, ставший во главе вооруженных сил после убийства Шнейдера, придерживался доктрины Шнейдера о приверженности конституции. Важные посты помимо Пратса занимали ряд других сторонников конституционного правления, такие, как генералы Гильермо Пиккеринг и Мария Сепульведа и адмирал Рауль Монтеро.

Некоторые чилийские офицеры в последние годы стали проявлять большой интерес к проблемам экономической отсталости страны и социального недовольства. В июле 1970 года официальный орган генерального штаба армии опубликовал статью майора Клаудио Лопеса «Вооруженные силы и третий мир». Лопес писал, что экономическая отсталость подрывает национальную безопасность и независимость. Поэтому вооруженные силы готовы сотрудничать в деле развития страны. Функции вооруженных сил не должны «сводиться лишь к поддержанию порядка и подавлению подрывной деятельности». Более важной задачей является... предотвращение насилия», чтобы не было необходимости применять репрессии. «Вооруженные силы должны иметь ясное представление о... переменах, в которых нуждается общество... и должны способствовать этим переменам...» Но Лопес высказывал мысли и иного свойства. Он писал, что латиноамериканские вооруженные силы гарантируют «солидарность западного блока» и «если военные окажутся в положении, когда в результате недостатка людских и материальных средств лишатся возможности выполнять миссию, для которой они были созданы, и... почувствуют себя устранными от жизни нации, не исключена возможность, что они выступят против установленной власти»⁶.

Классовое расслоение в чилийских вооруженных силах носило ярко выраженный характер. Большинство унтер-офицеров и почти все рядовые были выходцами из трудовых классов и имели значительно более низкий уровень образования по сравнению с офицерами. У них практически не было возможности когда-либо стать офицерами. Дисциплина была строгой: армия следовала прусским порядкам, введенным в прошлом веке, а военно-морской флот — британским порядкам давно ушедшей эпохи. Низкое социальное положение и отсутствие образования у рядовых помогало держать их в страхе перед офицерами. Их стремились, насколько было возможно, не подпускать к прямому участию в политической жизни. В отличие от офицеров унтер-офицеры, солдаты и матросы не пользовались правом голоса.

При чрезвычайном положении их держали в казармах, лишая возможности связаться с внешним миром, и они узна-

вали о происходящем лишь то, что офицеры считали нужным им сообщить.

В Чили вооруженные силы обладали монополией на владение оружием. Лишь в редких случаях невоенные имели оружие в личном пользовании.

Народное единство получило в свои руки исполнительную власть не потому, что оно обладало превосходством в силе, используя которое можно было бы осуществить революционную программу любыми необходимыми средствами, а потому, что большинство чилийцев, включая многих офицеров вооруженных сил, верили в законность. Необходимость соблюдать законы сковывала способность правительства Народного единства к осуществлению революционных преобразований. Ведь буржуазия создает свою конституционную систему не для того, чтобы способствовать революционным переменам. Но без этой системы законности правительства Народного единства не было бы вообще.

В таких условиях правительство Народного единства не могло приступить к «слому буржуазного государственного аппарата». Слом буржуазного государственного аппарата потребовал бы замены существовавших вооруженных сил революционными вооруженными силами и изменения буржуазной парламентской и судебной системы. Правительство Народного единства не обладало юридическим правом осуществлять какие-либо подобные действия с помощью принятия декретов и достаточной силой для их осуществления каким-либо иным путем.

И все же, хотя Народному единству приходилось придерживаться рамок закона, ему необходимо было иметь перспективу, выходящую за эти рамки. Оно должно было накапливать силы, чтобы быть готовым использовать их для защиты своего права на управление страной. Как бы оно ни стремилось максимально использовать все имевшиеся в рамках закона возможности, оно не могло бесконечно полагаться на него перед лицом непримиримых врагов, не желавших отказаться по доброй воле от своей власти и привилегий.

В основе стратегии Народного единства лежало стремление добиваться осуществления своей программы конституционными методами. Народное единство надеялось, что, осуществляя требования большинства чилийцев, удастся ликвидировать монополии и крупные поместья и что, улучшая экономическое и социальное положение большинства чилийцев, сумеет добиться поддержки не только со стороны рабочего класса, но также и со стороны средних слоев, поддержки, достаточной для привлечения на свою сторону большинства на-

селения. Эта поддержка позволила бы Народному единству осуществить на практике в рамках существовавших законов раздел ее программы, призывавший к выработке «новой политической конституции, которая обеспечит массовое участие народа в управлении государством», и замене существовавшего конгресса однопалатной Народной ассамблеей. Соблюдение законов обеспечило бы сохранение поддержки со стороны конституционалистов в вооруженных силах и лишило бы сторонников переворота юридических и моральных причин для него, которые они надеялись создать.

Стратегия Народного единства в отношении вооруженных сил проявилась уже в его действиях в период, предшествовавший официальному приходу Альенде к власти. Народное единство апеллировало к военной чести конституционалистов и к заинтересованности офицеров — в силу патриотических и военных причин — в экономическом развитии страны. Правительство привлекало офицеров к работе в государственных учреждениях, стремясь вовлечь их самих в осуществление программы Народного единства. Оно увеличило оклады военным, приведя их в соответствие с уровнем зарплаты служащих остальной части государственного аппарата, устранив тем самым основную причину недовольства. В своей стратегии в отношении вооруженных сил Народное единство ориентировалось на офицерский состав; оно почти не уделяло внимания привлечению на свою сторону и революционизированию рядового состава.

Некоторые критики Народного единства обвиняли его в отсутствии ясной стратегии завоевания всей полноты государственной власти. Один или два видных деятеля Народного единства, занявшись самокритикой после переворота, утверждали то же самое. Формально такого рода критика имела основания. Наличие в программе положения относительно принятия новой конституции, которая обеспечит «массовое участие народа в управлении государством», само по себе еще не означало реального решения проблемы. Государственная власть обеспечивается не столько самим содержанием конституции страны, сколько характером ее вооруженных сил и тем, кто по существу — не юридически, а на деле — контролирует их. Если бы вооруженные силы Чили сохранили свой прежний характер, то принятие новой конституции, даже если бы правительство Народного единства и смогло этого добиться, не означало бы, что Народному единству удалось завоевать всю полноту государственной власти.

И все же одно дело — утверждать, что Народное единство должно было иметь стратегию завоевания всей полноты го-

сударственной власти, и совсем другое дело — куда более трудное — конкретно определить, какой она должна быть в данный момент. Руководители Народного единства — президент Альенде, Генеральный секретарь Коммунистической партии Луис Корвалан, Генеральный секретарь ЦК Социалистической партии Карлос Альтамирано и другие — упорно стремились решить проблему завоевания всей полноты государственной власти. Но при существовавшем тогда соотношении сил возможность для Народного единства получить всю полноту государственной власти была настолько мала, что никто просто даже не мог, хотя бы приблизительно, наметить пути достижения этой цели. Народное единство в значительной мере вынуждено было следовать одному из принципов Наполеона: «Действуй. А там разберемся».

Но были также соображения, которые еще более осложняли решение проблемы. Например, Альенде несколько раз заявлял, что если буржуазия прибегнет к насилию, то Народное единство ответит на это насилием. Такие заявления делались не случайно. Они вытекали из стратегического принципа, заключавшегося в том, что Народное единство само не начнет наступления, но ответит на него контрнаступлением. В основе этого принципа лежало правильное понимание центрального вопроса о соотношении сил. Переход Народного единства в наступление мог бы толкнуть средние слои и конституционалистов в вооруженных силах в лагерь другой стороны; наступление же его противника могло бы способствовать сближению этих сил с Народным единством.

В рядах Народного единства существовали значительные разногласия по тактическим вопросам, таким, как темпы осуществления программы, важность и возможность более широкого привлечения на сторону Народного единства средних слоев и необходимость поиска компромиссов с христианскими демократами. Но все шесть партий, входивших в коалицию Народного единства, были единодушны в главном — в том, что Народное единство должно использовать свою победу на выборах, завоевание исполнительной власти для осуществления своей программы, для начала строительства социализма. Даже Левое революционное движение (МИР)*, возникшее в университете Консепсьона в 1965 году, которое отвергало участие в выборах и не входило в коалицию Народного единства,

* МИР — «Левое революционное движение», организация, созданная элементами, находившимися под влиянием мелкобуржуазного революционаризма. Играла роль «левой» оппозиции к правительству Народного единства, обвиняя последнее, особенно компартию, в реформизме.

считало, что «привлечение большинства избирателей на сторону левых и образование правительства Народного единства являются отличным отправным пунктом для прямой борьбы и завоевания власти рабочими»⁷.

Перед империалистами США и чилийской олигархией также стояла сложная стратегическая проблема. Оппозиция Народному единству была разобщена, причем ее главные силы проявляли колебания. Это сковывало ее возможности и делало немедленный переворот трудным и опасным делом. И все же, чем дольше правительство Народного единства находилось бы у власти, тем больше ущерба оно могло бы нанести интересам империалистов и олигархии. Оно могло бы также укрепить свои позиции. Все империалистические и олигархические силы были едины в том, что следует помешать успешному функционированию правительства Народного единства; однако их различные интересы и взгляды определяли и различия в их тактике.

Национальная партия, представлявшая интересы крупных землевладельцев и наиболее консервативных слоев промышленной и торговой буржуазии Чили, объединила в своих рядах традиционно фашистские элементы и являлась самой твердолобой оппозиционной партией, наиболее склонной к тому, чтобы как можно быстрее организовать переворот. Латифундисты и другие реакционеры настойчиво требовали от ее руководителей все более решительного противодействия мероприятиям, проводившимся Народным единством. Руководители этой партии сомневались, что проблема, созданная существованием правительства Народного единства, могла бы быть решена путем проведения выборов. Они развернули работу по сплочению оппозиции, которая бы без колебаний предприняла необходимые меры.

Обстановка в христианско-демократической партии была более сложной. Фрей и руководители правого толка, так же как и лидеры националистов, считали, что правительству Народного единства нельзя позволить добиться успеха. Но Фрей был не очень заинтересован в том, чтобы способствовать ускорению переворота, пока не исчерпаны все другие возможности достижения цели. Если бы от правительства Народного единства можно было избавиться в результате следующих президентских выборов или вынесения обвинения президенту и смещения его еще до этих выборов, то, вероятно, христианские демократы, как самая крупная оппозиционная партия, унаследовали бы власть. В случае переворота власть перешла бы в чьи-то другие руки, возможно, на долгое время. Более того, репутация Фрея как деятеля, являвшегося сторонником

демократических методов правления, была бы подорвана в результате участия в перевороте. Даже если бы обстоятельства сложились так, что переворота нельзя было бы избежать, то в интересах Фрея было тщательно подготовить все для того, чтобы его можно было оправдать в глазах значительной части чилийского народа и мировой общественности.

У группы Фрея были и свои проблемы. В первое время после выборов партия находилась под влиянием сторонников Томича. Группа Фрея стремилась вернуть себе полный контроль. Она хотела с помощью разных маневров толкнуть партию на путь сопротивления тем переменам, которые Народное единство попыталось осуществить, на путь сотрудничества с национальной партией, находившейся в оппозиции. Такое маневрирование требовало осторожности, так как многие христианские демократы выступали за перемены и с презрением относились к национальной партии. Преждевременные или неподготовленные действия, направленные на организацию сопротивления переменам, могли иметь отрицательный эффект, привести к сдвигу влево многих членов партии, причем часть из них еще больше подпала бы под влияние левого крыла партии, а другие — что было бы еще опаснее — стали бы переходить на сторону Народного единства.

Стратегия, которую избрали Фрей и его сподвижники, была позднее охарактеризована видным теоретиком христианских демократов Клаудио Оррего как «стратегия русских маршалов» в войне против Наполеона. Оррего говорил: «Эта стратегия была очень простой. Ее суть заключалась в том, чтобы не вступать в сражения с врагом сразу после вторжения, когда его боевой дух, огневая мощь и организованность не подорваны. Сражаться в таких условиях значило бы поставить под угрозу сохранение своей собственной армии... Поэтому вы отступаете к Москве, чиня всяческие помехи врагу... сжигая за собой землю и оставляя города, пока не наступит зима и не начнет падать первый снег. И тогда настанет час для первой большой битвы и перехода в наступление».

В Чили подобная стратегия означала, что сначала не следует прибегать к жесткой линии. Правительству Народного единства, говорил Оррего, играли бы на руку «заговоры, подстрекательство, империалистические агрессивные действия, бойкоты, саботаж, рост преступности, открытое насилие... Занять жесткую позицию в такое время значило бы оказать партии, находящейся у власти, такую услугу, какую оно желало бы, продемонстрировать стране, что оппозиция выступает против перемен и предпримет любые усилия для защиты своих интересов. Линия станет ужесточаться позднее, по мере того

как правительство начнет терять свой пыл, внутреннюю сплоченность, способность к действию, свой престиж среди народа»⁸.

Что могла бы предпринять оппозиция, если бы христианские демократы были готовы ужесточить свою линию? Обладая контролем над конгрессом — многое. Она могла бы попытаться блокировать осуществление программы Народного единства — национализацию и другие реформы. Обладая властью в области законодательства по вопросам бюджета, налогов и зарплаты, она могла бы парализовать экономику страны. История Чили, особенно период борьбы конгресса против Бальмаседы, свидетельствует о наличии многих способов использования конгресса против президента. Он мог бы терроризировать правительство, постоянно добиваясь отстранения тех или иных министров. Он мог бы довести дело до того, что правительство практически лишилось бы возможности управлять страной.

Хотя среди врагов Народного единства внутри страны имелись разногласия по вопросам стратегии, тактики и времени выступления, они были едины в отношении важнейших моментов — не допустить вооружения народа, проникновения в ряды вооруженных сил сторонников Народного единства или влияния его на солдат каким-либо иным путем, проведения чистки среди офицерского состава. Противники Народного единства были намерены воспрепятствовать этому, сохраняя постоянную бдительность и готовность к действиям.

Отношение американских корпораций, действовавших в Чили, к правительству Народного единства было резко враждебным. Оно поставило под угрозу интересы их бизнеса, которые служили для них мерилom отношения ко всему. Приход его к власти предвещал конец их прибыльным операциям в Чили.

Некоторые корпорации имели гарантии против экспроприации со стороны «Корпорации по зарубежным частным капиталовложениям» — правительственного учреждения США, но предполагаемая компенсация, по их мнению, не могла возместить потерю ими предприятий в Чили. ИТТ особенно опасалась «эффекта домино» в других странах, если бы ее изгнали из Чили.

Представители этих корпораций в Чили поддерживали постоянную связь с послом США в период между всеобщими выборами и выборами президента конгрессом; посол Корри признал, что он регулярно встречался с ними. Они знали о «формуле Алессандри»; руководители ИТТ и, возможно, других компаний знали очень многое о поддержке США планов

воспрепятствовать вступлению Альенде на пост президента. Что они предприняли после того, как эти планы сорвались?

Иностранные корпорации разработали с учетом своих специфических особенностей стратегические планы по спасению, насколько возможно, своих капиталовложений в Чили. Некоторые компании надеялись достичь удовлетворительной договоренности с правительством Народного единства и старались избежать любых действий, которые могли бы помешать переговорам. «Серро корпорейшн», например, строившая медный рудник Андина, была новичком в Чили и в отличие от «Анаконды» и «Кеннекотт», которые выкачивали деньги из Чили уже более 50 лет, еще ничего не заработала. «Серро» старалась действовать так, чтобы ее не ставили на одну доску с двумя другими медными гигантами.

У «Анаконды» и «Кеннекотт» были более сложные проблемы. Помимо крупных вложений в добывающую промышленность, они также в результате совместной договоренности, достигнутой в период президентства Фрея, являлись держателями бон «Корпорации медной промышленности» (КО-ДЕЛКО) Чили на десятки миллионов долларов. Для них вопрос состоял не только в том, получают ли они компенсацию за экспроприированные рудники, но также и в том, будут ли выкуплены эти боны. В отличие от «Серро» им вряд ли приходилось рассчитывать на благоприятное урегулирование; и все же они не могли быть уверены, что Чили не предложит им определенную компенсацию и не выкупит боны. Они разработали стратегию, предусматривавшую целый ряд различных мер: максимально возможное изъятие долларов из Чили в период, предшествовавший национализации, путем прекращения закупок запасных частей, оборудования и вывоза пустой породы из рудников; организацию давления со стороны правительства США на правительство Народного единства с целью обеспечить выплату «достаточной компенсации»; отзыв ведущих административных и технических работников с предприятий в Чили, с тем чтобы максимально затруднить правительству Народного единства управление рудниками, и подготовку к применению юридических санкций за рубежом к правительству Народного единства, если оно откажется дать удовлетворительную компенсацию или выкупить боны.

Помимо сепаратных действий по защите каждой из них своих интересов, корпорации планировали предпринять также некоторые совместные шаги. Через несколько недель после вступления Альенде на пост президента ряд корпораций — ИТТ, «Анаконда», «Кеннекотт», «Бетлехем стил», «Доу кемикл», «Файрстоун тайр энд Раббер», «У. Р. Грейс», «Чарлз

Пфизер», «Ралстон пурина» и «Бэнк оф Америка» — создали Временный комитет по Чили. В меморандуме о первом заседании комитета, подготовленном присутствовавшим на нем представителем «Бэнк оф Америка», указывалось: «Главный упор... делался на оказание давления на правительство (США), с тем чтобы оно при любой возможности ясно давало понять, что национализация чилийцами американской собственности повлечет за собой самые серьезные последствия. ИТТ полагает, что давление следует оказать через аппарат Киссинджера. Ее представители считают, что чилийской проблемой занимается этот аппарат и ЦРУ». Представители ИТТ и «Анаконды» информировали о встречах с Арнольдом Нахмановым из аппарата Киссинджера. Представитель «Анаконды» сообщил, что, по словам Нахманова, «США окажут закулисный нажим (на Чили) по экономической линии...». На заседании обсуждалась также необходимость оказания давления «на международные кредитные организации, с тем чтобы побудить их прекратить свою деятельность в странах, грозящих экспроприровать или уже экспроприрующих частные капиталовложения»⁹. В протоколах этого заседания содержится дополнительная информация относительно обсуждения вопроса о кредитных организациях. Ральф Мичем из «Анаконды» сообщил, что представители Международного банка были в Сантьяго на прошлой неделе и в беседах с официальными представителями чилийского правительства заявили им, что, если «планы национализации будут осуществляться, вполне вероятно, Чили больше не получит кредитов»¹⁰. Представитель сенатской подкомиссии США, проводившей расследование роли ИТТ в чилийских событиях, пришел к такому заключению: «Во всех документах, которые мы видели в связи с деятельностью Временного комитета... говорится о плане оказания давления на правительство США, и особенно на аппарат Киссинджера, с целью организации экономического нажима на Чили»¹¹.

В отличие от корпораций стратегия правительства США должна была быть более глобальной и утонченной. Правительству нужно было защищать не просто интересы какой-то одной компании, а интересы империализма США в целом — его экономические, политические и стратегические интересы не только в Чили, но и во всем мире.

Правительство США предпочло бы не допустить вступления Альенде на пост президента. Этим можно было бы предотвратить возникновение, пусть даже на короткое время, той нежелательной ситуации, к которой привело занятие Альенде поста президента, — а именно осуществление национализации

собственности медных и других корпораций США, дипломатическое признание Кубы и опасное воздействие на обстановку в других латиноамериканских странах. Но переворот в тот период мог бы иметь и отрицательные последствия. Выступая на пресс-конференции, президент Никсон заявил: «Мы можем лишь сказать, что для США вмешательство — вмешательство в свободные выборы и изменение их результатов, я думаю, вызвало бы нежелательные последствия во всей Латинской Америке, которые были бы значительно хуже того, что произошло в Чили»¹². Никсон вовсе не отказывался от планов организации переворота, но все же правительству США приходилось принимать во внимание ту отрицательную реакцию, которую он мог вызвать во всем мире. Другая причина, удерживавшая в тот момент от переворота, заключалась в том, что он мог оказаться рискованным предприятием, то есть вызвать гражданскую войну со всеми вытекающими из этого неприятными последствиями — возникновением трудностей в соседних странах, появлением проблем в самих США, где происходили бурные волнения в связи с войной во Вьетнаме.

Отступив и допустив вступление Альенде на пост президента, правительство США получило время, чтобы продумать план дальнейших действий. Оно могло теперь заняться чилийской проблемой без поспешных импровизаций, на основе четкого, продуманного плана. При этом следовало учитывать все конкретные особенности чилийской ситуации — репутацию Чили во всем мире как демократической страны, веру ее народа в избирательную систему, колебания лидеров христианских демократов, наличие конституционалистов среди офицеров вооруженных сил, поддержку, оказываемую Народному единству широкими массами. Необходимо было изыскать любые возможности, чтобы избавиться от правительства Народного единства без переворота — такой путь представлялся наилучшим. И если нет иного пути, кроме переворота, он должен быть тщательно подготовлен.

Правительство США предпочитало придерживаться «спокойной» политики в отношении Чили. Оно старалось, невзирая на давление корпораций, избегать проявления открытой враждебности. Оно видело на примере Кубы, что открытая враждебность в отношении происходящей революции может привести к совершенно иным результатам, чем те, на которые рассчитывали; что искусный революционный руководитель может использовать такую враждебность для укрепления единства и повышения революционной сознательности народа своей страны и получения широкой поддержки из-за рубежа. Газета «Нью-Йорк таймс» в редакционной статье писала:

«Дело не в том, что, проводя спокойную и корректную линию, Вашингтон сможет настолько ублажить Альянде, что он откажется от осуществления своих социалистических программ, или хотя бы обеспечить хорошие отношения с Чили в период его президентства. Дело в том, что в силу целого ряда причин такая политика является единственно практически возможной линией для США в эти трудные времена в их отношениях с другими странами Америки. Правительству Альянде не следует давать какого-либо предлога для обвинений нашей страны ни в создании препятствий в осуществлении его программ, ни в участии в каких-либо операциях, которые могут закончиться провалом. Необходимо, чтобы США воздерживались от угроз или провокаций...»¹³

Поэтому Никсон и заявит в своем внешнеполитическом послании конгрессу, что США будут поддерживать с Чили такого рода отношения, какие Чили будет поддерживать с США. Официальные лица правительства США будут прямо заявлять чилийским дипломатам, что проблемы, возникшие между обеими странами, следует решать путем переговоров. Правительство США будет избегать даже намека на установление экономического эмбарго, такого, какое было введено против Кубы в 1960 году. Оно постарается предпринять все возможные усилия для того, чтобы правительство Народного единства потерпело неудачу в своей деятельности. Но, насколько возможно, оно будет стремиться делать это «незаметно».

Правительство США будет укрываться за спиной международных кредитных учреждений, частных банков и экспортеров, без излишнего шума вести свою работу через ЦРУ, военный атташат и посольство США. Кредитные учреждения, банки и экспортеры заявят, что они ограничивают кредиты не по политическим причинам, а в силу того, что Чили стало рискованным местом для вложения капиталов. В то время как Никсон будет лицемерно провозглашать перед всем миром, что США стремятся к поддержанию хороших отношений с Чили, ЦРУ будет тайно готовить там свой аппарат для активных действий. Работа в Чили будет поделена между ЦРУ, военными атташе и посольством, причем особое внимание, помимо прочего, будет уделено необходимому сохранению в тайне этой деятельности; наиболее важные контакты будут осуществляться через тех, кого на жаргоне разведки называют «выходами», иными словами — через посредников.

Основная цель стратегии США состояла в том, чтобы втянуть как можно больше людей в активное противодействие правительству Народного единства, вынудить даже его сторонников разочароваться в нем. Настроение народа могло бы

сыграть огромную роль в том, в какую сторону изменится соотношение сил. Было бы опасно позволить Народному единству привлечь на свою сторону еще большее число людей; это увеличило бы не только его политическую силу, но и военный потенциал. Дело не только в способности народа к борьбе; но его настроения и действия, особенно в кризисный момент, могли бы иметь важнейшее значение для успеха усилий Народного единства по привлечению на свою сторону или нейтрализации солдат и офицеров вооруженных сил. И наоборот, если бы оппозиции удалось обеспечить себе достаточную поддержку населения, то она получила бы возможность избавиться от правительства Альенде законным путем. Но даже если этого и не удалось бы добиться, то сильное противодействие со стороны значительного большинства народа сыграло бы важную роль в привлечении на сторону оппозиции колеблющихся и конституционалистов в вооруженных силах и в моральном оправдании переворота.

Чтобы вызвать в народе недовольство правительством Народного единства, надо было создать в Чили экономический и политический хаос. Программа экономической войны, которую Броу из ЦРУ предложил в 1970 году, предусматривала лишь меры, которые могли бы дать быстрый результат. Теперь требовалось организовать более широкое наступление, которое могло бы затронуть основы экономики страны. Чилийская экономика была особенно чувствительна к внутренней инфляции и дефициту платежного баланса. Оппозиция в конгрессе будет стараться прибегать к организации экономического саботажа внутри страны. Правительство США займется проблемой платежного дефицита: оно использует свое влияние, чтобы воспрепятствовать получению Чили кредитов от банков и экспортеров США и международных кредитных учреждений.

Внесло свой вклад в создание экономического хаоса и ЦРУ. Оно будет проникать в профсоюзы, в профессиональные и деловые ассоциации и толкать их на такие действия, как забастовки и локауты, направленные против правительства Народного единства. Оно сконцентрирует свои усилия на важнейших отраслях, например медной промышленности и транспорте, где прекращение работы неблагоприятно отразится на платежном балансе или приведет к парализации всей экономики.

У ЦРУ были и другие задачи. В борьбе против правительства оно прибегло к такому методу, как создание атмосферы насилия и анархии. Лидеры чилийской оппозиции, привыкшие к парламентским методам борьбы в конгрессе, практически не

имели опыта в подобных делах. Но у ЦРУ опыт был большой. Для организации уличных беспорядков и террористических актов оно использовало методы, которые отработало уже во многих странах.

Правительство США, конечно, будет также поддерживать контакты с соответствующими офицерами в чилийских вооруженных силах. Посол Корри в своих показаниях в конгрессе США в середине 1971 года говорил: «Наши отношения... с чилийскими военными нормальные и дружественные и не изменились с приходом этого правительства к власти...»¹⁴

ЧИЛИЙСКИЕ ТОРГОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В США

В тот вечер в апреле 1971 года, когда Хавиер Уррутия назначил меня своим советником, мы сидели в его квартире на Манхэттене. Накануне, рассказал он мне, в квартиру проникли, взломав замок. Вернувшись с работы, он обнаружил, что замок забит жевательной резинкой. Когда управляющему домом удалось открыть дверь и Хавиер проверил свои вещи, оказалось, пропал только его пистолет. Документы он держал при себе. «Могло бы быть значительно хуже,— сказал Хавиер.— Но что ЦРУ намерено делать с моим пистолетом?»

Хавиер объяснил мне, чем он занимается и каковы его обязанности. Он был представителем чилийской «Корпорации промышленного развития» (КОРФО) в США и президентом «Чилийской торговой корпорации» — американской компании, владельцем которой была КОРФО, занимавшейся закупкой оборудования и материально-техническим снабжением. Он также координировал деятельность всех чилийских торговых учреждений в США, имея поручение президента Альенде обеспечить их деятельность в интересах правительства Народного единства.

Хавиер спросил, есть ли у меня какие-либо предложения. «Да, есть,— сказал я.— Давайте как можно скорее заручимся услугами хорошей юридической фирмы, на которую такие клиенты, как мы, могли бы положиться. Борьба в США приобретает в определенной мере форму использования юридических санкций, и нам будет необходима такая фирма. Важно также, чтобы все чилийские учреждения в Нью-Йорке поручили этой фирме ведение своих юридических дел независимо от того, кто был их юридическим представителем прежде; в этом случае мы сможем быть уверены, что все дела будут вестись с пониманием проблем революционного правительства».

Хавиер согласился с этим и спросил у меня, знаю ли я подобную хорошую фирму. И я назвал фирму «Рабинович, Будин энд Стандарт», которая представляла кубинское пра-

вительство с первых дней кубинской революции. Мы организовали встречу Хавиера с руководителями этой фирмы. Через несколько дней он направил в Чили меморандум, в котором разъяснил необходимость заручиться услугами юридической фирмы и рекомендовал фирму «Рабинович, Будин энд Стандарт». Некоторые чилийские официальные лица хотели нанять юридическую фирму Сола Линовича, бывшего представителя США в Организации американских государств, утверждая, что для переговоров с американскими компаниями и правительством США было бы лучше иметь фирму со связями в госдепартаменте. Эти аргументы были отвергнуты, в результате была нанята фирма «Рабинович, Будин энд Стандарт».

Первый меморандум, который Хавиер попросил меня подготовить, касался стратегии правительства США в отношении чилийской революции. Вот как он начинался: «Нам ни в коей мере не следует полагать, видя здесь внешне спокойную обстановку, что США примирились с тем, что происходит в Чили, и ничего не предпринимают. Само внешнее спокойствие правительства США является частью его нынешней стратегии. В его представлении шумиха не только не будет иметь смысла, но и может вызвать противоположный эффект. Позиции США в Латинской Америке все еще очень сильны, но прошли времена, когда они могли добиваться свержения какого-либо правительства одними словесными выступлениями против него. Агрессивные заявления США в адрес Чили в настоящий момент могли бы лишь увеличить число сторонников Народного правительства в Чили и в остальной Латинской Америке».

Хавиер говорил со мной о проблеме безопасности. Он и два других чилийца, представлявшие КОРФО, руководили работой «Чилийской торговой корпорации». Еще три чилийца, представлявшие «Национальную электрическую компанию» и «Национальную нефтяную компанию», помогали организовывать закупки для своих компаний. Но 60 человек — персонал «Чилийской торговой корпорации» (закупщики, специалисты по транспорту, служащие, секретари) — были наняты в США. По закону они должны были быть либо гражданами США, либо иностранцами с визами на жительство в США. Могли ли мы быть уверены, что некоторое из них не агенты ЦРУ или что ЦРУ не постарается подsunуть агента среди тех, кого нанимали на работу?

Особое беспокойство у Хавиера вызывали секретари и возможность того, что копии наших документов окажутся в руках правительства США. Я предложил вызвать из Чили

двух-трех надежных секретарей, говорящих по-английски, но Хавиер сказал, что в силу юридических и административных правил у нас нет возможности это сделать. Секретарь, вероятно, не сможет получить американскую визу на жительство, а чилийские установления ограничивают номенклатуру и количество лиц, имеющих право быть направленными сюда, подобно ему, с дипломатическим статусом в качестве работника КОРФО.

Я пообещал попытаться найти надежного американского секретаря, говорящего по-испански. Тем временем мы договорились проявлять как можно больше осторожности в отношении наших документов и разговоров. Многие меморандумы я писал от руки. В конце концов мы подобрали надежного секретаря. И все же мы не могли быть уверены, что в наших кабинетах нет аппаратов подслушивания, поэтому, когда нам с Хавиером необходимо было обсудить что-то особенно конфиденциальное, мы выходили на улицу.

Проблема подбора сотрудников «Чилийской торговой корпорации» в целом была нелегкой. Мы не имели возможности провести такую проверку персонала, которая позволила бы выяснить, не является ли данный человек агентом, тем более проверку более чем 60 человек. А «Чилийская торговая корпорация» нуждалась в людях независимо от того, могли мы им доверять или нет, ведь она ежегодно импортировала более чем на 60 миллионов долларов оборудования, запасных частей и других товаров для многих отраслей чилийской промышленности, и важно было, чтобы этот поток не иссякал. Мы решили, что самое лучшее поручить кому-то негласно изучить личные дела персонала и анкеты желающих поступить на работу, чтобы выяснить, нет ли среди них явно подозрительных лиц. С остальными нам оставалось просто вести себя осторожнее.

Хавиер сказал мне, что двое чилийцев из «Национальной электрической компании» резко настроены против правительства Народного единства. Мне не пришлось долго ждать, чтобы убедиться, насколько глубока их неприязнь. Один из них — иногда после работы мы шли вместе к метро — буквально наливался кровью, когда речь заходила о Народном единстве. Неоднократно Хавиер рекомендовал своему начальству в Чили заменить этих двух людей, аргументируя тем, что в учреждении, находящемся в США, не следует держать ненадежных людей. Но эта просьба осталась без ответа.

Как-то Хавиер дал мне поручение. «Я хочу, чтобы через вас,— сказал он,— поддерживалась связь между здешними

представителями КОДЕЛКО и мною. (Представители, направленные КОДЕЛКО в Нью-Йорк для организации снабжения рудников после их национализации, только что прибыли.) Встретьтесь с Хосе, руководителем группы КОДЕЛКО. Окажите ему всемерную помощь. Определите, как им лучше организовать свою работу в Нью-Йорке, а также вести ли им закупки через «Чилийскую торговую корпорацию» или создать свою собственную закупочную контору».

При встрече Хосе высказал мне свою озабоченность тем, не станут ли Хавиер и другие представители ЧТК настаивать, чтобы все закупки КОДЕЛКО в Нью-Йорке осуществлялись через «Чилийскую торговую корпорацию», а не через их собственную контору. «Вы знаете,— сказал Хосе,— какое важное значение имеет для Чили медь. Мое начальство в Сантьяго и я считаем, что мы не можем себе позволить зависеть от кого-либо в области снабжения. Мы должны обеспечивать себя сами. Представителям ЧТК необходимо, кроме того, понять, что снабжение медных рудников не то же самое, что снабжение предприятий по производству электричества и нефтяной промышленности. Наша отрасль значительно более крупная, и наши потребности в снабжении куда шире».

После размышлений я пришел к выводу, что было бы нецелесообразно полагаться лишь на «Чилийскую торговую корпорацию» в деле снабжения медных рудников. «Чилийская торговая корпорация» была насквозь пропитана рутиной; она производила различные закупки для КОРФО и ее филиалов в течение 30 лет с поразительной медлительностью. Ее закупочные агенты знали, как разместить заказ, а ее транспортные специалисты — как вести обычные дела с перевозчиками. Но в «Чилийской торговой корпорации» не было людей, обладавших достаточной изобретательностью и энергией, которые могли бы взять на себя ответственность за решение массы новых и трудных проблем. Ей было бы не по силам иметь дело с незнакомым оборудованием для медных рудников и новыми поставщиками. А когда США попытаются сократить поставки товаров в Чили, у «Чилийской торговой корпорации» будет достаточно проблем и с обеспечением своих обычных закупок.

Поэтому я сказал Хосе, что, если он согласен, я буду рекомендовать Хавиеру, чтобы КОДЕЛКО создала в Нью-Йорке свою собственную закупочную организацию. «Чилийская торговая корпорация» окажет ей всемерную помощь, например в найме помещений и персонала. А пока КОДЕЛКО следует немедленно разместить некоторые заказы, скажем на

сумму в пять миллионов долларов, через «Чилийскую торговую корпорацию», что позволит начать закупки до того, как КОДЕЛКО сможет делать это сама. Тем временем КОДЕЛКО создаст свою собственную организацию и будет действовать по своему усмотрению; местный персонал, который она захочет нанять, должен быть представлен в целях безопасности на утверждение Хавиеру; она будет пользоваться услугами той же юридической фирмы, что и другие чилийские учреждения в Нью-Йорке, а все политические вопросы и вопросы отношений с американской общественностью, например созыв пресс-конференций, следует представлять на решение Хавиеру. Хосе согласился со мной. Когда я изложил свои соображения Хавиеру, он с ними согласился.

Хосе передал «Чилийской торговой корпорации» заказы на несколько миллионов долларов и одновременно начал создавать закупочную организацию КОДЕЛКО. С моей помощью он получил во временное распоряжение от «Чилийской торговой корпорации» несколько человек, телефоны, арендовал помещения в том же здании и приступил к заключению контрактов с американскими компаниями от имени КОДЕЛКО.

Кроме Хосе я встретился с другими членами группы КОДЕЛКО в Нью-Йорке. Сложности возникли с тремя самыми высокопоставленными лицами после Хосе. Прежде двое из них работали в Чили в «Анаконде», а третий — в «Серро», и они не скрывали своей лояльности к этим компаниям. «Мы, люди «Анаконды», — часто говорил один из них, — только мы, люди «Анаконды», можем знать потребности наших рудников в импортных поставках. Самый лучший способ обеспечить снабжение рудников — предоставить это дело профессионалам, которые разбираются в нем».

«Профессионализм» этих трех деятелей раскрылся до конца. Во время национализации в июле «Анаконда» предложила за соответствующую мзду использовать ее закупочную организацию для снабжения своих бывших рудников до конца года, а «Серро» — создать организацию для снабжения рудников без ограничения срока. Эти три лица, которые часто посещали конторы «Анаконды» и «Серро» в Нью-Йорке, рекомендовали, не откладывая, заключить с ними соглашения, воспользовавшись этими предложениями.

Мы с Хосе обсудили предложения компаний с Хавиером и пришли к мнению, что поставить снабжение КОДЕЛКО в зависимость от американских компаний было бы, по словам Хавиера, «идиотизмом, подобным засовыванию головы в пасть хищного зверя». Мы также решили, что следует при-

нять предложение «Анаконды» продолжать закупки для своих бывших рудников, пока у нас нет другой альтернативы, а тем временем как можно скорее создать свою собственную закупочную организацию. Кроме того, Хосе должен предложить руководству КОДЕЛКО в Сантьяго заменить трех бывших служащих американских медных компаний надежными людьми.

Мы никогда не упускали из виду угрозу принятия со стороны США мер с целью срыва снабжения рудников. Чтобы избежать этой опасности, можно было делать закупки через независимую торговую компанию. Мы с Хосе начали изучать возможность заключения такого контракта; с этой целью мы несколько раз встречались с представителями пяти таких компаний.

С одной из них мы легко договорились. Это была небольшая компания, которая предложила нам за скромную плату разместить у нее небольшие заказы, чтобы дать нам возможность убедиться в ее дееспособности и надежности; если нас удовлетворит ее работа, она увеличит свой персонал и возьмет больше заказов. Мы считали, что терять особенно нечего, и Хосе передал этой компании заказы на один миллион долларов.

Но с более крупными компаниями дело обстояло сложнее. Они брали только большие заказы, а это значило, что снабжение КОДЕЛКО в значительной степени будет зависеть от какой-то одной компании. Сравнивая компании, мы придавали больше значения тому, как они, по нашему мнению, смогут справиться с работой, чем сумме комиссионных, которую они запрашивали. Главным критерием были деловые качества компании. Если КОДЕЛКО даст компании заказ на десятки миллионов долларов, ей придется в течение очень короткого времени нанять, организовать работу и обучить многочисленный дополнительный персонал. Чтобы оценить способности компании сделать это, мы задавали такие вопросы: кто будет руководить работой, связанной с заказами КОДЕЛКО? как компания предполагает организовать свою работу? сколько людей она намерена нанять дополнительно? где она их будет размещать? какую статистическую и финансовую отчетность она будет вести и какого рода отчеты будет представлять?

Мы также пытались добиться от компаний согласия на условия, которые обеспечили бы защиту наших интересов от враждебных юридических действий американских компаний. Наши юристы предупреждали нас, что если «Анаконда», «Кеннекотт» или какая-либо другая компания, чья собствен-

ность будет экспроприирована в Чили, подаст иск против этого в американский суд, то на активы чилийских учреждений в Нью-Йорке, в том числе и на товары, закупленные ими для ввоза в Чили, может быть наложен арест. Закупки через какую-либо торговую компанию сами по себе не давали гарантии против этих санкций; если эта торговая компания будет рассматриваться как агент Чили, то на товары чилийского импорта, находящиеся в ее распоряжении, может быть наложен арест. Хотя и не было полной гарантии против таких действий, но определенные меры можно было принять, чтобы затруднить осуществление этих юридических санкций. Торговая компания должна быть независима и закупать товары за свой собственный счет для дальнейшей продажи Чили. Чили не может считать эти товары своими или платить за них, пока они не доставлены в один из ее портов или, по крайней мере, пока они не вышли за пределы юрисдикции США.

Выяснилось, что договориться о таких условиях невозможно не потому, что компании в принципе возражали против этого, а из-за финансовых проблем, возникавших в связи с этим. Компаниям, чтобы закупать товары за свой собственный счет и получать оплату за них лишь позднее, пришлось бы выделить для этого значительные суммы. Они либо не могли, либо не хотели идти на это. Чили могла бы предоставить деньги, но нам не удалось найти для этого пути, который позволил бы этим компаниям не считаться агентами Чили.

После нескольких недель переговоров мы отклонили предложения всех сравнительно крупных компаний, кроме одной — американского филиала западногерманской компании, имевшей деловые связи по всей Европе. Мы считали, что европейские связи могут оказаться полезными. Вместе с одним из наших юристов мы начали переговоры о заключении контракта с этой компанией. Контракт нужно было согласовать с Сантьяго, и Хосе потратил много времени на телефонные разговоры с Чили в связи с этим. В конечном итоге ему сообщили, что условия контракта одобрены и он может информировать представителя компании, что получит полномочия для его подписания через несколько дней.

Пока мы ждали окончательного подтверждения, из Сантьяго прибыл руководящий работник КОДЕЛКО, по положению стоявший выше Хосе. Это новое лицо — Уго — попросил нас проинформировать его о контракте. Мы имели с ним несколько встреч. Почти сразу же Уго поставил под вопрос саму идею заключения контракта с западногерманской компанией. «Почему,— спрашивал он,— мы должны зависеть от

компании, не имеющей опыта в области добычи меди, когда мы можем сделать закупки для нас через самых лучших технических экспертов в мире — специалистов из «Анаконды» и «Серро»? Он сам взялся за переговоры о заключении контракта с какой-нибудь компанией. Мы с Хосе узнали об этом позже. Уго с помощью трех представителей КОДЕЛКО, которые прежде работали в американских медных компаниях, начал переговоры о заключении контракта с «Серро».

Хавьер находился в командировках в тот период, когда Уго возглавил отделение КОДЕЛКО в Нью-Йорке. Как только он вернулся, я проинформировал его о происходящем. Мы встретились с Уго. Хавьер убеждал его, насколько неразумно предоставлять американской медной компании — даже «Серро», с которой у Чили отношения были лучше, чем с «Анакондой» и «Кеннекотт», — контроль над снабжением медных рудников Чили. Но Уго упорствовал. Он сообщил нам о других своих планах. Ему нравилось жить в США, и он собирался просить КОДЕЛКО разрешить ему здесь остаться в качестве постоянного главы ее отделения в Нью-Йорке. Но ему не нравился Нью-Йорк, поэтому он намеревался перевести это отделение в горнодобывающий район вроде Аризоны.

После этой встречи Хавьер пришел к убеждению, что Уго следует отправить обратно в Сантьяго. Этот вопрос обсуждался с руководством КОДЕЛКО в Сантьяго, и вскоре Уго был отозван.

Однако КОДЕЛКО все же не подписала контракта с западногерманской компанией. Новое отделение, открытое в Лондоне, взяло на себя, помимо других задач, и закупку оборудования для рудников. В Сантьяго решили отказаться от попыток осуществить закупки в США через независимую торговую компанию, а создать закупочную контору КОДЕЛКО в Канаде.

В ноябре 1971 года руководитель лондонского отделения КОДЕЛКО прибыл в Нью-Йорк, чтобы принять меры по защите активов КОДЕЛКО в США от судебных санкций американских медных компаний. Применение таких санкций могло начаться с наступлением нового года, когда в соответствии с обязательствами наступал срок первого платежа КОДЕЛКО компании «Кеннекотт». Президент Альенде, действуя в соответствии с законом о национализации медной промышленности, рассматривал вопрос об отсрочке платежа. Если бы он принял такое решение, «Кеннекотт» могла бы подать иск в суд.

Карлос, глава лондонского отделения, вместе с несколькими представителями КОДЕЛКО встретился с нашими юристами. Карлос, сам юрист, задал им ряд хорошо продуманных вопросов с целью выяснить реальную опасность, нависшую над активами КОДЕЛКО, и как их можно было бы защитить. Юристы объяснили, что на все активы КОДЕЛКО, находящиеся в пределах юрисдикции американского суда, может быть наложен арест — на банковские счета, на трансферные операции в банке, такие, как чеки, используемые КОДЕЛКО для какой-либо оплаты; на товары, направляемые в Чили и считающиеся уже собственностью КОДЕЛКО или которые находятся в сфере ее «коммерческих интересов», например, такие, за которые она частично уплатила; на документы, связанные с перевозкой товаров. Если бы кому-то удалось наложить арест на такие документы, он приобретал бы контроль над товарами, к которым они относятся, даже если сами товары находятся вне пределов юрисдикции американского суда. Самый лучший способ защиты от ареста — держать активы вне пределов юрисдикции суда, в который медные компании, как предполагалось, по всей вероятности, подадут иск.

Нью-Йоркское отделение КОДЕЛКО под руководством Карлоса сразу же приступило к принятию защитных мер. Оно перевело большинство своих фондов, находившихся на банковских счетах, за пределы США. Оно изменило маршрут перевозок товаров, чтобы исключить Нью-Йорк, где медные компании, по всей вероятности, намеревались предъявить иск, начало разрабатывать безопасные методы производства платежей.

Хавиеру было рекомендовано принять такие же меры в отношении «Корпорации промышленного развития» и «Чилийской торговой корпорации». Но если Карлос и нью-Йоркское отделение КОДЕЛКО имели полномочия от своего руководства в Чили для перевода фондов и принятия других защитных мер, КОРФО и ЧТК не имели таких указаний. Хавиер запросил на это разрешение в Сантьяго и рекомендовал дать указание Центральному банку перевести из США его собственные банковские счета и активы всех чилийских учреждений. Мы ждали, но разрешения не поступало. Однако оставлять счета там, где они находились, было нельзя — можно было потерять миллионы долларов. Поэтому за три дня до конца года мы спешно перевели фонды КОРФО — ЧТК за пределы США. Руководителям других чилийских учреждений в Нью-Йорке были даны указания поступить подобным же образом.

30 декабря 1971 года президент Альянде издал указ, отсрочивавший платеж по обязательству перед «Кеннекотт» на три месяца, по истечении которых будет принято окончательное решение. Первый судебный иск и арест чилийской собственности последовал только 4 февраля 1972 года; обязательство, срок которого истекал 31 декабря, разрешало отсрочку платежа на 30 дней. «Кеннекотт» наложила арест на нью-йоркские активы не только КОДЕЛКО и «Эль-Теньенте майнинг компани», но также и КОРФО, ЧТК, «Пасифик стил компани» (ПСК), «Национальной авиакомпани» (ЛАН) и Центрального банка. Несмотря на перевод основных фондов из США, «Кеннекотт» удалось захватить более пяти миллионов долларов, находившихся на чилийских счетах в нью-йоркских банках. Руководитель одного чилийского учреждения в Нью-Йорке не выполнил указания о переводе средств, а Центральный банк держал значительную сумму на счете, которым никто в Нью-Йорке не получил права распорядиться.

Руководители чилийских учреждений в Нью-Йорке обменивались на деловых заседаниях мнениями по поводу того, следует ли Чили платить по обязательству перед «Кеннекотт», чтобы добиться снятия ареста. У руководителя ПСК не было сомнений на этот счет. «Мы должны заплатить,— заявил он.— Наше представительство парализовано судебным арестом; я сообщил об этом своему руководству в Сантьяго». Другие считали, что платить бессмысленно: эта мера не умиротворит «Кеннекотт», которая просто заглатывает 5,8 миллиона долларов — сумму первого платежа, а через некоторое время вновь перейдет в атаку. Примерно за день до начала слушания в суде дела об аресте в Сантьяго было объявлено, что Чили намерена платить по обязательствам.

«Анаконда» направила наблюдателя на судебное заседание по иску, предъявленному «Кеннекотт»; она имела такие же обязательства, выплата по которым была также отсрочена. 29 февраля «Анаконда» предъявила свой иск, наложив арест на нью-йоркские активы КОДЕЛКО и КОРФО. После оплаты обязательства перед «Кеннекотт» наложенный этой компанией арест был снят, но арест, наложенный «Анакондой», сохранялся.

Ряд чилийских служащих как в Нью-Йорке, так и в Сантьяго поднимали вопрос о том, следует ли чилийским учреждениям в Нью-Йорке продолжать свою деятельность. Хавьер попросил меня подготовить меморандум по этому вопросу, чтобы направить его от своего имени в Чили. В основу меморандума был положен широкий анализ американо-чилийских отношений. Хавьер руководил с чилийской сторо-

ны переговорами с американскими банкирами и участвовал в парижских переговорах по вопросу об отсрочке выплат чилийского долга зарубежным кредиторам. Он предоставил мне информацию по этим вопросам.

Ниже приводятся выдержки из этого меморандума:

«ОБЩАЯ ОБСТАНОВКА

С тех пор как мы заняли свой пост в марте прошлого года, нам стало ясно, что ключом к пониманию сложившейся здесь обстановки является глубокий конфликт, вызванный столкновением интересов империализма США и чилийской революции. Мы понимали, что чилийская революция не может значительно и серьезно не ущемить интересов американских монополий, что американское противодействие будет неизбежным и мы должны подготовиться к этому.

Мы действовали, исходя из этого вывода, но с осторожностью, чтобы не вызвать раздражения. Одним из наших первых шагов была рекомендация заручиться услугами политически надежной, компетентной фирмы американских юристов. Другая рекомендация — как можно скорее ликвидировать зависимость КОДЕЛКО от «Анаконды» в деле закупки оборудования для ее бывших рудников и не привлекать для этого «Серро». Было рекомендовано также, чтобы нью-йоркское отделение КОДЕЛКО отказалось от услуг бывших служащих «Анаконды», «Кеннекотт» и «Серро» и политически ненадежного персонала.

С самого начала события подтверждали наш вывод. Мы постоянно вели переговоры с банкирами. Они были любезны, внешне дружелюбны, говорили о возможных будущих деловых сделках, способах кредитования и т. д. Но с тех пор как мы находимся здесь, никаких займов, никаких кредитов, ничего не предвидится. Из бесед с ними стало ясно, что каждый банкир знает, что делают другие, что они действуют согласованно и получают указания из Вашингтона. Их линия направлена на то, чтобы заманить нас соблазнами, внушить нам, что в будущем мы сможем нормально сотрудничать, предотвратить наш разрыв с ними и обвинения в агрессивности политики США в отношении Чили. Они стараются уйти от прямого негативного ответа и объяснить отказ в предоставлении нам кредитов техническими причинами. Но если им нужно сказать «нет», они так и говорят. Когда мы обратились в Экспортно-импортный банк с просьбой предоставить заем для покупки трех самолетов «Боинг», эта просьба была отвергнута по указанию министра финансов Коннэлли. Этот же

министр финансов открыто инструктирует представителей США в международных организациях, таких, как Международный банк реконструкции и развития и Межамериканский банк развития, голосовать против предоставления любых кредитов Чили и использовать свое влияние на представителей других стран — членов этих организаций, чтобы они заняли такую же позицию...

Мы подходим к переговорам об отсрочке выплат нашего зарубежного долга также с точки зрения возникшего конфликта. Некоторые люди считали эти переговоры сугубо техническим делом. Чили, мол, представит сведения о своем платежном балансе, свидетельствующие о том, что она не может позволить себе в течение нескольких ближайших лет производить выплаты по долгу обычным способом, и все сядут за стол и придут к дружественному соглашению в интересах обеих сторон. Но одно дело, когда полуколония США ведет переговоры относительно своих долгов, и совсем другое, когда это делает страна, где, подобно Чили, осуществляется революция. Эта проблема вовсе не является прежде всего технической. Ее решение определяется соотношением сил: что мы можем использовать с нашей стороны, чтобы навязать наши условия, и как они со своей стороны могут использовать переговоры о долгах для содействия осуществлению своих экономических и политических целей в отношении Чили...

Пока первоначальный оптимизм многих людей в отношении переговоров о долгах не оправдался... США не спешат с решением этой проблемы, а предпочитают затягивать ее, полагая, что время работает на них и против Чили. Мы не можем исключить возможность, что США намерены помешать нам добиться успеха на переговорах о долгах... что они намерены толкнуть нас на срыв переговоров и использовать их, чтобы вбить клин между нами и нашими европейскими и японскими кредиторами.

НЫНЕШНЯЯ ОБСТАНОВКА

С тех пор как были наложены первые аресты, чилийские операции в Нью-Йорке оказались парализованы. КОДЕЛКО, КОРФО, ПСК и другие чилийские учреждения не могут пользоваться счетами в американских банках и вынуждены платить поставщикам через посредство европейских банков; выплаты задерживаются, и возникает путаница. Мы не имеем возможности транспортировать товары через Нью-Йорк и

не можем без риска ареста перевозить их вообще где-либо по территории США.

В такой ситуации правительство США, по существу, пользуется почти всеми преимуществами, которые оно получило бы в случае установления прямого правительственного эмбарго в отношении Чили, без каких-либо отрицательных последствий, связанных с этим. Все выглядит так, словно эти действия предприняты частными компаниями для защиты своих интересов. Правительство США не фигурирует на сцене...

Но тот факт, что правительство США в основном держится за кулисами, не значит, что оно бездействует. Иллюстрацией этого может служить пример кризиса в отношениях между Кубой и США в 1960 году. Этот кризис возник в результате отказа трех гигантских нефтяных монополий — «Стандард», «Тексако» и «Шелл» (две — американские, одна — англо-голландская) принять сырую нефть из Советского Союза для переработки на своих нефтеперегонных заводах, расположенных на Кубе. В то время они старались создать впечатление, что это их собственное решение, принятое каждой компанией самостоятельно. А вот что рассказывает тогдашний посол США на Кубе Филип Бонсал в своей книге о Кубе. Все три компании первоначально намеревались дать согласие на переработку советской сырой нефти. Тогда представители «Стандард» и «Тексако» были вызваны к министру финансов США Роберту Андерсону, который заявил им, что правительство США против этого, представитель США в Лондоне заявил то же самое «Шелл». Компании направили сепаратные письма с отказом, говорит Бонсал, лишь для того, чтобы создать видимость самостоятельности принятого ими решения. В действительности же эти действия были составной частью плана правительства США сначала удушить Кубу экономически, а затем свергнуть революционное правительство.

Все действия США в отношении Чили, будь то действия правительства, частных компаний и судов, имеют одну цель. Они направлены против Чили. Чили не получает никаких выгод — одни удары. Правительство США проводит политику минимальных словесных угроз. Оно понимает, что излишний шум и демонстрация откровенной враждебности могли бы быть использованы для мобилизации народа Чили, а также активизации оппозиции в США и Латинской Америке. Но, несмотря на это, оно осуществляет в США и Чили координацию действий, направленных на удушение революции.

ПЕРСПЕКТИВЫ НА БУДУЩЕЕ

Рассматривая перспективы на будущее, важно, чтобы юридические соображения или уже предъявленные «Брейден коппер» и «Анакондой» судебные иски не заслоняли от нас ту роль, которую играет правительство США, и те цели, которые оно преследует.

Если считать, что правительство США является закулисным координатором всех действий против Чили и его основная цель — удушение революции, то тогда его шаги, принятые до сих пор, являются лишь началом. Что может помешать правительству США посоветовать «Анаконде» предъявить иски в других штатах или других странах в соответствии с планом нанесения максимального ущерба Чили? Что может помешать правительству США порекомендовать другим кредиторам Чили, например «Саут америкэн пауэр компани», предъявить иск? Что может помешать им обрушить свои удары на «Чилиен нитрит», которую до сих пор не трогали?

Таким образом, при анализе чилийско-американских отношений оказались правы не те, кто рассчитывал на примирение и компромисс, а те, кто ясно видел непримиримость возникшего конфликта. Возможно, наши адвокаты смогут добиться снятия арестов путем апелляции или каким-либо иным юридическим способом, но, по их мнению, нет уверенности, что им это вообще удастся и сколько времени для этого потребуется. Наши адвокаты, может быть, и смогут выиграть наше основное дело, но опять же уверенности в этом нет. Для наших учреждений было бы неблагоприятно рассчитывать на то, что они смогут и дальше вести дела здесь так же, как и раньше. Истина состоит в том, что США ведут экономическую и политическую войну против Чили и ищут любые возможности, чтобы нанести ей ущерб.

НЕОБХОДИМЫЕ МЕРЫ

Несмотря на этот вывод, нам не следует немедленно, поспешно свертывать деятельность всех наших учреждений в США. Во-первых, это стало бы важной победой «Анаконды», «Кеннекотт» и империализма США, которой они добились бы без борьбы и особых затрат. Во-вторых, потребуется время для создания альтернативных организаций и налаживания их работы; если мы прекратим деятельность нынешних учреждений до того, как новые организации начнут нормально функционировать, то угроза определенного перерыва в поста-

вке товаров в Чили возрастет. И в-третьих, по политическим соображениям важно показать, что мы не инициаторы разрыва торговых отношений с США, а жертвы политики США, направленной на подрыв этих отношений.

Поэтому нам следует действовать в двух направлениях:

1) Упорно бороться в судах за возможность продолжать свою деятельность в США и использовать наши учреждения для закупок здесь до тех пор, пока у нас не появится иная альтернатива или пока сохранятся возможности для этого. Отступить только тогда, когда не будет иного выхода. Постараться вынудить правительство США открыто признать, что оно ведет экономическую войну против Чили.

2) Создать альтернативные возможности как можно скорее.

Юридическую борьбу должны, несомненно, продолжать вести наши американские адвокаты. Но есть один существенный политический вопрос, в связи с которым хочу высказать свое предложение. При вынесении судебного постановления об арестах по иску «Анаконды» судья Мещнер выразил сомнение по поводу утверждений нашей стороны, что эти аресты нанесут ущерб торговым отношениям между нашими двумя странами, поскольку госдепартамент не довел до его сведения, что дело обстоит таким образом. Исходя из этого, наши адвокаты считают, что можно обратиться к госдепартаменту с просьбой заявить суду о суверенном иммунитете* в данном деле.

Я рекомендую попросить госдепартамент высказаться по этим вопросам. Он может заявить: да, аресты нанесут ущерб торговым отношениям и да, нам следует предоставить суверенный иммунитет по этим делам. Или он может заявить: нет или просто отказаться высказаться, что, по мнению наших адвокатов, будет равнозначно отрицательному ответу. Я сомневаюсь, что госдепартамент даст положительный ответ. Но

* Доктрина суверенного иммунитета, как ее понимаю я, непрофессиональный знаток права, означает, что суверен какого-либо государства (например, правительство Чили) пользуется иммунитетом от судебных разбирательств другим государством. Право госдепартамента применять или не применять эту доктрину вытекает из следующего решения Верховного суда по делу, связанному с иммунитетом: «Руководящий принцип при определении того, должен ли суд осуществлять свою юрисдикцию или отказаться от нее в таких делах, заключается в том, что судам не следует действовать так, чтобы создать затруднения исполнительной власти в проведении внешней политики... Поэтому судам не следует отказывать в иммунитете, который наше правительство сочтет целесообразным предоставить, или предоставлять иммунитет на тех новых основаниях, которые правительство не считает целесообразным признавать». (Этого примечания не было в тексте меморандума.— Э. Б.)

если будет дан такой ответ, мы, по мнению наших адвокатов, выиграем судебные дела. Если же госдепартамент даст отрицательный ответ, то тем самым мы вынудим США хоть немного приоткрыть завесу над своей истинной политикой, чего они хотели бы избежать, а также получим возможность использовать эту позицию в наших политических интересах в Чили.

Пока идет борьба в судах, у нас все еще есть возможность осуществлять значительную часть сделок через наши учреждения в США. Не исключено, что нам предъявят иски и требования на арест в других штатах США и, возможно, в других странах. Но в настоящий момент нам предъявлены иски и требования на арест только в южном округе Нью-Йорка. Поэтому наше отделение в Нью-Йорке имеет возможность предпринять следующее: 1) разместить заказы в Европе, используя для оплаты наши счета в Европе и 2) разместить заказы в США вне Нью-Йорка, наняв перевозчиков вне Нью-Йорка, чтобы избежать ареста на документы на перевозку и сделать так, чтобы товары отгружались через другие порты — Филадельфию, Нью-Орлеан, Хьюстон и Сен-Джон (Канада), — производя оплату со счетов, находящихся вне пределов США. Нам следует стремиться делать закупки по принципу СИФ*, производя оплаты со счетов, находящихся за пределами США, с тем чтобы не иметь «коммерческого интереса» к товарам, пока они находятся в США. Это снижает опасность ареста, хотя не дает возможности действовать с максимальной эффективностью. Риск ареста, даже при всех предосторожностях, сохраняется. Но такой метод позволит нам закупить значительное количество товаров за то время, пока у нас нет другой альтернативы. Я решительно настаиваю на продолжении использования той возможности, которая есть...

Совершенно ясно, что нам нужно как можно скорее создать альтернативные возможности. И хотя делать это нужно срочно, мы не должны поступать опрометчиво и поддаваться панике. Вполне естественно, что в наших учреждениях здесь и в Сантьяго царит большое возбуждение. Но если каждое учреждение здесь и в Сантьяго начнет действовать по своему усмотрению, без ясного плана, то может возникнуть ряд опасностей — опасность того, что мы попадем в руки слу-

* Принцип СИФ является одним из обычных положений заключаемых контрактов, по которым производится закупка товаров. Продавец помимо предоставления товаров оплачивает страховку и перевозку, стоимость которых включается в цену товара. Наши адвокаты информировали нас, что при таком условии опасность ареста меньше, чем при контрактах, по которым продавец оплачивает доставку и страховку либо от места производства (принцип ФОБ), либо от порта отгрузки (принцип ФАС). (Этого примечания не было в самом меморандуме. — Э. Б.)

чайных компаний, которые пообещают нам Луну, затребуют очень высокую плату за свои услуги и все же не смогут обеспечить нам своевременные поставки необходимых товаров; опасность того, что даже при закупках через третьих лиц в юридических аспектах сделок не удастся предусмотреть абсолютно все гарантии и над нами по-прежнему будет висеть угроза наложения ареста. Важно, чтобы альтернативные возможности, которые мы создадим, были хорошо продуманы с организационной, финансовой и юридической точек зрения. Настоятельно необходимо делать это быстро, но при этом было бы неверно мыслить сиюминутными категориями...»

Нью-Йоркские учреждения не были закрыты. Мы с Хавьером вели переговоры с представителями различных компаний с целью выяснения возможностей надежной организации закупок через них. Мы столкнулись с той же самой проблемой, что и во время переговоров, которые мы с Хосе вели по поводу организации закупок для КОДЕЛКО,— как финансировать компанию, чтобы она при этом юридически не считалась агентом Чили, на чьи активы в таком случае может быть наложен арест. Использование компании, базировавшейся за рубежом, не решало проблемы. Если она выступала бы как агент Чили, то любые ее товары, деньги или переводные документы, оказавшись в сфере юрисдикции американского суда, в котором Чили предъявлен иск, могут быть подвергнуты аресту. Стало ясно, что создание альтернативных возможностей для закупок американских товаров — дело трудное и требующее времени. В тех случаях, когда Чили могла приобрести необходимые товары в других странах, закупки производились там. Но Чили нуждалась в массе товаров американского производства, и большинство из них нужно было пытаться закупить через ее нью-йоркские учреждения.

В июне 1972 года несколько представителей «Национального предприятия автомобильных запчастей» (ЕНАР) — компании, созданной правительством Народного единства для импорта запчастей для автомобилей,— прибыли в Нью-Йорк с целью экстренных закупок: в Чили ощущалась нехватка запчастей. Хавьер поручил мне помочь им и присутствовать на переговорах с компанией «Форд» и другими поставщиками. Представителям ЕНАР предстояло решить, устраивают ли их цены и качество предлагаемых запчастей; мне же надлежало рассмотреть условия транспортировки и оплаты, с тем чтобы избежать наложения ареста. Хавьер хотел также, чтобы я попросил крупных поставщиков предоставить коммерческий кредит сроком от 60 до 90 дней, который прежде всегда пре-

доставлялся Чили. «Они его не дадут,— сказал Хавьер,— но посмотрим, что они при этом скажут».

Дело с обеспечением поставок запчастей в Чили продвигалось медленно. Несколько мелких посредников в районе Нью-Йорка изъявляли желание заняться им, но представители ЕНАР не были уверены в их надежности; двое или трое запросили исключительно высокие цены, а затем отступились. Выработка условий оплаты через европейские банки или американские банки вне Нью-Йорка, которые устраивали бы посредников, требовала много времени.

Прошло несколько недель, а поставки запчастей не начались. Тогда из Сантьяго поступили указания быстро отправить определенные виды запчастей воздушным путем. Мы организовали отправку нескольких заказов грузовиками в Майами, а оттуда самолетами в Чили. Эти поставки обошлись в немалую сумму.

Вместе с представителями ЕНАР я посетил пять поставщиков запчастей. У каждого из них я просил коммерческого кредита. Все они отказали, обычно ссылаясь на то, что платежный баланс Чили слишком плохо обеспечен, чтобы можно было предоставить такой кредит. Я спросил у финансового представителя одной средней корпорации, откуда он получил информацию о состоянии платежного баланса Чили. «Мы не можем,— сказал он,— изучать своими собственными силами финансовое положение всех стран, с которыми мы ведем дела. Мы просто ориентируемся на госдепартамент».

В компании «Форд» мы вели переговоры в основном с представителями филиала, занимающегося экспортом в Латинскую Америку, которые как будто бы были не прочь получить заказы от ЕНАР. Их задача состояла в организации продажи товаров, и об их работе явно судили по тому, сколько они их продали. Но они не могли самостоятельно принимать принципиальные решения: им все время приходилось испрашивать согласия у работников главного правления корпорации. Мы приходим к договоренности по какому-то вопросу с работниками экспортного филиала, а они позднее сообщают нам, что в главном правлении настаивают на принятии иного решения. Меня весьма заинтриговало одно условие, включенное в проект контракта. В нем говорилось, что все ввозимые в Чили товары корпорации «Форд» должны продаваться там только через сеть посредников «Форда». Я поразился, зачем компании «Форд» проявлять такую озабоченность о сети своих посредников в стране, которая шла к социализму; разве что она надеялась, что это удастся предотвратить. Нас с представителями ЕНАР не допускали, как правило, к прямым контактам с ра-

ботниками главного правления, но мы встретились с некоторыми из них на деловом обеде. Я нашел, что это люди иного типа, чем представители экспортного филиала, у них значительно более широкий кругозор и подход в политических суждениях о Чили; они были ответственны за осуществление общей линии компании «Форд» в Чили и в остальных странах Латинской Америки. Они искусно затягивали переговоры, и, хотя мы дважды ездили в Дирборн и были готовы в целом принять условия компании «Форд», нам не удалось заключить соглашения. Один из ее представителей часто звонил мне после этого, сообщая о прогрессе в разработке того или иного пункта контракта. Но проходили дни и недели, а контракт все еще не был готов. Летом 1972 года я стал готовиться к отъезду на работу в Чили и потерял нить переговоров с «Фордом».

Незадолго до моего отъезда стало известно, что «Кеннекотт» вновь перешла в наступление. 7 сентября 1972 года она заявила, что прекращает участие в дальнейших юридических разбирательствах в Чили и будет «добиваться» в других странах компенсации за конфискованные активы, что «ставит в известность всех лиц, которые заинтересованы в меди с рудника Эль-Теньенте», что она сохраняет права на эту медь и намерена защищать эти права¹. Вскоре после этого президент отдела металлов «Кеннекотт» Чарльз Майклсон разослал письмо покупателям чилийской меди, в котором говорилось: «Нам сообщили, что вы либо уже покупаете или предполагаете купить медь, добытую на руднике Эль-Теньенте, на который мы имеем права собственности. Мы хотим обратить ваше внимание на то, что покупка, приобретение или продажа... упомянутой выше меди без нашего согласия нарушают наши права. Мы предпримем любые необходимые меры для защиты своих прав»². «Уолл-стрит джорнэл», «Нью-Йорк таймс» и другие издания еще больше нагнетали атмосферу, используя угрозу со стороны «Кеннекотт». «Уолл-стрит джорнэл» писала: «Кеннекотт» не уточнила, какие действия она намерена предпринять. Но специалисты полагают, что они могут принять такую форму: иностранный покупатель, приобретающий медь чилийского рудника Эль-Теньенте, может получить счет от «Кеннекотт» с требованием выплатить 49-процентную долю, на которую она претендует. Если счет останется неоплаченным, то «Кеннекотт» сможет начать судебное дело против данного покупателя... Угроза сама по себе может привести в сдвиг клиентов Чили, которые явно предпочли бы избежать судебных битв. Более важно, однако, что, как здесь считают специалисты, «Кеннекотт» может добиться успеха»³.

Через несколько недель после этого «Кеннекотт» удалось добиться в парижском суде постановления о наложении эмбарго на чилийскую медь, доставленную в Гавр. «Уолл-стрит джорнэл» привела слова одного торговца медью, который сказал, что постановление суда оказало «отрезвляющее действие» на всех, кто покупал чилийскую медь. Затем «Кеннекотт» подала иски и в других странах — Нидерландах, ФРГ и Швеции.

Кампания, развернутая «Кеннекотт» в Европе и сопровождавшаяся угрожающими письмами в адрес торговцев медью и газетной шумихой, была не просто юридической акцией. Единственная надежда «Кеннекотт» на «удовлетворительное урегулирование» вопроса о меди с Чили — замена правительства Народного единства иным правительством. Судебные действия, направленные на замораживание чилийских активов в Европе и запугивание потенциальных покупателей чилийской меди, были на руку «Кеннекотт», так как независимо от того, каков окажется в конечном итоге результат судебных разбирательств, они наносили огромный ущерб Чили. Кампания, развернутая «Кеннекотт» в Европе, являлась составной частью экономической войны, которую США вели против Чили.

РУКОВОДСТВО ЭКОНОМИКОЙ С НОЯБРЯ 1970 ГОДА ДО СЕРЕДИНЫ 1972 ГОДА

На начальном этапе краткосрочная хозяйственная политика правительства Народного единства в значительной степени определялась унаследованным состоянием экономики. В течение предшествовавших четырех лет экономика страны переживала застой. Сверх того, действия, предпринятые врагами Народного единства после выборов, вызвали снижение деловой активности. Индекс промышленного производства (1968 год = 100%), составлявший в июле 1970 года 116%, упал до 100% в сентябре и держался на уровне 107—108% в октябре—декабре 1970 года. Безработица в Сантьяго с пригородами, составлявшая в сентябре 6,4%, подскочила в декабре до 8,3%. При таком положении экономическая политика на начальном этапе должна была быть направлена на стимулирование экономики, увеличение производства и уменьшение безработицы. Для правительства, представлявшего интересы трудящихся, любая иная политика была бы немыслима.

Неиспользуемые ресурсы создали благоприятные возможности для проведения политики стимулирования. В результате замедления реализации товаров в период после выборов накопились значительные их запасы. 30% производственных мощностей бездействовали. Официальные статистические данные о безработице не отражали подлинных ее масштабов. По одним данным, учитывавшим неполную занятость и другие формы скрытой безработицы, истинный ее уровень составлял 17,4% всей рабочей силы¹. Запасы иностранной валюты, накопленные за годы войны во Вьетнаме, достигли 300 миллионов долларов.

Одним из доводов, выдвигаемых с экономической точки зрения против стимулирования экономики, была инфляция. В 1970 году цены на потребительские товары возросли на 35%, что явилось самым высоким годовым ростом с 1964 года. В большинстве стран такой уровень инфляции поставил бы правительственных деятелей, намеревающихся прибегнуть к мерам стимулирования, перед дилеммой. Но проблему, стоявшую перед Чили, следует рассматривать с позиций кон-

кредитных условий страны. Для чилийцев инфляция на уровне 35% в год не была невиданным явлением: в период между 1950 и 1970 годами она в течение семи лет превышала этот уровень. Инфляция всегда вела к ухудшению положения трудящихся, но в 1970 году экономический спад отразился на нем в еще большей степени.

Кроме того, лица, ответственные за экономическую политику, считали, что они могут добиться одновременно и стимулирования экономики, и сдерживания инфляции. Они рассчитывали стимулировать экономику путем усиленного накачивания денег в нее и перераспределения доходов в пользу трудящихся и сдерживать инфляцию путем прямого контроля над ценами. Намечалось увеличить правительственные ассигнования на общественные работы и жилищное строительство. В 1971 году заработная плата и жалованье были повышены в связи с ростом стоимости жизни в большей степени, чем обычно. Почти для всех это повышение по меньшей мере компенсировало 35-процентное увеличение стоимости жизни в 1970 году; для низкооплачиваемых прибавка была существеннее — их минимальная зарплата возросла на 66%. Значительное увеличение расходов на оплату труда, вызванное этими прибавками, не должно было сопровождаться ростом цен. Министр экономики Педро Вускович так объяснял это: «Доход с капитала в Чили чрезмерно высок даже по сравнению со многими капиталистическими странами, и в силу этого значительная часть частного производственного аппарата в состоянии абсорбировать приведение заработной платы в соответствие с ростом стоимости жизни за счет своих прибылей, а не нового повышения цен. Политика правительства Народного единства в области цен означает уменьшение уровня прибыли на единицу продукции с соответствующими последствиями для дохода с капитала, что может быть компенсировано только использованием роста покупательной способности трудящихся и увеличением производства и производительности труда»². Контроль над ценами поручался правительственному органу — Управлению промышленности и торговли (ДИРИНКО).

Оживление экономики и перераспределение доходов — все это несло с собой значительные политические выгоды. Как заявил Вускович, «главная цель экономической политики — расширение политической поддержки правительства...». Краткосрочная политика управления экономикой и программа структурных изменений, проводимые Народным единством, «взаимосвязаны между собой. Невозможно осуществить более глубокие перемены без расширения политической поддержки

правительства, а экономическое оживление и перераспределение доходов дадут импульс для этих фундаментальных перемен»³.

Экономическая политика Народного единства вскоре стала приносить результаты. По чилийским меркам, уровень цен удалось сдержать. В декабре 1970 года рост цен был нулевым. В течение первых четырех месяцев 1971 года цены возросли на 5,8%, что составляло одну треть их увеличения в соответствующий период в предыдущие годы. А объем промышленного производства резко возрос. К маю 1971 года он увеличился на 17% по сравнению с предыдущим годом. Возросла занятость, снизилась безработица. В большом Сантьяго она сократилась с 8,3% в декабре 1970 года до 5,2% в июне 1971 года. Уровень жизни трудящихся начал быстро повышаться.

Увеличение производства, снижение безработицы и относительная стабильность цен были характерны почти для всего 1971 года, и Народное единство смогло записать на свой счет целый ряд успехов в том году. Валовый национальный продукт в постоянных эскудо возрос на 8,5%. Промышленное производство выросло на 13% — самое большое увеличение за 10 лет. В декабре 1971 года число занятых повысилось на 200 тысяч человек по сравнению с декабрем 1970 года; безработица сократилась с 8,3 до 3,8%. Наряду с ростом экономической активности сократился индекс потребительских цен с 35% в 1970 году до 22% в 1971 году.

Значительное повышение зарплаты и увеличение занятости привели к сдвигу в распределении национального дохода. Доля получавших зарплату и жалованье в нем возросла с 54% в 1970 году до 59% в 1971 году. Возросли затраты трудящихся на потребительские товары — многие бедняки могли теперь позволить себе есть мясо, покупать приличную одежду.

Была, однако, у этой экономической картины и другая сторона, которая была менее видна большинству чилийцев, чем рост производства, занятости и потребительских расходов, но вместе с тем имела важное значение. Прежде всего правительству Народного единства очень не повезло с платежным балансом Чили. Цена на медь, имевшая для Чили первостепенное значение и составлявшая 70 центов за фунт и выше в первой половине 1970 года, в июле начала падать — к январю 1971 года она снизилась до 46 центов.*

При тогдашнем физическом объеме чилийского экспорта меди падение цены на один цент означало в годовом исчисле-

нии потерю 15 миллионов долларов. Это снижение стоимости меди, экспорт которой давал Чили 75% поступлений иностранной валюты, не компенсировалось аналогичным снижением цен на импортируемые товары. Наоборот, цены на большинство этих товаров возросли; особенно резко поднялись цены на ввозимые Чили продукты питания — пшеницу, мясо и молоко. В это же время начался отлив капиталов из Чили. На протяжении всего предыдущего десятилетия приток новых капиталов позволял Чили платить проценты и амортизацию по своим долгам и покрывать дефицит по другим статьям своего платежного баланса. Сейчас же, когда сумма выплат по внешним долгам Чили приближалась к верхней отметке, была установлена невидимая блокада: коммерческие банки США урезали выдачу кредитов. Экспортно-импортный банк — правительственный банк США, Международный банк реконструкции и развития и Межамериканский банк развития, в которых господствовавшие позиции занимали США, перестали предоставлять займы. И конечно, иностранные корпорации прекратили новые вложения капитала. Наряду с этими факторами, не подвластными Чили, стал увеличиваться физический объем импорта в связи с возросшими потребностями в сырье, вызванными повышением промышленного производства и спроса на продовольствие, а также доходов трудящихся. Дефицит платежного баланса возрос, а запасы иностранной валюты сократились.

Чтобы решить эту проблему, Центральный банк предпринял ряд мер. Прежде всего он ограничил импорт товаров, не являвшихся предметами первой необходимости. У банка не было полномочий непосредственно контролировать импорт при помощи системы лицензий. Поэтому он установил систему, при которой для определенных категорий товаров мог по своему усмотрению требовать от импортера внесения «предварительного депозита» в стократном размере стоимости товара, который тот намеревался импортировать. Это требование играло роль запрета. К примеру, если импортер намеревался ввезти автомобиль стоимостью 3 тысячи долларов, то от него могли потребовать внести депозит в размере 300 тысяч долларов. В течение 1971 года банк последовательно расширял список товаров, подпадавших под действие этой системы, пока к концу года импорт всех потребительских товаров непервой необходимости, всех промышленных товаров и нескольких других категорий товаров не был поставлен под строгий контроль.

Банк принял также меры для сокращения отлива иностранной валюты в связи с туристскими поездками в зарубежные страны. Он в несколько этапов снизил сумму иностранной валю-

ты, предоставляемую каждому туристу, и требовал, чтобы туристы, которые провели за границей меньше времени, чем предполагали, возвращали соответствующий остаток. В июле 1971 года банк значительно повысил для чилийцев стоимость поездок за границу. Для валютных операций, связанных с туризмом, был установлен особый обменный курс, отличный от внешнеторгового: банк девальвировал эскудо для туристических операций почти на 50% по отношению к доллару, практически удвоив стоимость зарубежных поездок в чилийской валюте.

Но эти меры могли лишь частично ослабить воздействие исключительно сильных факторов, ухудшавших платежный баланс Чили. Они не могли повлиять на большой отток средств, связанный с оплатой чилийских долгов. 10 ноября 1971 года президент Альенде объявил, что Чили решила провести переговоры об изменении условий выплаты своего внешнего долга. Чили, заявил он, продолжала в течение 1971 года строго выполнять свои финансовые обязательства. Но сейчас у нее возникли «трудности с платежным балансом, не поддающиеся устранению с помощью... изменений в сфере внешней торговли и валютной политики... Чилийское правительство уверено, что национальное и международное общественное мнение поймет, что любая слаборазвитая страна, накопившая такой относительно большой долг, как наша, и в то же время столкнувшаяся с падением своих традиционных доходов, должна прибегнуть к жестким ограничениям...»⁴. Когда Чили приостановила выплату долгов, она освободилась от уплаты 80 миллионов долларов, подлежащих к выплате в ноябре и декабре 1971 года⁵.

В июле банк девальвировал эскудо для туристических сделок и в декабре для экспорта и импорта. Задержка с проведением второй девальвации объяснялась рядом соображений.

Экономисты из Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития, в которых господствующие позиции занимают империалистические круги, считают девальвацию валюты основным оружием в борьбе с дефицитом платежного баланса: снижение стоимости денежной единицы своей страны по отношению к валюте других стран сдерживает импорт вследствие повышения цен на импортируемые товары в денежных знаках своей страны и поощряет экспорт, снижая стоимость экспортируемых товаров в валюте других стран; снижение импорта и увеличение экспорта ликвидируют дефицит. Однако у этого метода есть один недостаток. Он означает огульное повышение стоимости им-

портируемых товаров, повышение стоимости жизни, возложение основного бремени в решении этой проблемы на плечи низших слоев трудящихся. Для такой страны, как Чили, большая часть экспорта и импорта которой относительно нечувствительна к изменению цен, девальвация не может решить этой проблемы. Большую часть чилийского импорта составляют самые необходимые товары — основные продукты питания, сырьевые материалы, запасные части и оборудование для шахт и рудников. Повышение внутренней цены на пшеницу ляжет бременем на бедняков вследствие повышения цены на хлеб; однако это не приведет к значительному сокращению импорта, поскольку оно может вызвать голод среди народа. Те же, кому необходимо сырье, запасные части и оборудование, купят их даже по более высоким ценам. Что же касается экспорта, то девальвация эскудо в Чили не приведет к снижению цены на ее медь, позволяя увеличить ее продажу, поскольку цена на медь устанавливается в долларах на мировом рынке.

Левые круги в Чили традиционно выступали против девальвации. В программе Народного единства сказано: «Мы положим конец позорной девальвации эскудо». Правительство Народного единства решило поставить под контроль туризм — роскошь — путем девальвации, однако оно не собиралось использовать этот метод для контроля над импортом товаров. Разумный путь снижения импорта товаров — это установление прямого контроля, который позволяет дифференцированно подходить к различным его статьям в соответствии с тем, насколько необходимы те или иные товары, и который не влечет за собой повышения стоимости жизни. Вот почему банк повел борьбу за установление контроля над импортом путем введения системы «предварительных депозитов», а не девальвации.

Тем не менее проблему обменных курсов нельзя было бесконечно игнорировать. Тот факт, что большая часть товаров чилийского экспорта и импорта относительно нечувствительна к изменению цен, не означает, что они совершенно невосприимчивы к нему. С июля 1970 года, когда в последний раз был установлен курс эскудо по отношению к доллару для экспорта и импорта, по декабрь 1971 года уровень цен в стране повысился на 29%. Таким образом, в то время как стоимость эскудо в долларах осталась той же самой, его стоимость, выраженная в товарах внутреннего рынка, уменьшилась на три десятых. Такое большое отклонение неизбежно должно было нарушить структуру цен и создать трудности.

Стоимость импорта в эскудо становилась все ниже и ниже по сравнению с ценами на другие товары. Сама эта дешевизна импорта стимулировала его рост, толкала импортеров обращаться в банк, чтобы ввозить в страну все больше и больше товаров. Хотя банк мог в основном контролировать импорт через систему «предварительных депозитов», контрольный механизм был далек от совершенства, и, несомненно, некоторое увеличение импорта имело место.

Объем экспорта заметно не пострадал вследствие расхождения между долларом и внутренней стоимостью эскудо: стоимость экспорта, исключая медь, возросла в 1971 году, стоимость же экспорта меди упала, но только в результате падения цены на мировом рынке. Однако экспортеры находились в стесненном финансовом положении; их издержки производства росли, тогда как количество эскудо, которое они получали за каждый доллар экспорта, оставалось тем же. Учитывая предстоящий в начале нового года пересмотр заработной платы и окладов, многие экспортеры столкнулись бы с финансовыми затруднениями, если бы ничего не было предпринято.

Поэтому хотя обменный курс не был основной причиной дефицита платежного баланса, в конечном счете встала необходимость девальвации эскудо. Банк осуществил различную девальвацию для различных категорий, точнее, он установил множественный обменный курс. Был сохранен старый курс для импорта продовольствия и нефти с целью не обременять наемных рабочих более высокими расходами на питание или на проезд в общественном транспорте в связи с повышением цены на нефть и бензин. Банк повысил сумму эскудо за доллар, которую импортер должен был платить за сырье, полуфабрикаты и машины, на 56%, а за товары, не являвшиеся первой необходимостью, — на 100%. Что касается экспорта, то банк повысил на 29% сумму эскудо, получаемую экспортером за доллар экспортной продукции. Это повышение соответствовало росту уровня цен внутри страны, имевшему место после последней девальвации. Банк не хотел ни того, чтобы экспортеры испытывали острые финансовые трудности, ни того, чтобы они оказались в лучшем положении по сравнению с тем, в котором находились ранее.

Меры, предпринятые банком, не могли предотвратить резкого ухудшения состояния платежного баланса в 1971 году. Даже при отсрочке выплаты долгов на сумму 80 миллионов долларов дефицит превышал 300 миллионов долларов, а запасы иностранной валюты сократились за год с 333 миллионов долларов по состоянию на 31 декабря 1970 года до 30 мил-

лионов долларов. Был исчерпан один из самых важных резервов, имевшихся у правительства Народного единства после прихода к власти.

Наряду с ухудшением состояния платежного баланса отмечался более высокий, чем планировалось, дефицит в государственном секторе (правительство и так называемые децентрализованные агентства, такие, как «Корпорация промышленного развития» — КОРФО). Дефицит планировался в размере 9,8 миллиардов эскудо, что равнялось 17% запланированных расходов; в действительности же он составил 14,1 миллиарда эскудо, или 22% фактических расходов⁷. Чтобы покрыть этот дефицит, не было иного пути, кроме как взять займы у Центрального банка, в сущности печатать деньги.

Значительное превышение фактического дефицита над планируемым объяснялось рядом факторов. С одной стороны, имел место недостаток денежных поступлений правительству. Крупные медные компании заплатили меньше, чем ожидалось, частично ввиду того, что при низкой цене на медь и зафиксированном обменном курсе их прибыли упали, но главным образом вследствие того, что, предвидя национализацию, они манипулировали своими финансами таким образом, чтобы платить Чили как можно меньше. Поступления от импортных пошлин оказались меньше, чем ожидалось, из-за изменения структуры импорта — все большую часть его составляли товары, освобожденные от пошлины, такие, как продовольствие. С другой стороны, намного больше, чем рассчитывали, возросли расходы государственного сектора, не считая правительство. Некоторые недавно национализированные предприятия, зажатые в тиски между растущими издержками и контролируемыми продажными ценами, имели дефицит, который фиксировался в государственном секторе, а издержки проведения земельной реформы по программам, осуществляемым многочисленными децентрализованными агентствами, с трудом поддавались контролю.

Одна из причин того, что дефицит в государственном секторе превысил запланированную сумму, имела первостепенное значение для последующего развития чилийской революции. Находившийся под контролем оппозиции конгресс препятствовал правительству осуществить налоговую реформу и повысить прогрессивные налоги. В 1971 году оно представило предложения, предусматривавшие скромные изменения налоговой системы. Вот что из этого вышло: «Правительственный

путь был заблокирован... Конгресс воспротивился предложению Народного единства обложить налогом сделки с имуществом, оцениваемым в более чем 25 годовых *sueldo vitales*... * Были отвергнуты предложения ввести налог на сверхприбыли, а предложенный 30-процентный налог на предприятия с капиталом в 500 тысяч эскудо и более был уменьшен до 15% и применялся только к фирмам с капиталом в 600 тысяч эскудо и больше. Построенный по типу шкалы сбор с *bienes raices* (земли и собственности) был отклонен в пользу общего налога по самому низкому курсу предложенной шкалы; таким же образом поступили с предложением ввести дифференцированный налог на вино и сигареты в соответствии с их стоимостью. Правительству... не удалось добиться одобрения закона о наказании нарушителей налоговых правил, который изменил бы существующее слишком снисходительное законодательство»⁸.

Отклонение конгрессом налоговых законопроектов, выдвинутых правительством Народного единства, было не просто защитой экономических интересов большого бизнеса и состоятельных лиц. Это было также частью преднамеренной оппозиционной стратегии — поддерживать инфляцию с целью ослабления правительства Народного единства.

Финансовый дефицит был самым важным, но не единственным фактором в накачивании денег в экономику. Кредит, предоставленный банковской системой частному сектору, увеличился в 1971 году более чем на 3,5 миллиарда эскудо, или на 45%. Хотя это было крупное увеличение, оно не выделялось на фоне предыдущих лет в такой степени, как бюджетный дефицит. В частности, в 1970 году сумма кредита возросла на 35%.

Сумма поступивших в обращение в Чили денег (количество денежных знаков в обращении плюс востребованные депозиты) подскочила с 10,1 миллиарда эскудо в конце 1970 года до 20,5 миллиарда эскудо год спустя, что составило рекордный рост — 103%, тогда как в 1970 году он составил 65% и в 1969 году — 35%⁹. Несмотря на увеличение инфляции, правительство смогло путем установления прямого контроля сдерживать рост цен в 1971 году. Однако напор разбухшей массы бумажных денег усиливался.

Таким образом, экономическое положение Чили в конце 1971 года резко отличалось от того, каким оно было в его на-

* *Sueldo vitales* — установленное законом минимальное месячное жалование служащего. Оно использовалось также в качестве стандартной меры стоимости других вещей, кроме жалования. Такая мера была необходима из-за быстроменяющейся стоимости эскудо.— Э. Б.

чале. Простаивающие производственные мощности, безработица, запасы иностранной валюты — все это уменьшилось; экономика все активнее использовала свои ресурсы. Промышленное производство находилось, как никогда, на самом высоком уровне. Поставки продовольствия увеличились как вследствие хороших урожаев, так и благодаря увеличению импорта; низшие слои чилийского населения никогда еще так хорошо не питались. Однако наблюдавшийся год назад рост производства и поставок товаров замедлялся, а инфляция набирала темпы. Во второй половине года спорадически возникала нехватка говядины, рыбы, растительного масла и некоторых других продовольственных товаров. Существовала опасность мощного возрождения инфляции.

Экономист Пол Н. Розенштейн-Родан довольно упрощенно толкует проблему инфляции, стоявшую перед правительством Народного единства. Обвиняя правительство в том, что оно позволяло инфляции расти такими быстрыми темпами, он заявляет: «Любой студент, изучающий экономику, знал бы лучше, что сделать»¹⁰. Однако это одностороннее обвинение можно было бы отнести не только к Чили, но и к Соединенным Штатам, Великобритании, Италии, Франции, Японии и многим другим странам, в которых инфляция неистовствует в последние годы. «Любой студент... знал бы лучше, что сделать» — тем не менее в этих странах инфляция приобрела колоссальный размах. Сам профессор Розенштейн-Родан не берет на себя предложить реальное решение проблемы.

Правительство Народного единства унаследовало экономический спад и безработицу в сочетании с инфляцией. Накачивание денег в экономику, требуемое для борьбы со спадом и безработицей, увеличило бы массу бумажных денег, и это увеличение рано или поздно неизбежно вызвало бы инфляционные затруднения. Эта проблема усугублялась саботажем со стороны конгресса попыток правительства повысить прогрессивные налоги. Если бы ему это удалось, оно смогло бы поведи бой со спадом и безработицей, а также ограничить массу бумажных денег. И все же оно успешно справлялось с инфляцией в начальный период. Поставив под контроль экономический спад и безработицу, оно должно было сделать еще больший упор на инфляции, чтобы она не разбушевалась вновь. Однако в отличие от буржуазных правительств оно не могло вести борьбу с инфляцией за счет рабочего класса, принимать меры, которые привели бы к экономическому спаду и безработице или которые повернули бы вспять начатый им процесс перераспределения доходов. Оно должно было ограничить инфляцию путем урезания доходов высших клас-

сов. Но как это сделать, когда оппозиция контролирует конгресс и организует акты саботажа?

Эта проблема имела в основном не технический, а политический характер. Враг рассчитывал на экономические трудности и создавал их. Инфляция и была одной из трудностей, на которую он больше всего надеялся в создании экономического и политического хаоса с целью избавления от правительства Народного единства. Борьба с инфляцией была частью борьбы за власть в Чили.

Насколько трудной была эта проблема, достаточно вспомнить, как тяжело справиться с инфляцией даже тем странам, в которых исполнительная и законодательная власть не были расколоты борьбой не на жизнь, а на смерть, как это было в Чили. И все же правительство Народного единства должно было найти пути решения этой проблемы. Требовалось вдохновенное усилие. Правительству нельзя было впадать в панику, оно должно было повести атаку на эту проблему как можно скорее, с революционной фантазией и размахом, не упуская из виду ничего, что могло бы содействовать ее решению.

Однако имелся ряд препятствий на пути к осуществлению быстрых действий, необходимых для предотвращения того, чтобы инфляция приобрела такие опасные темпы, которые еще более затруднили бы установление контроля над ней позже. Народное единство было коалицией, а коалицию трудно склонить к единому выводу и стратегии и к быстрым действиям. Кроме того, правительственный аппарат, с которым работало правительство Народного единства, тот, который оно унаследовало, был настолько громоздким, что многие его части далеко не в полной мере могли контролироваться правительством.

Некоторые экономисты из Народного единства не видели этой опасности и считали, что беспокойство по поводу таких вещей, как инфляция,— это отражение чисто буржуазной точки зрения. Они заявляли, что основные причины инфляции в Чили кроются в ее экономической структуре; без изменения этой структуры инфляцию нельзя остановить; после осуществления правительством Народного единства структурных изменений — перевода под государственный контроль стратегических секторов экономики — взять инфляцию под контроль не будет представлять большой проблемы. Успех правительства, добившегося ограничения роста цен в течение 1971 года, подкреплял эту точку зрения. В статье, опубликованной в ноябрьском 1971 года номере «Виа Чилена», ежемесячном издании Национальной плановой комиссии (ОДЕПЛАН), указыва-

лось, что Народное единство преуспело в «установлении контроля над инфляцией, вновь одновременно активизируя экономику и ликвидируя безработицу. Это положение действительно уникальное, его с трудом понимают многие экономисты из индустриальных стран, которые исходят в своем анализе из ортодоксальных схем».

Как бы ни была обоснована точка зрения на структурные причины инфляции, если она ведет к недооценке значения финансового и денежного механизма, это свидетельствует о ее ограниченности. Правительство Народного единства сумело снизить рост цен в 1971 году путем установления над ними прямого контроля. Однако такой контроль в условиях чрезмерного увеличения массы бумажных денег имеет границы. Установление государственного контроля над монополиями по производству и распределению может оказать огромную помощь в решении проблем снабжения и цен, но не гарантирует их полного решения. Ни одна страна не может быть наводнена деньгами без ущерба для ее экономики.

В феврале 1972 года руководители Народного единства встретились в Аррайяне, предместье Сантьяго, чтобы рассмотреть политическое и экономическое положение страны. В документе «Новые задачи, стоящие перед Народным единством и чилийским народом», подводя итоги, они подчеркнули, что экономическое положение отличается от того, каким оно было год назад,—большие избыточные мощности, позволившие одновременно повысить занятость, производство и потребление и снизить инфляцию, исчерпаны. Тем не менее руководители, не располагавшие еще статистическими данными, свидетельствовавшими о большом скачке индекса потребительских цен в январе, только коснулись проблемы, вызванной безудержным ростом инфляции, и наметили лишь неопределенное общее направление мер, которые следовало бы принять. «Задача бюджетной политики — примирить ограничение финансирования с увеличением общественных услуг, таких, как жилищное строительство, образование, здравоохранение... Сокращение избыточного количества денег в руках частного сектора... еще одна важная задача, которая будет решаться путем специальных мер и общих положений о кредитных нормах, которые вскоре будут оглашены Центральным банком».

Все увеличивавшаяся масса бумажных денег представляла собой лавину, которую можно было сдерживать на какое-то время путем установления контроля над ценами, но она неизбежно должна была обрушиться. Первые признаки этого появились с наступлением нового года. В январе индекс потребительских цен подскочил на 3,7%. Статистические данные

были опубликованы в марте. Газета «Меркурио» злорадствовала в одной из статей, озаглавленной: «Шлюзы инфляции открываются».

Коммунистическая партия быстро отреагировала на это. Один из ее руководителей, Орландо Мильяс, заявил в докладе на пленуме Центрального Комитета, состоявшемся 15 марта: «Настоятельно необходимо удержать инфляцию в 1972 году в гораздо более жестких рамках; наказанием за невыполнение этого было бы уничтожение инфляцией социально-экономических выгод, полученных рабочими и средними слоями... Любое терпимое отношение к ассигнованиям, которые страна не может финансировать, привело бы к росту инфляции, что равносильно сидению на кратере вулкана... Дело жизни и смерти — не допустить повторения инфляционных циклов, к которым нас приучили буржуазные правительства».

Мильяс отверг фаталистическую теорию о том, что при унаследованной структуре чилийской экономики ничего нельзя сделать с инфляцией. Он отклонил также точку зрения некоторых деятелей Народного единства, которые считали, что действия денежного и финансового механизмов и такие явления, как инфляция, не так важны, как «реальное» действие экономики. Мильяс предложил ряд финансовых мер, в частности установление строгого контроля над правительственными расходами и принятие решительных мер против уклонения от уплаты налогов. Уклонение от уплаты налогов в Чили приняло огромный размах. В первом послании президента Альенде конгрессу оно оценивалось в 40%. Потери только от неуплаты налога с торговли в 1971 году составили 20 миллиардов эскудо, что на 6 миллиардов больше бюджетного дефицита¹¹. Мильяс предложил также предпринять «высшее патриотическое усилие», чтобы увеличить производство меди и других экспортных товаров, и «крайне жесткий план, военный план» экономии иностранной валюты¹².

После января индекс потребительских цен продолжал расти: он подскочил на 6,5% в феврале, на 2,7 — в марте, на 5,7% — в апреле. Общее его увеличение за первые четыре месяца 1972 года составило 19,8%, то есть в три раза превысило уровень соответствующего периода 1971 года и фактически почти сравнялось с ростом индекса за весь 1971 год, составившим 20,2%.

Темпы инфляции еще больше возросли. Правительственные расходы увеличивались еще быстрее, чем цены, тогда как поступления сокращались, еще больше увеличивая тем самым бюджетный дефицит. 90% расходов приходилось на заработную плату и оклады, на выплаты по социальному обеспечению

и пособий многодетным; эти пособия были повышены в начале года в соответствии с ростом стоимости жизни. Многие налоги выплачивались в обесцененных эскудо с доходов, полученных за предыдущий год, или с собственности, оцененной несколько лет назад.

Помимо дефицита правительства возникла новая проблема — увеличивающийся дефицит государственных предприятий. Этот дефицит был вызван несколькими причинами. Бывшие владельцы предприятий, которые перешли к государству, выжали из них все, что могли, и оставили в бедственном финансовом положении. Переход управления предприятием из одних рук в другие неизбежно связан с трудностями. На некоторых фабриках и заводах ослабла дисциплина, был осуществлен дополнительный набор рабочих без соответствующего увеличения производства, повысились издержки. Однако важнейшей причиной дефицита являлись все увеличивавшиеся тиски инфляции: правительство сдерживало цены на изделия этих предприятий, тогда как их издержки росли по мере повышения заработной платы и окладов, девальвации эскудо и общего роста цен.

Национализируя монополии, Народное единство надеялось использовать их доходы для развития экономики. Однако вместо прибылей наблюдался растущий дефицит, который мог быть покрыт только с помощью инфляционных займов Центрального банка. Не упуская случая позлорадствовать газета «Меркурио» с готовностью привлекла внимание общественности к этой новой проблеме. 27 апреля она поместила статью, в которой приводился список государственных предприятий, их прибыли или убытки: из 112 перечисленных предприятий только на 13 доходы превышали расходы, остальные 99 имели значительный дефицит¹³.

Начали нести убытки многие частные предприятия, и им пришлось обратиться к банкам за финансовой помощью. Центральный банк ввел громоздкую процедуру, с помощью которой он надеялся контролировать предоставление кредита частным компаниям. Они должны были представить доказательства того, что их потребность в средствах не вызвана намеренными действиями владельцев предприятий или неэффективностью управления ими. Однако по мере роста издержек из-за роста инфляции стало невозможно определить, попала ли компания в затруднительное положение по вине ее владельца или по другим причинам. Центральный банк должен был либо дать разрешение коммерческим банкам на предоставление займов, требуемых компаниями на покрытие своих дефицитов, либо допустить, чтобы эти компании обанкроти-

лись и выбросили на улицу своих рабочих. Такие займы не возмещались или выплачивались из других, более крупных займов. Могли ли компании погасить их, если не была решена главная проблема, вызывавшая дефицит?

Усиление инфляции привело к нехватке товаров. Сначала не хватало лишь немногих товаров, и дефицит не носил столь острого характера. Говядину — основной продукт, в котором ощущался недостаток, — все еще можно было купить несколько раз в неделю. Возросли поставки мерлузы плавучими рыболовецкими фабриками, предоставленными Советским Союзом. Хотя население предпочитало говядину, мерлуза была продуктом тоже богатым белком. Однако поползли слухи, что со временем будет ощущаться нехватка всех продуктов. Люди с более высокими доходами спешили вложить свои деньги в такие товары, как холодильники, телевизоры, автомобили. В результате к апрелю кроме говядины стал ощущаться дефицит и некоторых других товаров. В своем большинстве это не были товары народного потребления. Тем не менее проблема была серьезной.

Появился черный рынок, где можно было купить многие товары, отсутствовавшие на обычных рынках, однако по ценам, которые в три, четыре и даже пять раз превышали нормальную. Это также было серьезной проблемой. Черный рынок усугубил нехватку товаров: небольшая часть населения получала возможность иметь все товары, которые она хотела, а остальные довольствовались малым. По существу, произошло обратное перераспределение дохода. Черный рынок усилил и бюджетный дефицит, так как его дельцы не платили налоги со своих незаконных операций. Черный рынок породил и всяческого рода политические трудности для правительства ввиду недовольства населения нехваткой товаров, а также в связи с тем, что мелкие торговцы и фермеры, которых оно стремилось привлечь на свою сторону или нейтрализовать, соблазнялись его более высокими ценами или были вынуждены из-за высоких издержек продавать на нем свои товары.

Избыточная ликвидность, нехватка товаров и черный рынок создавали благоприятную обстановку для спекуляций и утаивания товаров частными бизнесменами. Имея в изобилии деньги, они не испытывали финансовой необходимости в немедленной продаже своих товаров. Придерживая их, они могли не только получить спекулятивные доходы, но — что также было важно для многих — вызвать большую нехватку товаров и создать трудности правительству.

Нарушилось соотношение цен. Когда правительство приняло меры к сдерживанию роста цен на сахарную свеклу, фер-

меры переключились на выращивание других культур, цены на которые были намного выше. Это привело к повышению цены на свеклу, и тогда оказалось, что рафинадные заводы должны были продавать сахар по ценам более низким, чем затраты на производство сахарной свеклы. Вместо того чтобы реализовывать пшеницу и молоко по установленным ценам через обычные каналы сбыта, некоторые фермеры скормливали их скоту, чтобы получить больше мяса на продажу по ценам черного рынка. Цены на импортные товары вновь понизились, и некоторые из них, такие, как запасные части к автомобилям и лекарства, контрабандным путем доставлялись в соседние страны и продавались там за валюту, которую затем переводили в эскудо по астрономическим ставкам черного рынка.

Создалось угрожающее положение. За первые четыре месяца 1972 года индекс потребительских цен повысился на 20%, и некоторые экономисты предсказывали, что к июню уровень инфляции в пересчете на год составит 50%, а возможно, и 60%. Что могло предпринять правительство, чтобы не допустить столь опасных темпов инфляции?

Фискальная политика мало чем могла помочь правительству. Конгресс не позволил бы ему увеличить поступления путем обложения налогами состоятельных слоев, а любое значительное сокращение расходов обернулось бы тяжелой безработицей. Правительство не могло также положиться на денежную политику; оно не могло ограничить банковский кредит промышленности и сельскому хозяйству настолько, чтобы покрыть хотя бы часть бюджетного дефицита. Это означало бы резкое падение производства и вновь безработицу. Поговаривали о попытке снизить избыточную покупательную способность путем ввоза в страну автомобилей и продажи их по очень высоким ценам. Однако, учитывая, что дефицит платежного баланса составит, по расчетам, 400 миллионов долларов, а также нехватку продовольствия и других товаров первой необходимости, было бы невозможно оправдать затрату валюты на приобретение автомобилей.

Что могло сделать правительство для ликвидации дефицита государственных предприятий, который к тому времени стал серьезной дополнительной причиной роста инфляции? Оно могло попытаться повысить эффективность работы этих предприятий. Однако не их неэффективность была основной причиной дефицита, и, кроме того, чтобы решить эту проблему, требовалось время.

Правительство стояло перед дилеммой. Ему оставалось либо повысить цены и таким образом помочь этим предприя-

тиям покрыть свои издержки, либо созерцать, как растет их дефицит. Повышение цен имело очевидные отрицательные политические последствия. Кроме того, это повышение отразилось бы на индексе потребительских цен, и, для того чтобы оградить низшие слои населения от последствий этого, правительству пришлось бы дать разрешение на соответствующий пересмотр заработной платы и окладов, что означало бы ускорение раскручивания спирали цен. Однако остановить дальнейший рост дефицита товаров было необходимо, в противном случае страна была бы наводнена бумажными деньгами, а товары все больше исчезали бы с обычных рынков с их низкими официальными ценами и попадали бы на черные рынки с их непомерно высокими ценами. Более того, чем дольше правительство выжидало бы, тем острее становилась бы эта дилемма, тем больше становились бы дефициты и тем больше пришлось бы повышать цены, чтобы ликвидировать эти дефициты.

Правительство могло хотя бы отчасти ослабить последствия инфляции путем принятия прямых мер. Оно могло использовать ДИРИНКО, полицию и народ, чтобы установить действенный контроль над ценами и повести борьбу против укрывательства товаров, спекуляции и черного рынка. В заявлении, принятом в Аррайяне, руководители Народного единства предложили создать по месту жительства комитеты по снабжению и контролю над ценами (ХАП), через которые народ мог помочь в решении этих задач. Было важно в максимальной степени использовать все эти меры, особенно мобилизацию народа.

Однако это были лишь частичные меры. Под прямой контроль правительства перешла бы лишь небольшая часть распределительной сети — ведь в стране насчитывалось 125 тысяч мелких частных торговцев и владельцев магазинов и множество мелких частных фермеров. Даже ряд крупных оптовых торговых домов по-прежнему находился в частных руках. Как правительство могло контролировать всех этих торговцев и фермеров, учитывая усиление финансового нажима и соблазн торговать на черном рынке? Контролировать черный рынок с помощью полицейских методов трудно в любых обстоятельствах; здесь же правительство не имело ни всей полноты государственной власти, ни полицейской силы, на которую оно могло полностью рассчитывать. Только половина населения шла за Народным единством и была готова поддерживать комитеты по снабжению и контролю над ценами.

Коалиция Народного единства медленно реагировала на ухудшение экономического положения. Статистические данные отражали происходящее только несколько недель спустя.

Встречи и дискуссии правительственных и партийных деятелей занимали время; было трудно найти решения и прийти к единому мнению. К концу мая Коммунистическая партия Чили стала все настойчивее предлагать что-либо предпринять. Мильяс утверждал, что Чили необходимо решить проблему финансов национализированных предприятий и проблеме инфляции. Он призывал к проведению новой экономической политики.

Народное единство стояло перед кризисом, который не ограничивался проблемой инфляции и нехватки товаров,— он касался политики национализации и утраты позиций в политическом плане. Руководители Народного единства провели еще одну конференцию, на этот раз в Ло Курро. Положение было значительно яснее, чем во время совещания в Аррайяне, и они согласились, что действия, хотя и болезненные, должны быть предприняты, чтобы уменьшить приток денег в экономику и выправить диспропорции в структуре цен. Кабинет министров был реорганизован, министры финансов и экономики заменены, и их место заняли соответственно Орландо Мильяс из коммунистической партии и Карлос Матус из социалистической партии. Приступить к действиям предполагалось через несколько недель.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

Самые ясные и конкретные разделы программы Народно-го единства касались изменений в структуре экономики. Если в разделах о проблеме власти содержались общие положения, то в экономическом разделе детально излагались меры, необходимые для преобразования экономической структуры страны:

«Процесс преобразования экономики начинается с проведения политики, призванной создать доминирующий государственный сектор, состоящий из предприятий, которые уже принадлежат государству, и предприятий, которые будут экспроприированы. В первую очередь будут национализированы те основные богатства, которые, как, например, медь, железо, селитра и другие полезные ископаемые, находятся в руках иностранных капиталистов и местных монополий. Таким образом, в национализированный сектор войдут:

1) предприятия по добыче меди, селитры, йода, железа и каменного угля;

2) финансовая система страны, особенно частные банки и страховые компании;

3) внешняя торговля;

4) крупные торговые предприятия и монополии;

5) промышленные монополии, производящие стратегические материалы;

6) вообще все те отрасли, которые обуславливают социально-экономическое развитие страны, например производство и распределение электроэнергии, железнодорожный, воздушный и морской транспорт, средства связи, добыча, переработка и сбыт нефти и ее производных, включая жидкий газ, металлургия, цементная, нефтехимическая, крупная химическая, целлюлозная и бумажная промышленность»¹.

Наряду с государственным сектором предполагалось создать смешанный и частный сектора. Смешанный сектор «будет состоять из предприятий, объединяющих как государственный, так и частный капитал», например, таких, в которых государство вошло бы в долю с иностранными компаниями, обеспечи-

вающими необходимую для Чили технологию. Частный сектор включал бы монополизированные, не имеющие стратегического значения предприятия, составляющие 99% от их общего числа в стране.

Еще до прихода к власти правительства Народного единства государство играло важную роль в экономике. «Корпорация промышленного развития» (КОРФО) владела многими компаниями — электроэнергетическими, нефтяными, сахарными — и имела акции других фирм, в частности в сталелитейной промышленности. Государство осуществляло свыше 70% всех инвестиций. Однако это государственное участие было направлено на поддержку частных иностранных и местных монополий, которые занимали господствующее положение в экономике. Государство вкладывало средства в развитие менее прибыльных основных отраслей, предназначенных для обслуживания монополий, и оказывало поддержку частным компаниям путем предоставления им капитала и кредита. В первые годы создания КОРФО она оказывала финансовую помощь только чилийским компаниям, но затем стала предоставлять финансовые средства смешанным предприятиям, в которых участвовали американские фирмы.

Создание государственного сектора, предусматривавшееся программой Народного единства, преследовало несколько целей: лишить иностранные монополии экономической власти, взять в свои руки основные природные богатства страны, добиться ее экономической независимости и установить контроль над собственным рынком, а также ликвидировать власть местных монополий. Кроме получения прибыли и использования ее для экономического развития страны государство получило бы возможность планировать развитие экономики, направив основные усилия на производство тех товаров и создание тех услуг, которые необходимы народу, а не монополиям.

Народное единство сознавало, что экономические реформы обеспечат ему важные политические выгоды. Национализация монополий (наряду с земельной реформой) уничтожила бы материальную базу политической власти правящих классов Чили. Как и всюду, в Чили монополии использовали свои деньги для поддержки угодных им политических партий и кандидатов, газет и общественных деятелей. Вот несколько слов о том, как это делали американские меднорудные компании: «Поражает тот факт, что компании, которые не продавали медь внутри страны, тем не менее тратили сотни миллионов эскудо на рекламу в печати, на радио и телевидение... Североамериканские компании тщательно следили за своей репутацией внутри страны... В течение многих лет приз Брей-

дена... присуждался тем людям и группам, в которых они были заинтересованы и которые считали бы себя обязанными им. Частые банкеты, приемы, вечера и подарки помогали ублажать полезных людей... В течение многих лет американские медные компании с удовольствием наблюдали, как в креслах Верховного суда Чили восседал не один сотрудник их юридических отделов...

Не так давно общественность узнала из газет, что сыновья и ближайшие родственники самых высокопоставленных членов юридической коллегии являлись служащими этих медных компаний. Одной из главных и постоянных забот американских компаний было поддержание самых тесных связей, предпочтительно на договорной основе и еще лучше, чтобы они приносили выгоду другой стороне, с влиятельными парламентариями и политиками... Компания «Анаконда» предпочитала иметь дело с членами бывшей радикальной партии до ее раскола... Компания «Кеннекотт» также стремилась установить связи с партиями правого толка»².

Некоторые представители Народного единства, видимо, считали, что уничтожение материальной базы господства правящих классов само по себе может решить проблему власти в Чили. Развитие государственного сектора и уничтожение материальной базы, на которую опирались правящие классы, создали бы якобы новую «альтернативную власть», которая неким образом приняла бы бразды правления у старой власти. Я нигде не читал и не слышал доходчивого объяснения того, как будет осуществлен такой переход к власти или как уничтожение материальной базы решит проблему вооруженных сил в буржуазном государстве.

Осуществление программы национализации началось быстрыми темпами. 22 ноября, спустя менее трех недель после торжественного вступления Альенде в должность, правительство установило контроль над компанией «Пурина де Чили», являвшейся дочерним предприятием фирмы «Ралстон пурина», и над компанией «Нибса», филиалом «Нортер Индиана брасс», которые их хозяева собирались ликвидировать. 22 декабря Альенде объявил на массовом митинге, что правительство представит конгрессу поправку к конституции, которая позволит национализировать медную промышленность. В январе к государству перешли компания «Лота-Швагер», которая давала 80% добычи угля в Чили, и «Банко де credito э инверсионес», третий крупнейший банк в стране. В феврале государство купило завод «Эр-Си-Эй Виктор», являвшийся дочерним предприятием фирмы «Эр-Си-Эй интернэшнл».

Уже в первом послании конгрессу 21 мая 1971 года Аль-

енде указал на такие важные достижения, как переход в государственный сектор железорудных и селитряных рудников, текстильных фабрик, банков, цементного завода, издательства, и заявил: «Мы действовали решительно».

Важнейшей отраслью, которую предстояло национализировать, была меднорудная промышленность. Мечта о ее национализации лелеялась давно. Левые члены конгресса, включая Альенде, начали вносить законопроекты о национализации еще в начале 50-х годов. Ее добивались Конфедерация рабочих медной промышленности и Единый профсоюзный центр трудящихся Чили (КУТ). В 1961 году Радомиро Томич заявил: «На медь приходится две трети внешнеэкономических связей Чили. Тот, кто контролирует две трети внешнеэкономических связей страны, контролирует саму страну. Поэтому очевидно, что если мы хотим быть суверенной страной не формально, а фактически, медь должна быть в руках государственных организаций Чили, а не иностранных предприятий»³.

Национализация медной промышленности была ключевым вопросом президентской кампании 1964 года левых партий, в ее поддержку высказались и некоторые христианские демократы. Правительство Фрея пыталось ослабить этот нажим путем «чилинизации» и «национализации по договоренности», но чилийцы вскоре осознали, что меднорудные монополии по-прежнему верховодят в их стране. Реакционный сенатор Франсиско Бульнес из национальной партии сетовал в 1965 году, вскоре после «чилинизации», что дочерняя компания монополии «Кеннекотт» — «Брейден коппер», имея половину своих бывших активов, лишь вдвое увеличила свои прибыли. Он был не совсем прав: в течение следующих четырех лет ее прибыли возросли в четыре раза⁴.

Настроения в пользу полной подлинной национализации меднорудной промышленности крепили даже среди христианских демократов и других деятелей, не являвшихся левыми. Томич, выдвинутый позднее кандидатом в президенты от христианско-демократической партии, заявил вскоре после заключения Фреем соглашения с компанией «Анаконда», что «самая большая надежда страны» — национализация. В ходе своей избирательной кампании Томич указал, что он «немедленно и полностью национализует основные меднорудные компании». Это означало, что двое из трех кандидатов, представлявшие две трети избирателей, добивались своего избрания на основе платформы, призывавшей к национализации.

Правительство Альенде решило провести национализацию меди не путем принятия обычного закона, а внесением поправки к конституции. Включение национализации в основной

закон Чили произвело бы огромное впечатление, ибо вытекало бы из самого суверенитета Чили как нации, и сделало бы ее наименее уязвимой в правовом плане. По чилийской системе конституционная реформа имела еще одно преимущество: если бы конгресс, находившийся в руках оппозиции, выступил против этой меры, правительство могло бы провести плебисцит, и тогда решение принимал бы народ.

Первоначально правительство предложило иной метод национализации. Оно хотело национализировать собственность меднорудных компаний, а не сами компании, оставив за собой право создать новую организацию, которой оно могло бы передать перешедшую к нему собственность. Однако этому воспротивился блок христианских демократов в конгрессе. Они не хотели национализации, в результате которой смешанные компании, созданные во время их правления, перестали бы существовать, а «чилинизация» и «национализация по договоренности» были бы дискредитированы. Им принадлежит «историческая заслуга» как инициаторам борьбы за возвращение чилийской меди, и новая национализация должна просто завершить то, что они начали. Национализации подлежала, по их требованию, не собственность смешанных компаний, а сами компании. Этот способ, выдвинутый христианскими демократами, имел весьма серьезный недостаток: он втискивал национализированную отрасль в старые организационные формы — одна компания для рудника Эль-Теньенте, другая — для Чукикамата и т. д. — и подразумевал, что государство возьмет на себя долги старых смешанных компаний, достигавшие 700 миллионов долларов.

Альенде принял условия христианских демократов. Эдуардо Новoa, который занимался правовыми вопросами во время работы над проектом закона, вспоминает: Альенде понимал: чтобы Чили могла твердо отстаивать свои позиции на международной арене при решении проблем, которые вызовет национализация, требовалась поддержка большинства членов конгресса. «Без изменений, на которых настаивают христианские демократы, парламентского одобрения не добиться, придется вынести закон на плебисцит». Это могло вызвать осложнения: христианские демократы готовились оспаривать, являлся ли закон о национализации меди достаточным основанием для внесения поправки к конституции и проведения плебисцита⁵.

Когда в июле законопроект был поставлен на голосование, он был принят единодушно. За него проголосовали даже члены национальной партии, которые ставили препятствия на пути его прохождения в конгрессе.

Правильно ли поступил Альенде, который согласился с

требованием христианских демократов, чтобы заручиться их поддержкой при принятии законопроекта? Это один из коренных вопросов революционной стратегии. Какова была истинная цель — только ли осуществить национализацию медной промышленности или вообще продвинуть вперед революцию, используя национализацию для усиления Народного единства? Насколько важна была Народному единству парламентская поддержка для проведения национализации? Могла ли она действительно помочь при столкновении Чили с трудностями на международной арене?

Правительству не было необходимости спешить с заключением компромисса с христианско-демократической партией по этому вопросу. Оно могло настаивать на принятии лучшего варианта законопроекта вплоть до преднамеренного провоцирования общенационального обсуждения закона о национализации медной промышленности и проведения плебисцита. Принятие закона о национализации меди могло быть использовано для подъема революционных настроений, разоблачения руководства христианских демократов и членов национальной партии как защитников интересов иностранных империалистов. Оно могло помочь завоевать на сторону Народного единства сторонников ХДП и даже национальной партии. Национализация меди была одним из самых лучших способов достижения этих целей, и обстоятельства благоприятствовали этому. Вопрос этот отождествлялся с национальным суверенитетом и патриотизмом; его значение осознавалось самыми широкими слоями населения. Огромное большинство народа выступало за национализацию. Благодаря улучшению экономического положения страны правительство пользовалось большой популярностью. Члены ХДП и национальной партии в конгрессе понимали грозившую им опасность и отнеслись к законопроекту о национализации весьма осторожно, скрывая свое истинное отношение к нему, часто воздерживаясь во время голосований, пытаясь воспрепятствовать тому, что могло бы привести к проведению плебисцита. Народное единство могло попытаться заставить их вступить в открытый бой. Вместо этого оно дало согласие на такой законопроект, который они могли единодушно поддержать, хотя уже в то время члены ХДП и национальной партии готовились начать безжалостное наступление на Народное единство по различным вопросам и в обстоятельствах, наиболее выгодных для себя.

Утверждение, что для решения международных проблем, с которыми столкнулась бы Чили, была необходима широкая поддержка в парламенте, не имеет особых оснований. Формальности и юридические тонкости не произвели бы впечатле-

ния на империалистов — на медные компании и на правительство США. Какая им разница, проголосовал ли чилийский конгресс единодушно за национализацию или нет. Этот вопрос имел бы значение лишь в том случае, если бы свидетельствовал, что правительство Народного единства имеет прочную поддержку. Империалистические круги знали основные позиции национальной и христианско-демократической партий и их стратегию при голосовании за национализацию. Поэтому давали ли основания результаты голосования считать прочным положение правительства Народного единства?

Даже после принятия закона о национализации медной промышленности оставалась одна важная проблема, а именно компенсация, которая причиталась компаниям. Закон обуславливал только процедурные вопросы и правила определения компенсации, но не ее сумму. Она устанавливалась Контрольным управлением. Сумма компенсации должна определяться номинальной стоимостью предприятий. Однако Контрольное управление было вправе уменьшить ее на сумму стоимости оборудования, находящегося в непригодном для работы или некомплектном состоянии. Президент же имел право поручить Контрольному управлению вычесть сумму сверхприбылей, полученных компаниями с 1955 года. В случае их несогласия они могли обратиться в специальный трибунал, состоявший из члена Верховного суда, президента Центрального банка и ряда других высокопоставленных служащих.

Сравнив прибыли, получаемые «Анакондой» и «Кеннекотт» в Чили, с прибылями в других районах мира, президент обнаружил, что в Чили они были действительно чрезвычайно высокими. Он поручил Контрольному управлению вычесть 774 миллиона долларов как сверхприбыль (эта сумма прибылей сверх 12% годовых) из компенсации, причитавшейся этим компаниям. Эта сумма превышала номинальную стоимость собственности компаний. У компании «Серро», начавшей разрабатывать рудник Андина в 1971 году, сверхприбылей не оказалось⁶.

Правительство США и американская печать внимательно следили за ходом национализации медной промышленности в Чили. 3 февраля 1971 года газета «Нью-Йорк таймс» поместила следующее сообщение из Сантьяго: «Дипломаты из Соединенных Штатов, находящиеся в Чили, официально предостерегли чилийских официальных лиц, что правительственный план национализации доли американских компаний в медной промышленности мог бы серьезно повредить отношениям между двумя странами... Обеспокоенность официальных кругов Соединенных Штатов формой национализации американских

компаний является... основным фактором, определяющим возможность продолжения «корректных отношений» между администрацией Никсона и левым правительством д-ра Альенде».

После принятия в июле 1971 года закона о национализации газета «Нью-Йорк таймс» писала в редакционной статье: «Президент Альенде подписал сейчас поправку к конституции Чили, которая национализирует медные рудники... Каждый из 158 присутствующих сенаторов и депутатов — от революционных социалистов и коммунистов слева до националистов справа — проголосовал за эту поправку. В такой атмосфере официальный Вашингтон мудро держал язык за зубами... Любой протест Вашингтона был бы не только тщетным, но и сыграл бы на руку пропаганде тех сил в коалиции д-ра Альенде, которые добиваются открытого разрыва с нашей страной... Даже Чили, склоняющаяся к строительству социализма, стремится получить иностранные инвестиции и банковские кредиты для осуществления честолюбивого плана промышленного развития. Определяя свой ответ на просьбы Чили, инвесторы и банкиры во всем мире совершенно определенно примут во внимание то, как обошлись с медными компаниями»⁷.

30 сентября, сразу же после издания президентом Альенде декрета о вычете Контрольным управлением сверхприбылей из суммы компенсации, газета «Нью-Йорк таймс» поместила такое сообщение из Вашингтона: «Официальные лица Соединенных Штатов заявили сегодня, что вчерашнее решение президента Чили ничего не платить американским компаниям за национализированную собственность, несомненно, подтолкнет администрацию Никсона к принятию «жестких мер»... По достоверным сообщениям, высокопоставленные творцы политики Соединенных Штатов опасаются, что если США будут продолжать проявлять «мягкость» по отношению к слаборазвитым странам, которые экспроприируют частные американские активы, то это вызовет целый поток подобных действий».

13 октября государственный секретарь Уильям Роджерс заявил: «Правительство США глубоко разочаровано и озабочено этим серьезным отходом от общепринятых норм международного права». Он также добавил: американское правительство «надеется, что правительство Чили в соответствии со своими обязательствами по международному праву вернется к тщательному рассмотрению данного вопроса»⁸. На следующий день в статье под заголовком «Позиция Роджерса подхлестывает кампанию за укрепление единства в Чили», помещенной в газете «Нью-Йорк таймс», указывалось: «Заявление, сделанное вчера государственным секретарем Уильямом

Роджерсом, предостерегающее Чили от национализации доли американских компаний в крупных медных рудниках без компенсации, послужило толчком к проведению в стране кампании за «национальное единство». Министерство иностранных дел сделало заявление, в котором отвергло «нажим на нашу страну». В правительственной газете «Пуру Чили» появилась статья под заголовком «Дядюшка Сэм хочет подраться с Чили». По радио транслировались передачи, призывавшие чилийцев «защитить нашу национальную честь».

Предвидя возможность национализации, компании «Анаконда» и «Кеннекотт» приняли, с их точки зрения, надлежащие меры. После избрания Альенде, а в некоторой степени еще и до этого они стали вести дела своих чилийских компаний таким образом, чтобы извлечь наибольшую прибыль в наикратчайший срок, причем, если потребуется, даже путем приведения в негодность своей собственности. В 1971 году чилийское правительство попросило две группы технических специалистов — советскую и французскую — подготовить доклады о состоянии рудников. В обоих докладах отмечались серьезные нарушения, допущенные американскими компаниями.

В докладе советской группы относительно рудника Чукикамата указывалось, что в последние годы компания проводила политику интенсивной добычи без необходимого удаления пустой породы. Это привело к снижению запасов руды, приготовленной к добыче. Эту проблему следует решить безотлагательно, в противном случае подготовленные запасы минерала будут продолжать уменьшаться, что может привести к падению добычи меди⁹.

Не заботясь об удалении пустой породы, компания «Анаконда» получала двоякую выгоду: она извлекала максимальные прибыли и оставляла своему преемнику трудные проблемы. «Кеннекотт» также не спешила производить необходимые расходы и инвестиции. В советском докладе указывалось также на нехватку воды для обработки минерала на руднике Эль-Теньенте. Вследствие нехватки воды обогатительная фабрика в Колоне, пущенная в начале 1971 года, производила только 11—12 тысяч тонн в день вместо 28 тысяч тонн по проектной мощности.

За много месяцев до национализации компания «Анаконда» конфиденциально дала указание иностранным техническим специалистам, работавшим на ее рудниках, покинуть Чили. Все они, за исключением небольшой группы, выехали из страны. Большую часть технических специалистов на руднике Эль-Теньенте, принадлежавшем компании «Кеннекотт»,

составляли чилийцы. Однако большинство из них также покинуло страну после национализации. Средний технический персонал в основном остался. Он пользовался огромными преимуществами. В частности, компания платила этим людям в долларах, что давало им возможность наживать на продаже валюты на черном рынке. Вскоре после прихода к власти правительства Народного единства Центральный банк вынес решение платить жалование среднему техническому персоналу в эскудо. Хотя оно было соответствующим образом пересчитано, они выразили недовольство. В августе 1971 года средний технический персонал рудника Чукикамата объявил забастовку, протестуя, по его словам, против назначения трех администраторов, не входящих в число лиц старого персонала. В знак солидарности объявили забастовку несколько человек с рудника Эль-Теньенте. Забастовщики с рудника Чукикамата прибегли к саботажу, силой захватив подстанцию и отключив несколько турбин, что вызвало перебои в снабжении током не только рудника, но и всей округи.

После национализации медной промышленности у правительства Народного единства возникло множество проблем. Так, 95% запасных частей и оборудования поступало из США. Одной из главных была организационная проблема. Было национализировано пять рудников, в том числе крупнейшие в мире рудники с открытой (Чукикамата) и подземной (Эль-Теньенте) добычей. У каждой эксплуатировавшей их компании была своя система организации работы и управления ими; разным было оборудование и материалы, используемые для одних и тех же операций; рабочие, выполнявшие одну и ту же работу, получали различную заработную плату. Необходимо было создать единую систему.

Деликатную проблему представляли отношения с рабочими этих рудников. Я видел в Эль-Теньенте похожие на бараки, ютящиеся на крутых, не защищенных от ветра склонах Анд жилища, в которых обитали их семьи, и поэтому не могу писать об их «привилегированном» положении. Однако заработная плата, пособия и жилищные условия горняков, работавших на медных рудниках, были лучше, чем у большинства других категорий рабочих Чили, гораздо лучше, например, чем у шахтеров угольных шахт «Лота-Швагер», чей труд не менее тяжел, чем у горняков. Среди горняков медных рудников в большей степени, чем среди большинства других категорий чилийских рабочих, были сильны традиции «экономизма», то есть использования силы своего профсоюза против иностранных нанимателей для улучшения своего экономического положения. Сейчас же «экономизм» должен был бы

уступить место революционному сознанию, готовности в интересах революции и выгод, которые она принесет в более отдаленном будущем, отказаться от использования своей силы для приобретения сиюминутных благ.

Медная промышленность была одной из немногих отраслей, которые Народное единство перевело в государственный сектор путем принятия нового закона о национализации. Передачу в собственность государству почти всех остальных предприятий пришлось осуществлять другими средствами — путем выкупа или взятия в свои руки, в той или иной правовой форме — на основании законов, унаследованных от прошлого. В чилийском законодательстве, насчитывавшем 20 тысяч актов, несколько законов определяли переход собственности из одних рук в другие. Они предусматривали полную экспроприацию, вмешательство и реквизицию, в соответствии с которой административное руководство предприятием переходило к правительству, хотя в юридическом плане оно продолжало оставаться собственностью его хозяина. Почти забытый закон-декрет № 520, относящийся к революционному периоду 1932 года, давал правительству право экспроприировать предприятие, занимавшееся производством или сбытом товаров первой необходимости, если оно не могло обеспечить нормальный ритм его работы, что вело к возникновению нехватки этих товаров. Правительство могло также вмешаться в дела предприятий, втянутых в трудовые конфликты, если об этом его просила одна из конфликтующих сторон.

Другим стратегическим сектором экономики была банковская система. В речи, произнесенной 30 декабря, Альенде подчеркнул необходимость иметь такую банковскую систему, которая служила бы целям национального развития, а не интересам небольшого числа привилегированных клиентов из Сантьяго. Он объявил, что правительство представит в конгресс законопроект о национализации банков. Правительство, сказал он, предлагает также альтернативу — скупить акции банков. Альенде объяснил, что мелкие держатели акций окажутся в наилучших условиях и что все лица, которые решат продать свои акции, получают наибольшие выгоды по сравнению с теми, кто будет дожидаться принятия закона о национализации.

У правительства были сильные позиции в области финансов. Оно контролировало Центральный банк, который являлся основным источником фондов для коммерческих банков и управлял многими их операциями. Оно контролировало также

суперинтендантство банков, через которое могло следить за строгим выполнением банковских законов. Против иностранных банков оно могло применить такие меры, как запрещение принимать депозиты местных вкладчиков.

Правительству так и не пришлось представлять в конгресс свой законопроект о национализации банков. Один за другим оно брало их под государственный контроль. В дела некоторых банков правительство вмешалось ввиду нарушения ими законов. Другие были выкуплены. Иностранные банки — «Бэнк оф Америка», «Ферст нэшнл сити бэнк» и другие — договорились с правительством о продаже своих чилийских филиалов. К концу 1971 года переход банковской системы в государственный сектор был почти завершен — правительство контролировало 16 банков, осуществлявших 90% кредитных операций¹⁰.

Важнейшее значение имела также черная металлургия. Одним из первых актов правительства Народного единства была покупка находившихся в частных руках акций компании «Пасифик стил», и к середине декабря оно объявило об установлении своего контроля над ней. Эта компания производила всю выплавляемую в Чили сталь — 600 тысяч тонн и добывала одну треть железной руды. Затем правительство вступило в переговоры с компанией «Бетлехем стил» о приобретении ее чилийских железных рудников, и в марте с ней был подписан соответствующий договор. С приобретением этих рудников правительство стало контролировать 70% добычи железной руды. Оно предложило сделать компанию «Пасифик стил» основным предприятием металлургического комплекса, в который вошли бы рудники по добыче железа, сталелитейные заводы, машиностроительные цехи, верфи и заводы металлоизделий. Компания «Пасифик стил» начала приобретать контрольные пакеты акций ряда других фирм, например АРМКО, которая производила шлифовальные круги, СОКОМЕТАЛ, которая выпускала краны, котлы и железнодорожные вагоны, с целью включения их в комплекс.

«Селитра тоже стала нашей», — сказал Альенде в своем послании конгрессу 21 мая 1971 года. Чили приобрела компанию СОКВИМ, являвшуюся основным производителем селитры, и поставила другую селитрянную фирму «Алемания» под управление государства.

В текстильной промышленности господствовало несколько крупных фирм. В ноябре 1970 года Управление промышленности и торговли (ДИРИНКО) установило контроль над закрывшейся текстильной фабрикой «Бельявиста-Томе», которая принадлежала семье Яруров и У. Р. Грейсу. В мае правитель-

ство реквизирировало еще пять крупных текстильных компаний. К концу года девять текстильных компаний было реквизирировано и четыре экспроприировано; доля государственного сектора в этой отрасли составила 50%.

Постепенно под чилийский контроль стала переходить автомобильная промышленность. В мае 1971 года компания «Форд» закрыла свой сборочный завод, заявив, что за два предыдущих года она понесла убытки в 16 миллионов долларов, 600 рабочих лишились работы. Завод был реквизирирован.

В сентябре объявила о закрытии своего завода по выпуску грузовиков компания «Дженерал моторз». Ее дела расследовались в связи с невыполнением ею договорных обязательств об использовании запчастей местного изготовления в машинах, собираемых в Чили. Государство взяло в свои руки и этот завод.

К государству перешел также ряд других компаний. ДИРИНКО реквизирировало две основные цементные компании, компанию по производству стекла и несколько фирм, выпускавших строительные материалы. КОРФО реквизирировала фирму по производству сушеного и копченого мяса. Рабочие установили контроль над компанией по выпуску пива. К государству, стремившемуся сохранить рабочие места и обеспечить бесперебойное снабжение населения, перешли также десятки обанкротившихся мелких предприятий.

Что касается внешней торговли и распределения товаров, то правительство приобрело старые компании по импорту нефти, созданные еще в первые годы проникновения британского империализма в Чили. Оно приобрело обанкротившуюся компанию «Уэйр Скотт», а также фирмы «Дункан фокс», «Уильямсон Бэлфор» и «Габбс». Правительство создало несколько государственных распределительных агентств, таких, как Национальная служба по распределению товаров (ДИНАК), через которую проходило 30% оптового сбыта бакалейных изделий.

Как и в медной промышленности, монополисты, действовавшие в других отраслях, начали готовиться к экспроприации еще задолго до ее проведения. Первый министр экономики Педро Вускович сказал: «Буржуазия... подготовилась к экспроприации своих предприятий, изъяв заранее рабочий капитал, истощив запасы сырья, прекратив уход за оборудованием и т. д.»¹¹

Иностранные компании санивали технических специалистов, толкая их на выезд из страны. Примером этого может служить деятельность дочерней компании «Доу кемикл» в Чили. Согласно статье, помещенной в журнале «Форчун»,

компания «Доу кемикл» сообщила техническим специалистам, «что если они придут в конторы «Доу кемикл» в других странах Латинской Америки, работа для них найдется... В итоге свыше 60 человек приняли предложение «Доу кемикл» переселиться за границу, и во многих случаях компания возместила им расходы по переезду, в частности стоимость авиабилетов. Компания предоставила некоторым беспроцентные займы на приобретение домов и автомобилей»¹².

Несмотря на плачевное состояние, в котором старые владельцы преднамеренно оставили свои предприятия, и на бесчисленные трудности, которые неизбежны при осуществлении коренных преобразований, правительство Народного единства и чилийский рабочий класс сумели не только обеспечить бесперебойную работу экспроприированных рудников и фабрик, но и увеличить производство в целом. В важнейшей отрасли — медной промышленности — добыча возросла на 2,5% во второй половине 1971 года по сравнению с первой. Несмотря на отъезд технических специалистов, забастовку среднего технического персонала, саботаж и унаследованные технические проблемы, новый управленческий персонал добился того, что добыча меди во втором полугодии на рудниках Чукикамата, Эль-Теньенте и Эль-Сальвадор снизилась всего лишь на 2,5% по сравнению с первым, а также такого увеличения добычи на новом руднике Андина, что оно более чем компенсировало это сокращение.

В течение девяти месяцев переход предприятий под контроль государства осуществлялся довольно быстро. Но как только конгресс проголосовал за национализацию медной промышленности, оппозиция развернула контрнаступление. 19 июля генеральный контролер Эктор Умерес, назначенный еще Фреем, отклонил решение о реквизиции текстильной фабрики «Ярур», предоставив правительству 30 дней на возврат ее прежним владельцам. В августе Умерес принял такие же решения в отношении еще нескольких крупнейших текстильных предприятий. Рабочие этих фабрик заявили, что они ни под каким предлогом не позволят возвратить предприятия старым хозяевам. Правительство использовало «декреты по настоянию», то есть декреты, подписанные всеми членами кабинета, чтобы заставить генерального контролера дать согласие на реквизицию.

В результате возникло юридическое противоречие. Правительство утверждало, что вопрос о «нехватке поставок», оправдывающей реквизицию, входит в компетенцию ДИРИНКО.

Генеральный контролер же заявлял, что о правильности технического решения ДИРИНКО может судить только его канцелярия. Оппозиция обвинила правительство в злоупотреблении «декретами по настоянию». Враги Народного единства в конгрессе начали собирать материалы для вынесения конституционного обвинения против президента и его министров.

Воспользовавшись этим юридическим противоречием, оппозиционные партии и печать развернули политическую кампанию против экспроприации. Голосование оппозиции за национализацию медной промышленности упрочило ее позиции, ибо после этого ее нелегко было обвинить в игнорировании национальных интересов. Христианские демократы, которые ранее воздерживались от открытых выступлений против экспроприации, потому что, по их словам, «наша партия также выступает за структурные изменения», сейчас сочли возможным сделать это. Они-де по-прежнему не против структурных изменений, но этот процесс должен осуществляться в рамках закона, и решения генерального контролера следует уважать.

Оппозиция развернула кампанию по привлечению масс на свою сторону, против экспроприации. Она пыталась запугать экспроприацией чилийских мелких собственников. «Нельзя оставаться спокойным, глядя на то, как действует правительство Народного единства. Неизвестно, кто будет следующим», — кричали оппозиционеры.

В августе газета «Меркурио» подвергла нападкам предложение национализировать крупнейшую компанию по производству бумаги «Папелера». Она имела заводы в Пуэнте-Альто, Талька и других городах и не только занимала господствующие позиции на чилийском рынке, но и давала крупные валютные поступления. Газета «Меркурио» неустанно повторяла, что национализация и установление государственного контроля над производством бумаги означали бы конец свободе печати в Чили. Это был «хороший предлог» для оппозиции, и ее представители старались не упустить ни одной возможности, чтобы сыграть на нем. Правительство предложило выкупить акции бумажной компании. Однако газета «Меркурио» отказалась поместить правительственное объявление, обращенное к держателям акций, а представители оппозиции обратились к ним с призывом «не продавать свою свободу».

Осуществление экспроприации используемыми ранее методами сталкивалось со всевозрастающими трудностями. Серьезную озабоченность у правительства вызывала также возникшая среди мелких собственников паника, которую сеяли среди них враги Народного единства в связи с экспроприацией. Учитывая это, правительство решило внести в кон-

гресс законопроект, который предоставлял бы ему право национализировать предприятия определенного типа и размера. Законопроект, объявленный в октябре, давал правительству право национализировать только те предприятия, чей капитал превышал 14 миллионов эскудо по состоянию на 31 декабря 1969 года. Правительство сразу же заявило, что оно не собирается брать в свои руки все эти предприятия, что оно предлагает национализировать лишь 150 из них, оставив в частном секторе предприятия монополизированные и не имеющие первостепенного значения.

Внесли свой законопроект и христианские демократы. В соответствии с ним по каждому акту национализации требовалось принятие отдельного законодательства. Это означало, что правительство уже не могло экспроприировать предприятия на основании уже имеющихся законов и что полномочия решать вопросы о национализации перейдут к конгрессу. По этому законопроекту все решения о переводе предприятий в общественную сферу (государственный сектор), принятые после 14 октября 1971 года и не санкционированные законодательством, утвержденным согласно этой новой поправке, будут считаться «недействительными». Эта статья давала поправке обратную силу; в результате правительству пришлось бы вернуть прежним владельцам банки и другие предприятия, приобретенные до 14 октября, включая те, которые были выкуплены.

Переговоры между правительством и оппозицией по вопросу о принятии законодательства, дающего право на национализацию, и определении трех сфер собственности зашли в тупик. В декабре Альенде составил список, включив в него только 91 предприятие, которое должно перейти под государственный контроль, однако эта попытка пойти на компромисс не принесла успеха. Конгресс отказался принять законопроект, выдвинутый Народным единством, а президент наложил вето на поправку к конституции, принятую конгрессом.

В июне 1972 года представители Народного единства и ХДП провели переговоры с целью определить возможности выработки взаимоприемлемого законодательства. Христианские демократы настаивали на том, чтобы по крайней мере четыре банка и бумажная компания остались в частном секторе. В конце июня переговоры были прерваны.

Еще до срыва переговоров ведущий теоретик по юридическим вопросам в Народном единстве Эдуардо Новoa следующим образом охарактеризовал сложившееся положение: «Для того чтобы иметь возможность действовать, правительство должно было пустить в ход ряд юридических распоряжений, о

которых почти забыли. Однако, после того как они были максимально использованы, наступил момент, когда уже не осталось никакого правового механизма, с помощью которого можно идти дальше... Даже те немногие правовые механизмы, которые позволили бы более чем умеренное осуществление программы Народного единства, сводились на нет»¹⁴.

Трудности с решением вопроса о национализации особенно усилились в тот момент, когда обострилась проблема инфляции. Обе эти проблемы являлись частью более общего кризиса, связанного с политическими затруднениями. Различные партии коалиции Народного единства и МИР, не входившее в нее, по-разному реагировали на кризис.

Коммунистическая партия считала, что следует «повернуть штурвал». «Особенность современного положения,— отмечал Орландо Мильяс,— состоит в том, что в соотношении сил произошел сдвиг не в пользу рабочего класса и правительства Народного единства вследствие ошибок, допущенных в политике и экономике... Было бы фатально продолжать увеличивать число наших врагов; напротив, мы должны идти на уступки и, по меньшей мере, контролировать определенные социальные слои и группы...» Нам следует не разглагольствовать, указывал Мильяс, по поводу отраслей, которые мы предлагаем перевести в государственный сектор в будущем, а улучшить управление и повысить эффективность работы тех, которые государство уже имеет¹⁵.

Социалистическая партия, состоявшая из ряда фракций, не имела единого мнения. Однако преобладала линия против передышки для консолидации; ее сторонники утверждали, что материальная база олигархии должна быть уничтожена. Только наступая, можно расширить власть народа. Если отрасль «стратегическая», ее необходимо перевести в общественную сферу.

Что касается мелких партий, входивших в Народное единство, то радикалы выступали за «консолидацию», тогда как МАПУ раскололась на две группы: одна из них поддерживала консолидацию, вторая — дальнейшее наступление.

МИР заняло самую крайнюю позицию, критикуя переговоры с христианскими демократами и любую политику уступок или передышки. Его генеральный секретарь Мигель Энрикес требовал «мобилизации масс... и усиления наступления на фабрики и крупные поместья». Он разделил левые силы на два течения: одно — реформистское, другое — революционное. Реформисты выступали против захвата фабрик и поместий и ослабляли революционный процесс. «Только наступая, можно найти революционное решение проблемы»¹⁶.

Альенде, как и представители коммунистической партии, считал, что необходимо изменить тактику. Средние классы должны быть «абсолютно уверены» в том, что программа Народного единства будет осуществляться в строгом соответствии с законом.

Часть рабочих призывала к «наступлению». В июне, когда переговоры с христианскими демократами еще продолжались, рабочие Серрильос-Майпу — промышленного пояса в Сантьяго — заняли несколько фабрик. Марши и демонстрации сопровождалась лозунгами: «Наступить без компромисса».

Какое место занимала национализация предприятий в чилийском революционном процессе? Какую роль она играла на различных этапах этого процесса? Каково ее значение в установлении контроля над экономикой и в решении проблемы завоевания всей полноты государственной власти?

Национализация предприятий, осуществленная Народным единством, должна рассматриваться как часть общего революционного процесса, и, как таковая, она имела огромное революционное значение. Если бы правительство Народного единства смогло продолжить свою деятельность и завоевать всю полноту государственной власти, эти национализированные предприятия обеспечили бы Чили освобождение от империалистической зависимости и заложили бы основы для экономического планирования, индустриализации и перехода к социализму. С политической точки зрения их роль неизмерима. Переход из рук иностранцев в собственность Чили ее меди, селитры и железной руды, взятие в свои руки монополистических оплотов доморощенной олигархии, таких, как компании Эдвардса и Ярура, попытка создать банковскую систему, которая служила бы интересам народа, отвечали глубочайшим устремлениям большинства чилийцев — и народ должен был откликнуться на них.

Национализация предприятий дала в руки правительству важные рычаги экономической власти. Когда правительство Народного единства пришло к власти, государство владело предприятиями, дававшими 10% промышленного производства. К середине 1972 года принадлежавшие государству предприятия выпускали 40% всей продукции, производимой в стране. Национализация меди, селитры и железной руды обеспечила правительству контроль над 90% экспорта. Переход к государству банков дал ему возможность распоряжаться кредитом и усилил контроль, который оно уже имело, над валютными операциями. Переход к государству любого предприятия означал, что частный сектор уже не сможет использовать его в целях саботажа.

И все же государство было еще далеко от такого контроля над экономикой, какой оно имеет в социалистическом государстве. В некоторых отношениях он был даже меньше, чем у большинства капиталистических правительств. Причина была проста: Народное единство не владело всей полнотой государственной власти. Оно даже не контролировало конгресс.

Национализация сама по себе не могла решить проблемы установления контроля над всей чилийской экономикой. Во-первых, правительство не могло национализировать все частные предприятия, в частности тысячи мелких цехов и магазинов розничной торговли. Даже если бы оно выполнило свою программу-максимум, 40% промышленности и еще большая часть розничной торговли по-прежнему оставались бы в частных руках. Кроме того, экономика — это нечто большее, чем группа предприятий, и чтобы контролировать ее, необходимо больше, чем национализировать эти предприятия.

Для того чтобы действительно контролировать национализированные предприятия, необходима власть, позволяющая создать соответствующий государственный орган, который управлял бы ими, — министерство промышленности. Для того чтобы капиталистическую банковскую систему превратить в социалистическую, необходима власть, позволяющая реорганизовать многочисленные индивидуальные банки в единую унифицированную систему. Правительство Народного единства, не имевшее контроля над конгрессом, не могло этого сделать.

Для того чтобы управлять всей экономикой, необходима власть над ее финансами, налогами, государственными расходами, шкалой заработной платы и валютной. Во всех этих областях власть правительства была частичной. Особенно слабой была она в налоговой сфере, и поэтому оно имело мало возможностей для борьбы с инфляцией.

Для того чтобы управлять экономикой в классовом обществе с антагонистическими интересами, необходима поддержка судебной системы и вооруженных сил. Экономика современных государств, в том числе слаборазвитых, — это сложный и тонкий механизм. Есть различные социальные группы, способные нанести ей ущерб, нарушить ее ход и блокировать ее крупные сектора. Даже в обычных обстоятельствах правительствам часто трудно контролировать их, не прибегая к юридическим санкциям или к применению силы. Для правительства Народного единства эта проблема была бесконечно более трудной. Его смертельные враги осуществляли глобальную стратегию, чтобы свергнуть правительство. ЦРУ стремилось

спровоцировать различные группы использовать свою власть и не просто вырвать экономические уступки, а расстроить экономику, создать хаос. Правительство не могло рассчитывать на поддержку судов, полиции или вооруженных сил в борьбе против этих групп.

Борьба с оппозицией по вопросу национализации имела важное значение, однако в конечном итоге она не была решающей. Настаивать на том, что национализацию следует проводить как «наступление», без передышки и без компромиссов, с тем чтобы «власть народа могла быть расширена», а «материальная база олигархии» уничтожена, значило создавать замешательство и усиливать заблуждение относительно того, что коренная проблема власти может быть решена этим путем. Тем временем империалисты, располагающие колоссальными ресурсами, снабжали бы деньгами оппозиционные политические партии и газеты и плели бы заговоры среди офицеров вооруженных сил.

Решающие поля битвы — это те, которые могли бы оказывать самое прямое и сильное воздействие на борьбу за всю полноту государственной власти. Другими словами, на борьбу за укрепление позиций правительства Народного единства, а именно на идеологическую борьбу, чтобы повысить революционное сознание рабочих; на борьбу за завоевание союзников или, по крайней мере, за нейтрализацию возможных противников; на борьбу за вооруженные силы. Таковы были поля сражений, которые могли бы в наибольшей степени повлиять на соотношение сил, вовлеченных в борьбу за выживание или за государственную власть.

Национализация предприятий была частью общей борьбы, и ее влияние следует рассматривать на фоне этой борьбы. Если на определенном этапе революционного процесса дальнейшая национализация могла принести больше вреда, чем пользы, если она вела к потере Народным единством потенциальных союзников, если она усложняла отношения со сторонниками конституционных действий в вооруженных силах, если она могла быть осуществлена только такими средствами, которые привели бы к созданию политического климата, выгодного заговорщикам, готовящимся к осуществлению переворота, в таких условиях выбор один — прекратить на время национализацию.

К середине 1972 года проблема национализации намного отличалась от той, которая имела место, когда Народное единство только начало брать предприятия в свои руки. Тогда это был вопрос национализации основных отраслей, где господствовал иностранный капитал, и огромное большинство чилий-

цев поддерживали ее. Сейчас же мнения по вопросу о национализации разделились. Если национализацию можно осуществить только незаконным путем, то общественность возражала против нее. Та национализация, которую правительство смогло осуществить до середины 1972 года, имела несравненно большее значение, чем любая национализация, которую оно могло надеяться осуществить после этого: увеличение государственного контроля над промышленным производством с 40 до 50% — это не то же самое, что увеличение его с 10 до 40% или установление контроля над медной промышленностью Чили и ее банковской системой.

Отказ от дальнейшей национализации в середине 1972 года позволил бы правительству сконцентрировать внимание на более важной в тот момент экономической проблеме, чем национализация, а именно на контроле над инфляцией. Переход к обороне в вопросе национализации вовсе не означал, что правительству пришлось бы перейти к обороне по всем вопросам. Например, оно могло перейти в наступление на идеологическом фронте.

На конференции руководителей Народного единства в Ло Курро была сделана попытка прийти к согласованной политике в области национализации. Перестановки в кабинете министров, следовавшие за этой конференцией, свидетельствовали о том, что Народное единство не будет добиваться осуществления своей программы в области национализации столь же настойчиво, как прежде. Однако, принимая во внимание несогласие МИР, не входившее в Народное единство, и сочувствие к его позиции со стороны определенных сил в социалистической партии и в МАПУ, трудности остались.

Таким образом, проблема национализации в Чили прошла через два этапа. На первом этапе правительство Народного единства добилось огромных успехов. С политической точки зрения это непреходящие достижения. Чилийский народ никогда не забудет правительство, которое показало, что оно выполняет свои обещания, правительство, которое повело борьбу за изъятие чилийских ресурсов у иностранных монополий и приступило к строительству социализма. Однако второй этап характеризуется разногласиями между партиями Народного единства и с МИР. Второй этап показывает сложности проблемы управления, когда у власти стоит коалиция, не имеющая единой стратегии.

ЗЕМЕЛЬНАЯ
РЕФОРМА

Тот факт, что правительство Народного единства не обладало всей государственной властью и даже не имело большинства в конгрессе, определял и характер земельной реформы, которую оно могло осуществить. У правительства просто не было возможности провести такой закон о реформе, который оно считало необходимым, и оно могло либо действовать на основании закона, принятого еще при правительстве христианских демократов, либо внести новый законопроект в конгресс, находившийся в оппозиции к правительству. Правительство решило использовать старый закон. Жак Чончоль, первый министр сельского хозяйства в правительстве Народного единства, так объяснял причины, побудившие правительство принять подобное решение: «Внесение любых изменений в такой сложный и противоречивый закон, как закон об аграрной реформе, неизбежно потребовало бы проведения многомесячных обсуждений, что парализовало бы процесс осуществления аграрной реформы и вызвало бы глубокое разочарование у крестьян, которые требовали ускорить проведение реформы. Считалось также, что при наличии желания можно использовать существующий закон более эффективно, чтобы ускорить процесс проведения аграрной реформы»¹.

Помимо закона об аграрной реформе 1967 года правительство Народного единства унаследовало также и правительственный аппарат, занимавшийся вопросами сельского хозяйства, который сформировался еще при прежних правительствах. Управлять этим аппаратом было исключительно трудно. Сельским хозяйством занималось двадцать одно ведомство, подчиненное пяти министерствам. Кредиты асентамьенто предоставлялись «Корпорацией аграрной реформы» (КОРА), Институтом развития сельского хозяйства (ИНДАП), «Корпорацией промышленного развития» (КОРФО), Государственным банком и многими другими организациями. (Я столкнулся с большими трудностями, когда попытался получить в Центральном банке самые элементарные статистические данные относительно предоставления сельскохозяйственных кредитов.)

Кроме старых организационных форм сохранился и старый персонал, назначенный еще правительством Фрея и предыдущими администрациями. Многие сотрудники этого аппарата представляли интересы землевладельцев, а другие разделяли взгляды христианских демократов на проблемы сельского хозяйства. Правительство Народного единства не могло, если не считать возможность принятия нового законодательства, изменить организацию государственных органов: по закону у него не было права увольнять старые кадры, за исключением высших чиновников.

Христианские демократы разработали свою земельную реформу с целью предотвратить революцию; правительство же Народного единства, наоборот, нуждалось в такой реформе, которая содействовала бы развитию революции. Важно было попытаться использовать земельную реформу для решения проблемы власти. Народному единству необходимо было повернуть вспять процесс расслоения крестьянства, начатый христианскими демократами, и объединить все низшие слои крестьянства в единую революционную силу, которая вместе с рабочим классом города и союзниками из средних классов могла бы стать базой социалистической революции.

Чтобы крестьянство превратилось в объединенную революционную силу, Народному единству необходимо было провести такую земельную реформу, которая дала бы ощутимую выгоду не незначительному меньшинству крестьян, а основной их массе. Но как это сделать? Разработать предложения об изменениях в земельной реформе, чтобы улучшить ее и расширить область ее применения, было нетрудно. Однако проблема состояла в том, чтобы найти средства, с помощью которых правительство, обладая ограниченной властью, могло бы провести реформу в жизнь. Существо предлагаемой Народным единством аграрной реформы изложено в его программе и в приложенном к ней заявлении «Двадцать основных пунктов аграрной реформы»:

«Аграрная реформа задумана как процесс, протекающий одновременно с процессом других преобразований в общественной, политической и экономической структурах страны и дополняющий его. Таким образом, осуществление аграрной реформы неразрывно связано с проведением общего политического курса. Она будет предусматривать не только экспроприацию всех латифундий, передачу земли крестьянам, предоставление им технической помощи и кредитов... но также и преобразование отношений между производством и рынком с целью обеспечения продажи и покупки продукции, необходимых для того, чтобы крестьяне могли существовать и произво-

доть. Продажа и обработка сельскохозяйственной продукции должны находиться в руках государства, или крестьян, или потребительских кооперативов».

Народное единство обещало ускорить экспроприацию земельных владений, превышавших установленный максимальный размер. Оно разъясняло также, какие изменения предлагает внести в реформу, которая осуществлялась христианскими демократами:

«Действие аграрной реформы будет распространено на средних и мелких фермеров, владельцев минифундий, наемных рабочих, издольщиков и поденщиков, на которых до этого реформа не распространялась...

Аграрная реформа будет проводиться не от фермы к ферме, а по зонам, причем в каждой зоне участие в производительном труде будет гарантировано для всех крестьян...

В некоторых... случаях земля будет предоставлена мелким фермерам, сельским жителям, издольщикам и квалифицированным сельскохозяйственным рабочим.

Не будут подвергаться экспроприации только мелкие и средние фермеры. А из крупных фермеров право на получение земельных резервов получают только те, чей социальный и экономический вклад в развитие сельскохозяйственного производства и в улучшение условий жизни в сельских районах будет признан крестьянами. Предоставление этого права не означает, что землевладельцы сами будут определять, какая земля подлежит включению в резерв. Производственные фонды (семена, материалы, скот, машины и оборудование) будут также экспроприироваться, с тем чтобы вновь возникшие фермы с самого начала имели средства, необходимые для их функционирования...

Будет обеспечена защита прав коренного индейского населения, которому угрожала узурпация их земель, а также будет обеспечено предоставление достаточного количества земли и соответствующей технической помощи и кредитов народности мапуче и другим группам местного населения».

Народное единство сознавало недостатки земельной реформы, проводимой христианскими демократами. Однако могло ли оно, не имея всей полноты власти, осуществить земельную реформу, которую предлагало? Старый закон о земельной реформе не давал возможности Народному единству осуществить свои намерения. Земля — ключевой вопрос в любой реформе, которая проводится в интересах основной массы крестьян. Народному единству необходимо было установить контроль над всей землей, которую подлинно социалистический закон о земельной реформе мог бы подвергнуть экспроприа-

ции. Оно также должно было иметь возможность распределить эту землю среди всех крестьян, которые нуждались в ней.

Принятый христианскими демократами закон, установивший высокий — 80 базовых гектаров — лимит не подлежащей экспроприации земли, предусматривавший сохранение для помещиков земельных резервов и предоставлявший преимущества в деле распределения экспроприированной земли крестьянам, постоянно жившим в данных хозяйствах, не позволял Народному единству получить в свои руки всю необходимую землю и распределить ее таким образом, чтобы решить проблему сезонных сельскохозяйственных рабочих, минифундистов и индейцев. Закон ограничивал деятельность правительства Народного единства не только в отношении распределения земли, но и в других вопросах. Заявление о том, что экспроприация распространится и на производственный капитал, было законным намерением, однако его практическое осуществление требовало изменения закона о земельной реформе.

Главным пунктом программы Народного единства, который могло осуществить правительство в рамках существовавшего закона, являлось проведение мероприятий, направленных на ускорение экспроприации земли. Правительство прилагало огромные усилия, чтобы реализовать этот пункт программы. От него требовали скорейшего проведения экспроприации. Нетерпение крестьян, подогреваемое также действиями христианских демократов, выливалось через край. С приближением выборов 1970 года во много раз возросло количество случаев захвата земли, особенно в провинции Каутин, где застрельщиками этих действий выступали члены МИР. Не успело правительство Народного единства приступить к выполнению своих обязанностей, как оно столкнулось с щекотливой проблемой — что делать с нелегальным захватом земли. Правительство не хотело применять силу против революционного крестьянства, однако беспорядки в деревне наносили ущерб генеральной стратегии правительства и играли на руку оппозиции в ее стремлении создать впечатление о росте анархии.

Жак Чончоль через несколько недель после назначения его министром сельского хозяйства перенес свою штаб-квартиру в Темуко, столицу провинции Каутин, с тем чтобы лично руководить «ускоренным проведением в жизнь» аграрной реформы. Правительство объявило, что в 1971 году оно экспроприрует 1000 латифундий и планирует в течение двух-трех лет ликвидировать в Чили все латифундии.

В действительности же экспроприация осуществлялась бо-

лее быстрыми темпами, чем предусматривалось указанными сроками. К концу 1971 года правительство Народного единства экспроприировало 1379 земельных владений — почти столько же, сколько экспроприировали христианские демократы (1408 владений) за все шесть лет пребывания у власти². К концу июня 1972 года правительство экспроприировало еще 1904 поместья, что практически означало конец частной собственности на земельные владения размером свыше 80 базовых гектаров³.

Несмотря на ускорение темпов экспроприации, захваты земель продолжались. В 1971 году было 1278 таких случаев по сравнению со 148 в 1969 году⁴. Особенно много случаев захвата земель отмечалось в некоторых южных провинциях, где жили индейцы-мапуче, помнившие, что их предки владели этой землей, и где процент владений, превышавших 80 базовых гектаров, был ниже, чем в других районах. Земельный голод среди сельской бедноты носил особо острый характер, и часто мапуче захватывали владения, имевшие слишком маленькие размеры, чтобы на них могла распространяться земельная реформа.

Волна захватов земли охватила не только юг — она докатилась до самого Сантьяго. Группа крестьян, связанная с сельской организацией, носившей название «Власть крестьянам», которая поддерживала правительство Народного единства, захватила поместье «Санта Елена», недалеко от Мелипилли, расположенное в 35 милях от столицы. «Мы не хотим больше терпеть никаких проволочек», — заявил руководитель группы корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс» Хуану де Онис⁵.

Не всегда захваты поместий имели целью получить землю. Иногда крестьяне занимали какое-то поместье для того, чтобы заставить помещика удовлетворить определенные экономические требования, например выплатить семейные пособия, на которые они имели право. Иногда же крестьяне участвовали в захвате поместий, чтобы продемонстрировать солидарность с действиями других крестьян.

Если даже захваты поместий не всегда преследовали цель получить землю, они сами по себе являлись подлинно революционным движением, аналогичным движению крестьянства в периоды Великой французской революции или русской революции 1917 года. Если бы ситуация в Чили была другой, задача всех революционеров состояла бы в том, чтобы поддерживать действия крестьян, то есть поддерживать земельную реформу снизу. Однако захваты поместий в Чили нельзя рассматривать изолированно, с точки зрения какой-то другой революции; необходимо исходить из того, что они являлись частью

революционной борьбы в Чили. При определении отношения к такому явлению, как захват земли, следует учитывать условия конкретной революции, содействует ли он революционному процессу или ослабляет его, помогает ли он укреплению революционной власти или оказывает обратное воздействие. Захват земли в Чили, в отличие от захвата земли крестьянами в России весной 1917 года, не был результатом действий объединенного крестьянства, составляющего подавляющее большинство населения и поддержанного уже перешедшей на сторону революции и состоявшей в основном из крестьян армией. В Чили борьба в деревне, которую мог вызвать захват земель, играла бы на руку врагам революции, а не Народному единству.

Помещики и их союзники выступили против земельной реформы Народного единства с еще большей яростью, чем против земельной реформы правительства Фрея. В первые месяцы после избрания Альенде президентом некоторые помещики продавали на мясо породистых быков-производителей и стельных коров, а некоторые перегоняли целые стада скота через Анды в Аргентину. Газета «Меркурио» изо всех сил старалась показать, как в результате политики Народного единства когда-то мирные сельские районы Чили охватила волна беспорядков и хаоса. Изо дня в день на страницах газеты печатались рассказы о том, как одна женщина покончила с собой на другой день после захвата ее поместья или как с одним сельским хозяином случился инфаркт в момент, когда его поместье подвергалось экспроприации. Время от времени кто-то из оппозиционных членов конгресса заявлял, что некоторые южные провинции находятся «в состоянии анархии».

В Каутине группа землевладельцев создала организацию, назвав ее «Белая гвардия». По сообщению корреспондента лондонского журнала «Экономист», эта группа имела в своем распоряжении «около 60 автомашин» и «около 600 мелких фермеров были готовы к совместным выступлениям. Они использовали также небольшую группу наемников — в большинстве своем безработных батраков, которые знали, как обращаться с оружием»⁶.

Помимо принятия мер по ускорению экспроприации земель Народное единство попыталось взамен асентамьенто ввести новую форму организации крестьян в деревне — центры аграрной реформы (СЕРА). Правительство надеялось, что с помощью СЕРА ему удастся исправить те недостатки в земельной реформе, которые были вызваны созданием асентамьенто. Предполагалось, что центры будут образованы не в каждом поместье, а объединят группу поместий в количестве, необхо-

димом для организации производства. Членство в СЕРА должно было носить более широкий характер: членами центров могли быть не только крестьяне, которые жили в поместье, но все, кто работал в поместье, независимо от того, где жили они, и не только главы семейств, а все работающие — мужчины и женщины, достигшие 16 лет. СЕРА могли нанимать временных рабочих, но эти рабочие имели право участвовать в принятии всех решений. По мере увеличения капиталовложений и расширения производства в центры могли быть приняты новые рабочие. В брошюре, которая была издана для разъяснения крестьянам целей и задач центров, указывалось, что «создание центров, объединяющих всех рабочих и предоставляющих им равные права, приведет к ликвидации эксплуатации одних крестьян другими и, таким образом, откроет путь для утверждения социалистической системы в сельском хозяйстве». Правительство приступило к организации центров во вновь экспроприированных поместьях в третьем квартале 1971 года и надеялось, что существующие асентамьенто также удастся преобразовать в центры.

Оппозиция немедленно выступила против этого мероприятия. Газета «Меркурио» и Рафаэль Морено, бывший высокопоставленный чиновник, руководивший осуществлением земельной реформы при режиме Фрея, начали кампанию против создания СЕРА. Цель этих организаций с невинным названием, утверждала оппозиция, — установление в деревне системы государственной собственности, а введение государственной собственности означает, что крестьяне не получают землю, которую они ждут. Крестьяне горько потом пожалеют, если допустят установления над собой власти нового хозяина — государства. Палата депутатов провела слушания по вопросу создания СЕРА, во время которых депутаты оппозиции поставили под сомнение законность этих организаций.

Так же как и в случае с национализацией, некоторые представители коалиции Народного единства хотели провести организацию СЕРА как можно более быстрыми темпами, не учитывая существовавших условий и политических последствий этого мероприятия. Они не принимали во внимание, готовы ли крестьяне к созданию СЕРА, для них важно было одно: центры по своему характеру были «более социалистическими» организациями, чем асентамьенто.

Иногда слишком усердные чиновники пытались навязать крестьянам новые порядки, которые являлись нарушением давно завоеванных ими прав. Например, делались попытки ограничить количество голов скота, которое крестьяне могли бесплатно пасти на принадлежавших фермам пастбищах,

одной головой. Пропаганда, проводившаяся оппозицией против СЕРА, оказала влияние на некоторую часть крестьян. Во время слушания в конгрессе вопроса о СЕРА между группами крестьян,— теми, кто выступал против создания центров, и теми, кто поддерживал их организацию,— прибывавшими в Сантьяго и устраивавшими перед зданием конгресса демонстрации, часто происходили столкновения.

Когда правительство убедилось, что многие крестьяне относятся к СЕРА с недоверием или выступают против них, оно выдвинуло идею создания третьей формы организации крестьян — крестьянских комитетов по проведению земельной реформы. Эти комитеты предполагалось создавать там, где крестьяне не были еще готовы к организации СЕРА, и их цель состояла в том, чтобы путем постепенного претворения в жизнь принципов СЕРА подвести крестьян к необходимости их создания.

Правительство ввело также четвертую форму организации крестьян — производственные центры, своего рода госхозы. Эти центры планировалось создать на таких фермах, которые благодаря концентрации в них капитала и техники были особенно важны для сельского хозяйства, как, например, гигантские скотоводческие ранчо на дальнем юге.

Усилия правительства, направленные на то, чтобы изменить организацию производственных объединений реформированного сектора сельского хозяйства, оказались безуспешными. Те крестьяне, которые добились привилегий в результате введения системы асентамьенто, не жаждали вступать в СЕРА⁷. В 1971 году было создано только 25 центров СЕРА по сравнению с 246 асентамьенто и 628 крестьянскими комитетами⁸. В 1972 году было организовано 238 СЕРА — в шесть раз меньше, чем асентамьенто и крестьянских комитетов. Было создано лишь очень небольшое количество действительно эффективных производственных центров. И СЕРА, и крестьянские комитеты, и даже некоторые производственные центры на практике мало чем отличались от асентамьенто.

Несмотря на то что в программе Народного единства предусматривалось проведение земельной реформы по зонам, правительство обычно оказывалось неспособным объединить два или больше поместий в новое производственное подразделение. Закон отдавал предпочтение созданию производственных организаций по поместьям, и крестьяне одного поместья обычно выступали против объединения с крестьянами других поместий. Поскольку СЕРА в период своего создания принимали в число своих членов как женщин, так и мужчин, не проживавших на территории поместья, по своему составу они были

шире, чем асентамьенто. Но после того как СЕРА были созданы, их члены, подобно членам асентамьенто и крестьянских комитетов, не желали принимать в состав своих объединений новых людей.

Перед правительством стояла проблема, вызывавшая особое его беспокойство, — осуществление земельной реформы среди индейцев-мапуче. Многие мапуче с недоверием относились ко всем «белым» чилийцам, независимо от их политической принадлежности, и не ждали многого от земельной реформы, проводимой правительством в Сантьяго. «Мы знаем нашу землю, — говорили мапуче, — и мы хотим сами решать, какое поместье следует экспроприировать, и не хотим зависеть от находящихся далеко от нас бюрократов». Представители правительства, говорившие им о законе, не вызывали у них доверия: мапуче по своему опыту знали, что закон служит для того, чтобы грабить их.

Мапуче были правы, когда критиковали закон о земельной реформе: реформа, проводимая на основании этого закона, не предусматривала выделения достаточного количества земли для того, чтобы обеспечить ею всех, а не только небольшую часть бедняков мапуче, безземельных безработных и минифундистов, имевших слишком маленькие наделы, чтобы прокормить семью. Однако, несмотря на всю справедливость требований мапуче и важность вовлечения их в революционный процесс, правительство не могло позволить индейцам-мапуче проводить земельную реформу в соответствии со своими представлениями. Правительство могло сделать для них все возможное только в рамках существовавшего закона и надеяться на то, что в будущем оно будет иметь такую власть, которая позволит оказать индейцам-мапуче большую помощь.

Короче говоря, хотя правительство Народного единства и сумело ликвидировать поместья, превышавшие по своим размерам 80 базовых гектаров, оно оказалось не в состоянии решить проблему охвата земельной реформой более широких масс. Большинство бедных крестьян — сезонные рабочие, минифундисты, а также индейцы-мапуче — не получили землю. Солон Барраклог и Альмино Альфонсо, анализируя ход реализации земельной реформы в период с ноября 1970 года до июня 1972 года, отмечали: «Только 12% занятых в сельском хозяйстве получили прямую выгоду от земельной реформы в форме прав на экспроприированную землю. Безработица и неполная занятость в сельскохозяйственном производстве по-прежнему остаются серьезной проблемой»⁹.

Больше того, хотя проведенная правительством экспроприация земли и привела к ограничению экономической власти

класса помещиков, однако она не ликвидировала ее полностью. В июле 1972 года поместья от 40 до 80 базовых гектаров занимали 27% всей земли, а поместья от 20 до 40 гектаров — 12%¹⁰. Более 50% всей сельскохозяйственной продукции, поставляемой на рынок, поступало от поместий указанных двух категорий. Значительная часть владельцев этих поместий была настроена враждебно к правительству Народного единства. Многие из них сохранили свою землю только потому, что при правительстве Фрея они поделили свои поместья между членами своих семей, чтобы избежать экспроприации. Другие были владельцами экспроприированных поместий, у которых остались только резервы.

Экспроприация больших поместий и раздача земли были не единственными мероприятиями, которые провело правительство Народного единства в интересах крестьян. Оно, в частности, проводило такую политику в области заработной платы и цен, от которой непосредственно выигрывали крестьяне. В 1971 году в рамках своей политики стимулирования развития экономики и перераспределения доходов правительство повысило минимальную заработную плату сельскохозяйственным рабочим. При регулировании цен оно также учитывало прежде всего интересы сельского хозяйства. Заставляя промышленные предприятия сдерживать рост цен и покрывать за свой счет расходы на увеличение заработной платы, правительство разрешало повышать цены на сельскохозяйственную продукцию. «В 1971 году цены на сельскохозяйственную продукцию выросли на 25%, а на промышленные товары — только на 15%, и регулирование цен, проведенное в январе и феврале 1972 года, сохранило эту тенденцию»¹¹.

Правительство Народного единства увеличило объем кредитов, направляемых в сельское хозяйство. Значительная часть этих кредитов фактически представляла собой субсидии, ибо они носили либо безвозвратный характер, либо возмещались в обесцененных бумажных деньгах. Некоторая часть кредитов впервые была предоставлена мелким фермерам. Однако политика кредитов страдала тем же недостатком, что и вся земельная реформа, — кредиты предоставлялись, в основном, асентамьенто, и, таким образом, выгоду получила только незначительная часть крестьян.

Правительство осуществило такие изменения в рыночной структуре сбыта сельскохозяйственной продукции, которые могли бы в конечном счете принести большой выигрыш крестьянам. Раньше рынок контролировали посредники, которые выжимали все из мелкого фермера. Правительство организовало через государственные агентства закупку у крестьян

пшеницы, кукурузы и других продуктов, тем самым обеспечивая сбыт их продукции по разумным ценам.

Правительство Народного единства, хотя оно и не могло осуществить такую земельную реформу, которую хотело бы, будь у него достаточно власти, все же добилось политического влияния среди крестьян. Простое ускорение темпов проведения экспроприации явилось большим шагом вперед и вселило в крестьян чувство уверенности в будущее. Это чувство было усилено ростом доходов крестьян, что явилось результатом политики правительства в области заработной платы и цен. Большинство бедных крестьян понимали, что, несмотря на все недостатки проводимой правительством земельной реформы, это было их правительство, которое стремилось сделать для них все возможное. Политические успехи сказались на составе профсоюзов, объединявших крестьян. Число членов профсоюзных крестьянских конфедераций, находившихся под влиянием Народного единства, увеличилось вдвое по сравнению с общим числом членов профсоюзов: с 31% в 1970 году до 62% в апреле 1972 года. Процент членов профсоюзов, входивших в конфедерации, руководимые христианскими демократами, упал за тот же период с 66 до 37%¹².

Однако влияние оппозиции в сельских районах оставалось все еще значительным. Членами крестьянских профсоюзов являлись главным образом наемные рабочие, члены асентаменто, а также минифундисты. Христианские демократы пользовались поддержкой 37% членов этих профсоюзов, сохраняя там сильные позиции. В некоторых же провинциях более половины членов профсоюзов входило в конфедерации христианских демократов. Среди средних и крупных землевладельцев влияние оппозиции было несравненно более высоким, чем среди трудящихся масс.

Несмотря на все трудности, вызванные захватом и экспроприацией земель, а также на проблемы, связанные с созданием новых производственных объединений в сельском хозяйстве и организацией их работы, в 1971 году наблюдался рост сельскохозяйственного производства. Институт подготовки кадров и исследований для аграрной реформы, созданный совместно правительством Народного единства и Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН, установил, что сельскохозяйственное производство в 1971 году возросло на 5% по сравнению с 1970 годом. Производство продуктов животного происхождения — говядины, баранины, свинины, птицы, молока, яиц — осталось в 1971 году приблизительно на том же уровне, что и в 1970 году, причем сокращение производства говядины и баранины компенсировалось увеличением производ-

ства другой животноводческой продукции. Производство же зерновых и овощей, включая пшеницу, кукурузу, ячмень, картофель, бобы и т. д., выросло в 1971 году более чем на 10%¹³.

Однако к концу года значительно усилилось воздействие инфляции на сельскохозяйственное производство. Потенциально проблемы, которые она вызывала, носили очень серьезный характер. Инфляция и черный рынок могли явиться не только причиной таких ненормальных явлений, как скармливание скоту пшеницы и молока, но также вызвать трудности в укреплении союза между рабочими и крестьянами, столь необходимого для успеха революционной борьбы. В обычных условиях крестьяне отнеслись бы благожелательно к государственным закупочным агентствам, которые обеспечивали им гарантированный рынок сбыта продукции по хорошим ценам. Однако как они могли относиться к агентствам, когда черный рынок предлагал им цены в несколько раз выше? Как могло правительство помешать крестьянам, особенно тем, кто симпатизировал оппозиционным партиям, продавать свою продукцию на черном рынке? Какие принудительные меры могло оно применить?

К середине 1972 года сложилась такая ситуация: правительство было близко к завершению экспроприации, которую осуществляло на основании существовавшего закона, но у него не было никакой возможности добиться утверждения нового закона. Правительство пыталось распространить действие земельной реформы на большее количество людей путем изменения организации производственных объединений, однако из-за сопротивления тех крестьян, которым была выгодна организация типа асентамьенто, ему не удалось добиться заметного успеха. Действия правительства привели к ослаблению экономической власти класса землевладельцев, однако крупные и средние землевладельцы, большинство из которых было настроено против правительства, все еще контролировали половину производства сельскохозяйственной продукции, поступавшей на рынок. Хотя правительство пользовалось некоторым политическим влиянием среди низших слоев крестьян, однако влияние оппозиции в этой среде все еще сохранялось.

Перед правительством стояла чрезвычайно трудная задача — осуществлять управление сельским хозяйством, то есть поддерживать высокий уровень производства и упорядоченное распределение продуктов в условиях безудержно растущей инфляции и саботажа со стороны враждебных элементов.

II

ХОД РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ С НОЯБРЯ 1970 ГОДА ДО СЕРЕДИНЫ 1972 ГОДА

Провал заговора Вио — Валенсуэлы в связи со смертью Шнейдера ослабил «актив» ЦРУ среди вооруженных сил Чили. Этот «актив» не мог, даже если бы мобилизовал все свои силы, организовать успешный переворот. Участники заговора находились под следствием. Некоторые из ведущих агентов ЦРУ среди военных вынуждены были уйти в отставку, а те, кто остался, оказались не у дел вследствие провала заговора, проводившегося расследования и устранения их лидеров. ЦРУ нуждалось в новом, дополнительном «активе». Оно приступило к осуществлению, по свидетельству доклада сенатской комиссии США, «тайной операции в Чили», то есть к «восстановлению агентурной сети среди осторожных чилийских военных»¹.

Вынужденный уход в отставку ряда военных руководителей в результате осуществленной Альенде смены главкомандующих родами войск не очистил, однако, армию от всех, кто был замешан в подготовке заговора. Еще в меньшей степени это коснулось тех, кто не был непосредственно вовлечен в заговор, но оставался потенциальным заговорщиком. Альенде не принял мер — не использовал предоставленных президенту полномочий, чтобы убрать из армии всех потенциальных заговорщиков. Было ли это ошибкой? Мы должны стремиться к тому, чтобы, оценивая прошлое, не забывать о реальной обстановке, в которой возникали проблемы, о всех трудностях и риске, которые существовали в то время. Не всегда было легко выяснить, кто был заговорщиком, а кто нет. Чрезмерная или поверхностно организованная чистка могла вызвать трудности в отношениях с офицерским корпусом в целом, включая и тех, кто стоял на позициях соблюдения конституции. И все же: когда можно было продолжить чистку, если не тогда, когда попытка заговора служила ей оправданием и сами заговорщики находились в состоянии разброда? Неспособность к решительным действиям отражала не только реальные трудности и опасности, но и свидетельствовала об общей тенденции в деятельности правительства Народного

единства — тенденции избегать решительных действий, отдавая предпочтение внешне более безопасным мерам, и игнорировать постоянно возникающие возможности для ослабления позиций врагов Народного единства и усиления своих собственных.

Не только ЦРУ, но и все главные враги Народного единства в начале правления правительства Альенде находились в обороне, выжидали, а там, где было возможно, вели подготовку к наступлению. Они были готовы отступить и позволить провести некоторые акции, национализацию медной промышленности например. Однако одного они никогда бы не позволили — вооружить народ. За этим все враги Народного единства следили с неусыпной бдительностью.

Для иллюстрации приведу такой пример. Вскоре после принятия президентом присяги один не входивший в Народное единство местный деятель заявил, что во всех районах лагуч Сантьяго будет создана народная милиция. Пресс-секретарь Альенде по его поручению выступил с разъяснением, отметив, что «в соответствии со специальным указанием президента республики я категорически опровергаю это заявление»². Газета «Меркурио» похвалила Альенде за «новые заверения», которые «успокаивают общественное мнение», а затем перешла в наступление: несмотря на разъяснение, данное Альенде, возможность создания незаконной вооруженной организации нельзя сбрасывать со счетов, ибо существуют элементы, которые не верят, что глубокие преобразования можно осуществить в рамках закона, и надеются на «насильственную» революцию. Однако страна хочет положить конец насилию, и вся ответственность за поддержание общественного порядка ложится на правительство³.

Помимо проблем получения оружия и создания опоры в вооруженных силах перед противниками Народного единства стояли и общеполитические проблемы. Соответствующие меры приняли в этом плане и правящие круги США. Им нужна была широкая сеть агентов в организациях, игравших стратегическую роль в политической жизни, — в политических партиях, профессиональных союзах, профессиональных ассоциациях, студенческих организациях, и американские спецслужбы приступили к расширению и без того широкой сети агентов, доведя ее до небывалых размеров. Источники из разведывательных органов позже в беседе с корреспондентом «Нью-Йорк таймс» Сеймуром Хершом охарактеризовали всеобъемлющее проникновение в профсоюзы и профессиональные организации лишь как часть более широких усилий, направленных на проникновение во все сферы государственной

и политической жизни Чили. По словам указанных источников, к концу периода правления Альенде разведывательное управление США имело агентов и осведомителей во всех основных партиях, входивших в коалицию Народного единства, возглавляемую Альенде⁴.

Были предприняты быстрые меры, чтобы оказать помощь оппозиционным политическим партиям, поскольку на апрель были назначены муниципальные выборы и было очень важно не дать Народному единству возможность добиться больших успехов и укрепить свои политические позиции. 19 ноября 1970 года «Комитет 40-ка», по данным доклада «Тайная операция в Чили», выделил 725 тысяч долларов — эта сумма 28 января 1971 года была увеличена до 1240 тысяч долларов — «для приобретения радиостанций и газет и для поддержки кандидатов на муниципальных выборах и другой деятельности враждебных Альенде партий»⁵. Следует учесть, что, поскольку указанные доллары обменивались на эскудо на черном рынке, стоимость этой суммы в Чили увеличивалась во много раз.

Начали подготовку к выборам и оппозиционные политические партии внутри Чили. 12 и 13 декабря 1970 года Национальный совет христианско-демократической партии провел заседание с целью избрать новый исполком и определить политическую линию партии. Поскольку одно крыло партии решительно выступало против Народного единства, а часть симпатизировала Народному единству, перед христианами демократами встала проблема выработки единой линии. Чтобы сохранить единство и более эффективно претворять в жизнь стратегию партии, совет избрал председателем партии представителя центра. Новый председатель Нарсисо Ирурета так определил политическую линию партии: «Мы будем поддерживать инициативу правительства во всем, что носит позитивный характер, однако, если будут поставлены под угрозу фундаментальные ценности, мы будем безусловно выступать против»⁶.

Христианские демократы определили также свою основную тактическую линию. Покидавший пост председателя Бенхамин Прадо подверг нападкам правительство Народного единства за проведение «возмутительной и провокационной» кампании в печати, направленной против ведущих деятелей правительства Фрея. Лидеры христианских демократов, сознавая уязвимость Фрея и его приближенных, в течение всего периода правления Альенде должны были постоянно предпринимать меры с целью создания такого общественного климата, при котором любая критика бывшего прези-

дента и всех других, кто «с честью» выполнял свой долг на высоких постах, «расценивалась бы как достойная морально-го осуждения», даже если эта критика базировалась на фактах.

«Меркурио» постоянно анализировала деятельность христианских демократов. Выборная кампания вынудила соперничавшую с Народным единством партию прибегать к «социалистической фразеологии». Когда кампания закончилась, «силы, которые в условиях жесткой дисциплины вынуждены были поддерживать предвыборную платформу, вернулись на свои прежние позиции». Перед лицом опасных последствий, к которым могли привести «сокрушительное наступление» Народного единства и предстоящие муниципальные выборы в апреле, христианские демократы оставили в стороне свои внутренние разногласия. «Меркурио» добивалась создания объединенного фронта христианских демократов и других оппозиционных партий, но она понимала, что это нужно делать постепенно и осторожно: «Нельзя возлагать больших надежд на образование на муниципальных выборах объединенного фронта из разнородных сил, чьи доктрины столь очевидно различны. Можно лишь надеяться на то, что разобщенная оппозиция не будет растрачивать своих сил на взаимные нападки»⁷.

Тем не менее 7 января 1972 года председатель национальной партии Серхио Онофре Харпа выдвинул предложение об образовании объединенного фронта «всех немарксистских партий». Для начала, заявил он, его партия на дополнительных выборах в сенат в южных провинциях в апреле будет поддерживать единого кандидата, который не обязательно должен быть ее членом. Это предложение вызвало возражение многих христианских демократов. Руководитель молодежной организации христианских демократов Луис Бадилья заявил, что членам его организации не нужна поддержка национальной партии. «Когда вы одерживаете победу вместе с правыми, то фактически побеждают правые», — заявляли многие представители партии. Луис Майра, который потом уйдет из партии, писал, что, присоединившись к «гражданскому фронту, христианско-демократическая партия потеряла бы всякую законность своего существования в глазах тех широких слоев населения, которые составляют основу поддержки партии...»⁸. В ответ Харпа заявил, что он мог бы многое сказать про христианских демократов, но сейчас не время вспоминать старое и открывать дебаты, которые только усилят разногласия: «Интересы страны требуют объединения всех чилийцев, кто готов защищать свободу...»⁹.

Не только чилийцы предпринимали шаги к созданию единого фронта национальной и христианско-демократической партии. «В течение всего периода президентства Альенде,— указывается в докладе «Тайная операция в Чили»,— ЦРУ работало над тем, чтобы сколотить объединенную оппозицию. Значение этих усилий можно оценить, если учесть, что двумя основными силами, оппозиционными правительству Народного единства, были консервативная национальная партия и реформистская христианско-демократическая партия, многие члены которой поддерживали основные направления политики нового правительства»¹⁰.

Сенатор Рауль Моралес Адриасола из небольшой оппозиционной демократической радикальной партии, которого обвинили в участии в заговоре против Шнейдера, но которого не смогли привлечь к следствию, так как Верховный суд отменил решение суда низшей инстанции о лишении его парламентской неприкосновенности, разъяснил, чего может достигнуть объединенная оппозиция: «Если мы объединим голоса христианско-демократической партии, национальной партии и демократической радикальной партии, то в палате депутатов у нас будет большинство, достаточное для того, чтобы сместить со своих постов министров и даже президента республики. И в сенате у нас есть необходимое демократическое большинство... так что после решения палаты об отстранении министров мы смогли бы принять решение о снятии со своих постов и министров и президента»¹¹.

В дискуссию снова вступила «Меркурио»:

«Реакция некоторых членов парламента от христианских демократов была такой... будто положение в стране позволяет демократическим секторам общества вернуться к политической ситуации, существовавшей перед 4 сентября. Эта политическая ситуация коренным образом изменилась в связи с тем, что власть взяло в свои руки Народное единство, и с каждым днем становится все очевиднее, что предстоящая борьба развернется между демократическими элементами и теми, кто движется к установлению фактической диктатуры.

...Ясно, что объединение усилий и отказ от мелкого соперничества таких партий, как христианские демократы, национальная партия и радикальные демократы, с целью выражения настроений демократического большинства в стране будет служить лучшей гарантией сохранения свободы»¹².

Однако большинство лидеров христианских демократов считали преждевременным открытый союз с национальной партией. 20 января Ирурета заявил, что его партия не примет участия в формировании объединенного фронта, ибо намере-

на противостоять Народному единству с помощью «демократической и конструктивной оппозиции». Тем не менее газета христианских демократов «Ла Пренса» разъясняла, что хотя оппозиционные партии «и не готовы образовывать гражданский фронт... они должны действовать с сознательной ответственностью, чтобы совместно выступать в защиту демократического режима... А эта ответственность подразумевает создание обстановки для взаимодействия и отказа от мелочного сектантства, из-за которого невозможно осуществление необходимого единства в нужный момент»¹³.

Одновременно с попытками объединить свои силы оппозиция стремилась также внести раскол в ряды левых. Она хотела оторвать Альянсе от партий Народного единства, восхваляя его как демократа, который тщетно борется против тоталитарных планов марксистско-ленинских партий, против зловещих намерений коммунистической партии, «отдающей приказы» в коалиции Народного единства. Оппозиция предпринимала усилия с целью вызвать столкновения между Народным единством и МИР, ссоры внутри коалиции по поводу отношений с МИР.

«Меркурио» публиковала редакционные статьи, посвященные истории радикальной партии, в которых подчеркивались ее демократические традиции и связь со средними классами. Одновременно выражалось удивление по поводу того, как такая партия может сотрудничать с марксистско-ленинскими партиями. «Многие считают, что радикалы не останутся у власти (как часть Народного единства) ни одной секунды, если они придут к выводу, что Народное единство нарушает конституцию и закон»¹⁴. И снова вмешивается ЦРУ: оно, как указывается в докладе «Тайная операция в Чили», направило усилия на то, «чтобы вызвать раскол в коалиции Народного единства»¹⁵. Можно представить себе вездесущих агентов, распространявших «черную пропаганду», подстрекавших к заявлениям и действиям, способным вызвать раздоры и разногласия.

Как Народное единство намеревалось противодействовать маневрам и нападкам оппозиции? Прежде всего сохраняя свое единство и мобилизуя народ. В январе 1971 года в Сантьяго была проведена Национальная ассамблея партий Народного единства, на которой выступили представители всех шести организаций, входивших в коалицию. Ансельмо Суле из радикальной партии заявил, что само проведение ассамблеи является демонстрацией сплоченности Народного единства. Все выступавшие пришли к единому мнению: главная задача — мобилизовать народ. Представитель социалистиче-

ской партии Анисето Родригес и представитель коммунистической партии Володя Тейтельбойм призвали возродить деятельность 15 тысяч комитетов, созданных Народным единством в период предвыборной кампании. Представитель МАПУ Родриго Амброзио заявил, что Народное единство должно разоблачать перед народом деятельность христианских демократов, должно привлекать на свою сторону тех, кто поддерживает христианских демократов, особенно если партия будет следовать линии фракции Фрея. Он выступил с пророческой самокритикой, подчеркнув, что Народное единство «проявляет медлительность» в борьбе за мобилизацию масс ¹⁶.

Народное единство возлагало надежды также на свою осторожную, примиренческую политику в отношении вооруженных сил. Оно увеличило заработную плату военным, осуществляло программу улучшения их жилищных условий и привлечения офицеров к реализации планов развития южных провинций, но не вмешивалось в «профессиональные интересы» военных, например в военные соглашения с США.

Президент Альенде сам стремился поддерживать хорошие отношения с вооруженными силами, часто встречался с военными и участвовал с ними в различных мероприятиях. В марте он выступил на церемонии, посвященной годовщине создания чилийских ВВС, где заявил, что будет делать все необходимое, чтобы дать вооруженным силам возможность осуществлять «программу своего строительства в соответствии с проводимой в интересах народа политикой правительства, ибо вооруженные силы сами являются частью народа» ¹⁷. В апреле на церемонии вручения наград новым генералам и адмиралам Альенде говорил о «добровольном подчинении» вооруженных сил воле народа и призывал их принять участие в развитии экономики страны ¹⁸.

К вопросам, касавшимся вооруженных сил, оппозиция относилась с обычной бдительностью. После того как Альенде встретился с 1500 офицерами и рядовыми гарнизона Сантьяго, два члена конгресса от христианских демократов потребовали от председателя палаты депутатов обратиться к нему с просьбой объяснить, «с какой целью проводился указанный митинг...». Альенде ответил, что «вопросы, которые там обсуждались... я обсуждал в качестве главнокомандующего... и не собираюсь давать никаких объяснений кому бы то ни было» ¹⁹.

Как офицеры вооруженных сил реагировали на военную политику Народного единства? На этот вопрос трудно дать ответ. Некоторые из них, без сомнения, относились к Народному единству с симпатией. Даже потенциальные заговорщики внешне проявляли корректное отношение к правительству.

Генерал Альфредо Каналес, который проходил обучение в Форт-Ноксе (штат Кентукки, США) и в Панаме, вместе с Альенде и другими дал интервью для телевизионной программы, предназначенной для показа во Франции. Согласно сообщению Агентства Франс Пресс, Каналес «снова подтвердил традиционную политическую позицию армии, ВМС и ВВС». «Мы — сторонники конституции и закона, — заявил журналистам улыбающийся Каналес, — и хотя мы обучались во многих зарубежных странах, включая США, разведывательные службы этой страны не имеют никакого доступа к нашим вооруженным силам»²⁰. В сентябре 1972 года Каналес был уволен в отставку после неоднократных попыток организовать заговор.

В первые месяцы правления правительства Альенде число его сторонников увеличилось. Убийство Шнейдера привело к усилению поддержки, оказываемой народом правительству Народного единства. Оппозиция все еще была разобщена и занимала оборонительные позиции в отношении проводимых правительством структурных реформ, которые большинство чилийцев поддерживали. Но главное, резко улучшилось экономическое положение. Накануне муниципальных выборов в апреле Альенде предсказывал: «Мы получим 42—45% голосов, и это будет хорошей победой».

Фактически Народное единство получило свыше 50% голосов. Альенде сказал по этому поводу: «Никогда еще в истории Чили позиции народного движения не усиливались так быстро, как при нашем правительстве. Последнее перестало быть правительством, представляющим всего лишь третью часть населения, и стало правительством большинства...»²¹

Оценивая победу Народного единства, необходимо помнить о той помощи, которую ЦРУ оказало оппозиционным партиям. Согласно докладу «Тайная операция в Чили», «в начале 1971 года на предоставленные ЦРУ деньги христианско-демократическая партия и национальная партия приобрели собственные радиостанции и газеты. Перед муниципальными выборами в апреле 1971 года все оппозиционные партии получили денежную помощь... 1,24 миллиона долларов, выделенных в январе христианско-демократической партии, оказалось недостаточно, поэтому в марте «Комитет 40-ка» одобрил предоставление дополнительно 185 тысяч долларов...»²². Какими были бы результаты выборов, если бы не было такого массированного вмешательства ЦРУ?

После выборов некоторые социалисты и члены МАПУ предложили Альенде провести плебисцит по вопросу изменения конституции и замены конгресса однопалатным Народ-

ным собранием, как это было предусмотрено программой. Альянде отверг их предложение. Позже он назвал это самой серьезной ошибкой, которую совершил на посту президента.

Выборы продемонстрировали, что процесс поляризации, характерный для каждой революции, продолжался. Партии центра, как входившие, так и не входившие в Народное единство, потеряли часть своих избирателей. По сравнению с парламентскими выборами 1969 года количество голосов, поданных за христианско-демократическую партию, сократилось на 3,5%, за национальную партию — на 1,5%. Из партий Народного единства радикалы потеряли 5% голосов, а социалисты получили на 10% больше голосов.

В июне произошло событие, которое помогло Фрею подтолкнуть христианско-демократическую партию к объединению с национальной партией и ускорило процесс поляризации. Был убит Перес Сухович, правый по своим взглядам, прошедший многие испытания деятель, министр внутренних дел в правительстве Фрея; по его приказу карабинеры расстреляли жителей трущоб в Пуэрто-Монт. Покушение было организовано членами небольшой крайне левой подпольной группы, называвшей себя Организованный авангард народа. Левые партии обвиняли эту группу в том, что она состояла из деклассированных элементов и просто уголовников.

Покушение вызвало много шума. Народное единство сделало заявление о том, что убийство было спровоцировано правыми, что оно было на руку только им. Оппозиция же заявляла, что убийство организовано «революционерами», пытаясь тем самым создать впечатление о связи ВОП с МИР и Народным единством. Хотя национальная партия и участвовала в кампании протеста, однако именно христианские демократы, особенно Фрей, пытались максимально использовать дело о покушении в своих целях. Из Европы, где он в то время путешествовал, Фрей прислал послание с соболезнованием, в котором говорилось: «Жестокое преступление имеет одного автора: это те, кто систематически распространяет ложь и клевету, кто призывает к ненависти, кто безнаказанно ведет дело к уничтожению нашей страны»²³. Сделав драматический жест, Фрей прервал свою поездку и по возвращении домой выступил с речью на большом митинге. После восхваления достоинств покойного Переса Суховича Фрей выдвинул два требования: распустить «незаконные вооруженные группы», прекратить «кампании ненависти», попытки расколоть христианских демократов и подорвать репутацию их лидеров. Фрей внес еще большую резкость в пропагандистские выступления христианских демократов против Народного единства.

Национальная солидарность, заявил он, не может быть обеспечена с помощью «коллективного государства или бюрократического централизма»; Народное единство хочет повести страну по пути, который в других странах привел к «голоду, нормированию продуктов и созданию политической полиции». Фрей в осторожной форме коснулся вопроса о возможности союза с национальной партией, призвав христианских демократов отбросить «сектантство... и открыть двери для сотрудничества со всеми, кто этого хочет, без всяких препятствий...»²⁴. Своей речью Фрей добился нескольких целей: он снова взял на себя руководство христианско-демократической партией, подтолкнул ее к созданию общего фронта с национальной партией и начал готовить партию к переходу от обороны к наступлению.

В течение нескольких недель появлялись один за другим признаки дальнейшей поляризации. 18 июля в Вальпараисо были проведены дополнительные выборы в палату депутатов. (Как всегда в таких случаях, «Комитет 40-ка» одобрил решение о выделении для оппозиции 150 тысяч долларов.) После того как Фрей и Ирурета заявили о готовности христианских демократов воспользоваться поддержкой правых, оппозиция выдвинула единого кандидата — представителя христианских демократов, и он победил, собрав 50,9% голосов. На заседании Национального совета христианско-демократической партии 27 июля представители левого крыла партии потребовали гарантий против установления в будущем союза с национальной партией. Это требование было отвергнуто. Восемь из семидесяти пяти депутатов, представлявших партию в конгрессе, половина членов руководства молодежной организации и часть рядовых членов вышли из партии и сформировали новую партию — Левое христианское движение (ЛХД).

В августе в Народном единстве произошла перегруппировка сил. За руководство в радикальной партии боролись две группировки: одна, состоявшая из традиционных радикалов, другая — из тех, кто переместился влево в результате роста революционной борьбы. На съезде партии 1 августа левые добились принятия декларации, в которой указывалось, в частности: «Мы — социалисты, ибо при интерпретации существующей реальности мы исходим из исторического материализма и классовой борьбы... Мы являемся политической партией, служащей интересам рабочего класса». Традиционные радикалы обвинили большинство партии в отходе от защиты интересов среднего класса. Двенадцать из двадцати восьми сенаторов и членов палаты депутатов, представлявших радикальную партию, вышли из нее и образовали левую

радикальную партию (ЛРП). Диссиденты заверили Альянде, что они будут продолжать поддерживать Народное единство, однако через девять месяцев они вышли из него.

МИР все больше подчеркивало свои расхождения с политикой правительства и проводило свой собственный политический курс. Недовольство МИР политикой правительства особенно отчетливо выразил в своей речи генеральный секретарь партии Мигель Энрикес, который сказал:

«Хотя правительство и нанесло удар по интересам господствующего класса и начало проводить позитивные экономические мероприятия... однако, не сумев вовлечь массы в процесс преобразований и не реорганизовав государственный аппарат... оно не только не смогло усилить свою власть, но, наоборот, во всевозрастающей степени оно содействовало ослаблению собственных позиций. Именно эти два момента — вовлечение масс в борьбу и ликвидация старого государственного аппарата — и определяют революционный характер процесса и делают его необратимым».

Затем он заявил о намерении МИР проводить альтернативную политику:

«Несмотря на позитивные шаги, предпринятые правительством.... его слабость, готовность идти на уступки и тенденция некоторых членов правительства выступать в качестве судей в классовой борьбе не оставляют рабочим ничего другого, как, по крайней мере, частично отказать правительству в доверии и, продолжая поддерживать позитивные мероприятия правительства и борясь против уступок, которые оно делает, наметить свой собственный путь... Мы, активисты МИР... будем осуществлять на практике различные формы мобилизации масс и добиваться руководящей роли в движении масс».

Далее Энрикес сказал:

«Когда сила рабочего класса возрастет, а его сознание и организация достигнут достаточного уровня, он приступит к выполнению задач, ведущих к решению проблемы власти... Первой такой задачей явятся роспуск парламента и замена его Народной ассамблеей, в которой будут представлены рабочие, крестьяне, жители трущоб, студенты и солдаты, а также создание в сельской местности и городах местных органов власти рабочих, с помощью которых они приступят к решению проблем, составляющих основу революционной народной власти...»²⁵

Однако Энрикес так и не объяснил, каким образом рабочие могут добиться достаточно благоприятного соотношения сил, чтобы иметь возможность распустить конгресс и выполнить все остальные выдвинутые им задачи.

С принятием в июле конституционной поправки о национализации медной промышленности отступление оппозиции окончилось. Помимо использования конгрессом финансовых ревизоров и судов с целью блокировать или попытаться изменить мероприятия Народного единства по национализации собственности монополий оппозиция расширяла политическое наступление против правительства.

Однако, даже перейдя в наступление, христианские демократы продолжали проявлять осторожность и предоставляли национальной партии возможность играть ведущую роль в осуществлении явных подрывных действий. В сентябре национальная партия внесла законопроект о вынесении конституционного обвинения против министра экономики Педро Вусковича; однако христианские демократы не поддержали это предложение: прибегать к действиям такого рода, по их мнению, было еще преждевременно.

Помимо поддержки, оказываемой оппозиционным политическим партиям, правящие круги США осуществляли широкие пропагандистские и «научно-исследовательские» мероприятия. 9 сентября «Комитет 40-ка» одобрил решение о выделении 700 тысяч долларов «для поддержки» газеты «Меркурио» — «наиболее важного, — как отмечается в докладе «Тайная операция в Чили», — канала пропаганды, направленной против Альенде». Семь месяцев спустя «Комитет 40-ка» выделил на эти цели еще 965 тысяч долларов. ЦРУ «выпускало несколько журналов, имеющих массовый тираж, а также большое количество книг и специальных исследований. ЦРУ готовило материалы для опубликования в изданиях газеты «Меркурио»... в газетах оппозиционных партий, в двух еженедельниках, для трансляции по всем радиостанциям, находящимся под контролем оппозиции, а также для нескольких телевизионных программ, передаваемых по трем каналам... ЦРУ финансировало также в расширяющихся масштабах деятельность значительной части научно-исследовательских организаций, контролируемых оппозицией. В оппозиционные партии и различные организации частного сектора шел поток материалов по экономическим и техническим вопросам. Многие законопроекты, вносимые оппозиционными членами парламента, фактически разрабатывались сотрудниками указанных исследовательских организаций»²⁶.

По мере обострения борьбы оппозиция перенесла свою деятельность на улицы. 16 сентября члены молодежной организации христианских демократов устроили в центре Сантьяго демонстрацию протеста против вето президента на законопроект, позволявший находившемуся под контролем оппозиции

13-му телевизионному каналу вести передачи не только в столице, но и в провинции. Карабинеры не допустили демонстрантов к конгрессу, некоторые из них были ранены. 26 сентября участники демонстрации протеста против «репрессий» правительства прошли маршем от Католического университета до президентского дворца. 2 октября произошло столкновение между сторонниками фашистской организации «Патриа и либертад» и Народного единства.

В Вашингтоне «Комитет 40-ка» изучал сложившуюся к этому времени в стране ситуацию, которая существенно отличалась от периода вступления Альенде в должность президента.

Помимо усиления поляризации противоборствующих сил и перехода оппозиции в наступление с использованием уличных демонстраций подспудно происходили и другие изменения. «К сентябрю 1971 года, — говорится в докладе «Тайная операция в Чили», — в вооруженных силах была создана новая сеть агентов ЦРУ, и резидентура почти ежедневно получала сообщения о готовящихся заговорах». Резидентура и штаб-квартира ЦРУ приступили к изучению возможностей использования этой сети агентов. «Далее, в октябре в поле зрения резидентуры попала группа, которая могла бы организовать успешный переворот». По сравнению с другими группами ей стало уделяться «больше времени и оказываться большая поддержка»²⁷. В середине октября «Комитет 40-ка» дал указание ЦРУ, по сведениям источника «Нью-Йорк таймс» в самом ЦРУ, «начать действовать несколько более жесткими методами». Другой источник «Нью-Йорк таймс» сообщил, что послу Натаниэлю Дэвису было направлено послание, в котором «фактически давалось указание начиная с данного момента оказывать помощь оппозиции любыми возможными средствами»²⁸.

10 ноября 1971 г. в Чили прибыл Фидель Кастро. Огромное количество народа выстроилось вдоль двенадцатимильной дороги от аэропорта до кубинского посольства. Многие несли плакаты: «Добро пожаловать, Фидель!», всюду раздавались крики «ура!». Однако в богатых кварталах Сантьяго некоторые позволяли себе непристойные выходки. Визит Фиделя в Чили длился 24 дня. Он проехал по стране с севера на юг, побывал на меднорудных, селитряных и угольных шахтах, на фермах, промышленных предприятиях, в университетах. Он беседовал с рабочими, студентами, крестьянами, солдатами, полицейскими — и везде делился своими наблюдениями, высказывал свое мнение, выражал чувство солидарности с революционной борьбой в Чили.

Нередко среди вопросов, которые задавали Фиделю на митингах, был и такой: каким, по его мнению, является правительство Народного единства — реформистским или революционным? «...Я бы со всей искренностью ответил, — сказал Кастро, — что в Чили происходит революционный процесс... Процесс — это путь, это начало этапа... Надо принимать во внимание условия, в которых разворачивается этот процесс: какими средствами он осуществляется, какими силами, каково соотношение сил»²⁹.

Фидель несколько раз возвращался к обсуждению вопроса, который он поднял за несколько лет до этого во Второй Гаванской декларации, — вопрос о необходимости единства революционных сил. «Мы должны отдавать себе отчет в том, — говорил он, — что сектантство существует, отдавать себе отчет, каковы его последствия, и что борьба против сектантства необходима». «...Революция — это искусство объединения сил... сплочения сил для решительного сражения против империализма. Никакая революция, никакой процесс не может позволить себе роскошь исключить какую-либо силу, пренебречь какой-либо силой... Одним из факторов, определивших успех кубинской революции (вначале мы представляли собой маленькую, совсем маленькую группу, которая в трудных условиях вела борьбу!), была политика объединять, объединять и объединять».

Чтобы объединиться и вести борьбу, заявлял Фидель, не нужно добиваться всеобщего согласия по всем вопросам, не нужно ждать того момента, когда «сознание станет высоким, сверхвысоким или марксистским». Для того чтобы объединить как можно больше сил в широкий фронт и направить борьбу этого фронта против главного врага, необходимо только согласие по четырем-пяти основным вопросам.

В своих ответах на самые различные вопросы Фидель Кастро вновь возвращался к разъяснению стратегии создания широкого фронта. Один рабочий спросил: «Учитывая, что в Чили существует многочисленный частный сектор, получающий прибыль от увеличения производства, какова, по мнению товарища Фиделя Кастро, должна быть в связи с таким положением позиция чилийских трудящихся?» Фидель ответил, что эту проблему необходимо рассматривать, исходя из конкретной ситуации в целом, и ее решение подчинить целям главной стратегии. Это значит, что рабочие должны идти на жертвы в интересах победы революции: «Хорошими родителями являются те, кто готов пойти на жертвы ради своих детей...» На вопрос, какова стратегия, целям которой должно быть подчинено решение указанной проблемы, Фидель отве-

тил, что «рабочий класс должен объединить максимум сил остальных социальных классов» в широкий фронт на базе широкой программы и сосредоточиться на борьбе с главным врагом — империализмом, как это было сделано на Кубе, как это делает Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама³⁰.

Уже в период пребывания Фиделя в Чили борьба там еще больше обострилась, оппозиция стала прибегать к прямым физическим действиям. В Чилийском университете студенты и преподаватели — сторонники оппозиции — за несколько недель до приезда Кастро захватили здание юридического факультета и другие помещения. Создалась напряженная обстановка: ежедневно проводились митинги, демонстрации, студенты — сторонники Народного единства — пытались освободить захваченные здания; все это вело к ожесточенным столкновениям и дракам. Беспорядки приняли еще большие масштабы, когда студенты Католического университета, поддерживавшие оппозицию, также начали устраивать демонстрации на улицах, столкновения с полицией, захватывали здания. Первой крупной акцией по реализации данной «Комитетом 40-ка» инструкции ЦРУ «начать действовать более жесткими методами» явились события 1 декабря³¹. В этот день оппозиция организовала «марш пустых кастрюль» — свою первую массовую уличную демонстрацию. Это была первая серьезная попытка оппозиции извлечь политические выгоды из экономических трудностей, созданию которых она сама и содействовала. Организация «марша» явилась контрнаступлением оппозиции в ответ на визит Фиделя Кастро.

Несколько сотен элегантно одетых женщин из богатых кварталов прошли «маршем» к президентскому дворцу «Ла Монеда», стуча по пустым кастрюлям и сковородкам в знак протеста против нехватки продуктов и выкрикивая лозунг: «Чили есть и будет страной свободы». Колонну женщин сопровождали с двух сторон молодые люди в касках и масках, с деревянными дубинками в руках. Между ними и сторонниками Народного единства возникли столкновения. Некоторые из этих юнцов попытались поджечь здание, которое строилось для проведения сессии ЮНКТАД в 1972 году, однако строительные рабочие быстро оттеснили их.

Движение транспорта на центральных улицах было заблокировано, витрины магазинов закрыты металлическими жалюзи. Чтобы Альенде мог проехать в «Ла Монеду», полиция расчистила в толпе коридор. Когда автомобиль президента проезжал по улицам, со стороны демонстрантов слышались оскорбительные выкрики, сторонники Народного единства со-

проводжали машину приветственными возгласами. Когда полиция преградила бандам молодчиков путь к «Ла Монед», они отступили в богатые кварталы, заняли ряд улиц, возвели баррикады и развели костры, блокируя уличное движение. Президент Альенде декретом ввел в Сантьяго чрезвычайное положение, и армия в лице генерала Аугуста Пиночета взяла на себя контроль за обеспечением общественного порядка.

В день «марша» «Нью-Йорк таймс» поместила заметку под заголовком: «Два помощника Никсона считают, что Альенде находится в опасности». В заметке указывалось: «Два высокопоставленных сотрудника Белого дома сообщили сегодня президенту Никсону, что во время своей поездки по Латинской Америке они пришли к «убеждению», что социалистическое правительство президента Сальвадора Альенде Госсенса в Чили «долго не продержится»³². Этими двумя помощниками были Роберт Х. Финч, который занимал пост советника президента, и Герберт Г. Клайн, который был в Белом доме директором по вопросам печати.

Спустя несколько дней я совершил поездку в Чили, и Хайме попросил меня прокомментировать эту заметку в меморандуме, который я готовил для него. Я выразил мнение, что указанное замечание, сделанное такими высокопоставленными должностными лицами, не случайно предано гласности, это сделано намеренно, с какой-то хорошо продуманной целью. Возможно, оно служит для различных групп в Чили сигналом о том, что наступил новый этап в их действиях против правительства Народного единства.

На массовом митинге 2 декабря в связи с окончанием визита Фиделя Кастро Альенде говорил об опасности фашизма: «...Зарождающийся фашизм мобилизует в своих целях определенные слои молодежи, особенно в университетах...» Упомянув об организации беспорядков с целью создания благоприятной обстановки для совершения переворота, Альенде сказал: «Аналогичные вещи происходили в Бразилии при правительстве Гуларта». Затем он заявил: «...Я не апостол и не мессия, из меня не выйдет мученика... Но... я оставлю дворец Ла Монед, только когда кончится мандат, врученный мне народом... Только изрешетив меня пулями, они смогут помешать осуществлению моей воли, а она состоит в том, чтобы добиваться выполнения программы народа»³³.

В своих последних выступлениях и на заключительной пресс-конференции Фидель Кастро также говорил о фашизме. Когда фашизм начинает действовать, сказал Фидель, нам необходимо укреплять наш революционный дух.

Только боевой дух масс сможет сдержать наступление фашизма.

«Ни одна социальная система,— заявлял Фидель,— не соглашалась исчезнуть по собственной воле... Когда начинается революционный процесс или когда наступает момент, который в условиях данной страны мы можем назвать революционным кризисом, тогда борьба резко обостряется». «...Процесс преобразования порождает динамику борьбы», вызывает «ненависть и сопротивление со стороны эксплуататоров, реакционеров». «Мы увидели фашизм в действии. Мы смогли убедиться в справедливости тезиса о том, что в своем отчаянии реакционеры, эксплуататоры, как это уже было четко продемонстрировано историческим опытом, тяготеют к наиболее грубым, варварским формам насилия и реакции... Вы переживаете момент, когда фашисты... пытаются отвоевать у вас улицу, пытаются перетянуть на свою сторону средние слои населения... Стремятся посеять страх, боязнь, неуверенность в самых широких кругах средних слоев населения...» Фашизм «пытается деморализовать революционеров». Фидель задал вопрос: «Какую цель преследуют фашисты?» И ответил: «Они подстрекают к мятежу, чтобы свергнуть революционное правительство».

Фидель откровенно говорил о слабостях революционного процесса. «Кто,— спрашивал он,— быстрее усвоит уроки этого процесса? Народ или враги народа?» Из аудитории раздался голос: «Народ!» Однако Фидель ответил: «Тогда позвольте мне выразить несогласие... мы искренне считаем, что противная сторона, реакционеры усваивали уроки быстрее, чем массы». Упомняв о заявлении Финча и Клайна, Фидель спросил: «...Откуда этот оптимизм, откуда эта уверенность, на чем они основываются, что их вдохновляет?» И ответил: «...Потому, что видят слабость в самом революционном процессе, слабость в идеологической борьбе, слабость в массовом движении, слабость перед противником».

Фидель выразил мнение, что «успех или неудача этого беспримерного процесса будет зависеть от идеологической борьбы и от борьбы масс; будет зависеть от умения, искусства и научной подготовки революционеров в борьбе за единство сил, за рост своих рядов и в борьбе за средние слои населения».

Революционеры, сказал Фидель, не должны «допустить, чтобы противник захватил инициативу. Борьба классов имеет свои законы. Пассивность и «оборончество» — это очень плохо. В классовой борьбе революционные силы должны постоянно быть в наступлении». Говоря о роли революционной

прессы, Фидель Кастро сказал, что «ваша самая главная задача — разоблачать контрреволюционеров, помогать массам выявлять врагов... Народным массам необходимо знать и различать своего врага. Если массы не знают своего врага, если враг замаскировался, если вообще неизвестно, кто он, то массы и не смогут разглядеть его». «...Когда реакция и фашизм бросают вызов,— сказал Фидель,— когда они стремятся овладеть улицей, не может быть другого пути, кроме мобилизации революционных масс (пусть даже на такой совершенно мирный акт, каким был митинг на стадионе), а для этого надо иметь достаточные средства мобилизации».

Вместе с тем Фидель Кастро указывал на необходимость всегда учитывать соотношение сил. По поводу ликвидации парламента он сказал следующее: «Я, конечно, не являюсь безусловным приверженцем буржуазной законности... У нас есть свое мнение о парламенте, и мы говорили, что это отживший институт», однако «никто не должен пытаться отменить его прежде, чем можно его отменить»³⁴.

Фидель подчеркивал, что Народное единство должно взять инициативу в свои руки и развернуть массовую идеологическую борьбу. Революционеры должны объединяться, расширять свои ряды, укреплять свой дух: «Когда дух крепок, народ силен».

Через два дня после «марша пустых кастрюль» Национальный совет христианско-демократической партии проголосовал за представление в конгресс законопроекта о вынесении конституционного обвинения против министра внутренних дел Хосе Тоа. Поляризация сил, уличные беспорядки, нехватка продовольственных и других потребительских товаров создали обстановку, позволявшую христианским демократам без всяких опасений начать использовать указанную процедуру, с помощью которой они надеялись в будущем устранить и президента. Среди обвинений, выдвинутых против Тоа, фигурировали и такие, как его неспособность предотвратить насилие на улицах и пресечь действия вооруженных групп. Оппозиция использовала стандартный прием: сначала она делала все возможное, чтобы создать трудности, а затем возложила вину за эти трудности на правительство. В январе сенат проголосовал за отстранение Тоа от должности, однако Альенде тут же назначил его министром обороны. Таким образом, было положено начало процедуре, с помощью которой оппозиция за двадцать месяцев предъявила конституционное обвинение и отстранила от должности семерых министров правительства Народного единства.

Тем временем в правящих кругах США обсуждался во-

прос о том, как использовать сеть агентов в вооруженных силах Чили, которая была восстановлена с помощью ЦРУ и американских военных атташе. «В ноябре резидентура предложила признать конечной целью программы проникновения в сферу военных организацию военного переворота»³⁵. Однако Вашингтон проявлял осторожность и не хотел связывать себе руки одним вариантом: осуществление других вариантов все еще считалось возможным, в том числе отстранение Альенде от должности путем вынесения конституционного обвинения. «Американские представители получили инструкции добиваться усиления влияния среди чилийских военных и поддерживать их действия, не создавая, однако, впечатления, что США готовы оказать поддержку тем усилиям военных, которые могли быть преждевременными... Резидентура получила указание действовать так, чтобы американское правительство в будущем могло прибегнуть как к политическому, так и военному решению чилийской дилеммы в зависимости от развития обстановки внутри страны и ее воздействия на самих военных».

Некоторые методы, которые ЦРУ использовало для оказания влияния на вооруженные силы, действительно требовали для своей разработки большого воображения: «Резидентура предложила... предоставить информацию, частично сфабрикованную ЦРУ, которая убедила бы старших офицеров чилийской армии в том, что следственный отдел карабинеров с одобрения Альенде действует в сотрудничестве с кубинской разведкой с целью сбора сведений, компрометирующих высшее командование армии. Возлагалась надежда на то, что это восстановит военных против связей Альенде с кубинцами и побудит вооруженные силы потребовать от правительства изменения своей ориентации, а в случае необходимости и выступить против этого правительства... В декабре 1971 года пакет подобных материалов, включая сфабрикованное письмо, был передан в другой стране одному чилийскому офицеру»³⁶.

В начале 1972 года произошло важное событие, хотя на него мало кто обратил внимание: Пиночет стал начальником Генерального штаба армии. Именно в это время ЦРУ, видимо, и установило с ним контакт. С октября ЦРУ вело наблюдение за группой, которая «могла организовать успешный переворот», и, согласно докладу «Тайная операция в Чили», «к январю 1972 года резидентура сумела проникнуть в эту группу и установить через посредника контакт с ее лидером»³⁷.

Повышение Пиночета, как указывается в опубликованном

газетой «Меркурио» полуофициальном отчете о перевороте, позволило ему занять «влиятельное положение, однако оно не предоставляло ему возможности осуществлять оперативное командование. Генеральный штаб является органом планирования и разработки рекомендаций, а командование осуществляет главнокомандующий армией. В данном случае это был генерал Пратс, с которым Пиночет по службе в армии лояльно сотрудничал». Однако Пиночет уже тогда, когда «лояльно сотрудничал», вел подготовку к осуществлению своих собственных целей. Через несколько месяцев он уже начал использовать Генеральный штаб для подготовки переворота³⁸.

В середине января оппозиция, объединившись для поддержки кандидата от христианских демократов и кандидата от национальной партии, выиграла дополнительные выборы в сенат и палату депутатов. Выборы показали, что союз между христианскими демократами и национальной партией носит уже постоянный характер, что христианские демократы могут заключать соглашение с правыми, не опасаясь потерять своих сторонников, и что по сравнению с муниципальными выборами 1971 года Народное единство уже не имело такой широкой поддержки в стране. Итоги выборов вызвали беспокойство в Народном единстве. В то время как оппозиция спланировала свои ряды, все в большей степени овладевала инициативой, все более решительно действовала как в конгрессе, так и на улицах, правительство постоянно сталкивалось с препятствиями при осуществлении своей программы, ему не давали возможности эффективно осуществлять управление экономикой, оно все больше теряло поддержку населения.

Что должно было сделать правительство? «Вооружите народ», — раздавались голоса во время митинга, на котором однажды вечером в январе выступил Альенде с балкона дворца «Ла Монеда». Однако попытка осуществить это намерение немедленно привела бы к смещению правительства вооруженными силами. И хотя некоторые левые элементы, видимо, были готовы прибегнуть к оружию, однако общее соотношение сил было не в пользу Народного единства. А как правительство должно было поступить в отношении конгресса? «Подавить его», — призывали некоторые. Однако, как заявлял Фидель, прежде всего необходимо учитывать соотношение сил.

Неудача на выборах усилила разногласия среди левых партий. По заявлению МИР, Народное единство «настолько сдало свои позиции, что не решается восстановить силы путем мобилизации масс, разоблачения врагов и организации наступления на фермах и предприятиях». ЛРП — новая партия, созданная за несколько месяцев до этого традиционны-

ми радикалами,— опубликовала заявление, в котором указывалось, что «изменения должны осуществляться в рамках закона», предупреждая, таким образом, что, если это положение не будет соблюдаться, она может выйти из коалиции Народного единства. Лидер социалистической партии Карлос Альтамирано отметил, что итоги выборов свидетельствуют о «необходимости для правительства радикализировать свою программу». Коммунистическая партия заявила, что «при определении позиции в отношении средних слоев населения мы должны учитывать характер тех задач революции, которые должны решать сейчас. Конечная цель нашей деятельности — построение социализма. Однако в настоящий момент наши задачи в основном носят антиимпериалистический и антиолигархический характер».

Совещание лидеров Народного единства в Аррайяне явилось первой попыткой выработать согласованную политику для решения стоявших перед правительством задач. В результате был опубликован документ, озаглавленный: «Новые задачи народного правительства и чилийский народ». Однако заголовок вводил в заблуждение, ибо в документе не столько выдвигались новые задачи и новая политика, сколько настойчиво защищались старые. В документе указывалось, что решения стоявших перед Народным единством проблем следует добиваться «не путем замедления, а... комплексного выполнения Основной программы более быстрыми темпами...»³⁹.

Можно было как-то оправдать стремление сохранить программу, даже несмотря на ослабление своих позиций, поскольку сторонники Народного единства голосовали за эту программу и верили в нее. Однако заявлять, что «каждый шаг в реализации программы ведет к ослаблению сил реакции», — это значило обманывать себя и не понимать всей сложности проблемы власти, с которой столкнулось правительство Народного единства. Проблема эта не могла быть решена только одной национализацией. Кроме того Народное единство обещало больше того, что оно могло сделать: могло ли оно осуществить «комплексное выполнение» программы «еще более быстрыми темпами», учитывая существовавшее соотношение сил как в законодательной борьбе, так и в случае возникновения вооруженного конфликта?

В связи с тем что участники Народного единства придерживались различных точек зрения относительно решения проблемы инфляции, совещание его лидеров в Аррайяне не только не сумело найти какого-либо приемлемого пути решения экономической стороны этой проблемы, но даже не смогло до конца продумать вопрос, как объяснить создавшееся полож-

ние народу. Вместо того чтобы показать, что саботаж конгресса лишает правительство возможности разрешить проблему катастрофического роста массы бумажных денег, в документе, принятом на совещании, многословно говорилось о новых кредитных нормах. Вместо того чтобы самим объяснить, что инфляция будет усиливаться, совещание лидеров Народного единства дало в руки оппозиции возможность нажить политический капитал на предсказаниях того, как будет развиваться ситуация.

Но главное, Народное единство, поглощенное усилиями руководить деятельностью правительства в условиях саботажа оппозиции, попытками решать сразу бесконечное количество конкретных проблем, намерением добиться согласия всех входивших в его состав партий, не уделяло должного внимания главной проблеме — борьбе против планов и махинаций врага. Главным потенциальным оружием Народного единства была активная идеологическая борьба, которая могла бы помочь народу Чили и всем народам мира понять, что замышляет империализм и олигархия. Это оружие помогло бы мобилизовать народ на борьбу против фашистского заговора. Народное единство призывало перейти в наступление в сфере реализации его программы — программы национализации, где его способности вести наступление были ограничены соотношением политических и военных сил; тогда как в сфере идеологической борьбы, где оно могло бы атаковать, его стратегия носила оборонительный характер.

Поскольку выборы показали, что Народное единство лишилось поддержки мелких предпринимателей и фермеров, обеспокоенных экспроприацией, лидеры Народного единства заверили в Аррайяном документе эти группы, что им нечего бояться. Документ высказался против незаконных захватов земель и другой собственности. Это были важные заявления, но этого было недостаточно. Средним слоям внушали страх не только экспроприация и незаконные захваты земли, но и обстановка, в которой развивалась революционная борьба. Инфляция и нехватка товаров, насилие в университетах и на улицах, фашистская угроза — все это вызывало среди них замешательство и неустойчивые настроения.

Необходимо было начать идеологическое наступление, чтобы ясно, конкретно и наглядно разъяснить, как идет развитие революционной борьбы, кто является врагом революции и почему, какие планы у врагов и как они их осуществляют, что принесет чилийскому народу приход к власти фашизма и что даст ему социализм. Такое идеологическое наступление не должно было ограничиваться спорадическими, изолированными

ми речами и статьями. Это должна была быть хорошо спланированная, ведущаяся систематически кампания, в процессе которой Народное единство должно было анализировать и объяснять каждый этап революционного процесса, стремиться дать такую картину сложившегося положения, чтобы народ, в том числе и те, кто входил в оппозицию, мог на основании своего собственного опыта убедиться в ее правдивости.

Народное единство должно было открыто говорить о трудностях, ибо в революционной борьбе они неизбежны, и любая попытка сделать вид, что они не существуют, играет на руку врагам. Народное единство должно было разоблачать действия Фрея и других лидеров христианских демократов, которые сотрудничали с империалистами и фашистами в деле подготовки к свержению законного правительства. Оно не должно было позволять себе реагировать на такие выпады христианских демократов, как «грубияны», когда выступало с такими разоблачениями. Народное единство не должно было позволять своим оппонентам навязывать правила идеологической борьбы и препятствовать его наступлению.

Необходимо было предпринять какие-то решительные действия и в отношении вооруженных сил. Усилия направлялись на то, чтобы успокоить офицеров; не предпринималось никаких попыток для завоевания поддержки рядового состава. Конечно, успокоить офицеров было необходимо, однако ограничиваться только этим было опасно. Такая политика помогала выиграть время, ибо она, безусловно, обеспечивала нейтралитет офицеров — сторонников конституции и даже способствовала завоеванию симпатий некоторых из них. Однако такая политика не вела к ограничению власти офицерского корпуса, среди которых практически не было сторонников революции, были лишь сторонники конституции, симпатизировавшие империалистам, и фашисты.

Это значило, что если бы офицеры-заговорщики завоевали на свою сторону офицеров-конституционалистов или устранили бы их, если бы офицеры различных родов войск объединились для проведения общей политики, тогда бы офицерский корпус превратился в решающую силу. Народное единство не должно было бесконечно полагаться на то, что офицеры не будут участвовать в перевороте. Ему необходимо было лишить офицеров возможности совершить такой переворот. В значительной степени нежелание определяется неспособностью.

Чтобы ограничить власть офицерского корпуса, необходимо было вырвать из-под его влияния рядовой состав путем распространения среди солдат демократических, антифашист-

ских, антизаговорщических, а затем и революционных, социалистических взглядов.

Осуществление мер, направленных на привлечение рядового состава на свою сторону,— дело трудное и рискованное как в политическом, так и личном плане. Враги Народного единства следили за тем, чтобы не допустить этого, с таким же вниманием, как и за тем, чтобы предотвратить вооружение народа. Вот один пример.

1 марта 1972 года «Меркурио» опубликовала статью под заголовком: «Секретная миссия коммунистической партии — проникновение в вооруженные силы». В статье указывалось: «Коммунистическая партия поручила своим молодым кадрам выполнение амбициозного плана проникновения в вооруженные силы...» По сообщению газеты, документы, найденные у активистов партии, «свидетельствуют о том, что молодые члены партии имеют задание устанавливать контакты с призывниками с целью вести среди них пропаганду». «Меркурио» не рассказала, как были обнаружены эти документы и как она их получила. Однако в течение пяти дней она публиковала статьи на эту тему, заявляя в них, что для коммунистов «ахиллесовой пятой вооруженных сил является система обязательной военной службы, которая охватывает всю территорию страны и все слои населения». Газета детально излагала методы, которые якобы использовались для проникновения в армию. Многие из этих методов, утверждала «Меркурио», конечно, известны разведывательным службам вооруженных сил, и она сообщает о них только для того, чтобы обратить внимание общественного мнения на существующую опасность.

Работа среди рядового состава была, конечно, делом рискованным, ибо могла спровоцировать офицеров на выступление. Тем не менее такие действия предпринять было необходимо. Они были бы более успешными, если бы их стали осуществлять с первого дня прихода к власти правительства Народного единства, когда существовала очень благоприятная обстановка для этого. Однако даже на более позднем этапе такие действия приобретали особую значимость.

Положение Народного единства значительно ухудшилось по сравнению с тем, каким оно было в период совещания в Аррайне. Растущая с каждым днем инфляция и рост дефицита потребительских товаров свидетельствовали о том, что реализация стратегии правительства, направленной на расширение поддержки со стороны населения путем улучшения его экономического положения, сталкивается с серьезными трудностями. Президент и конгресс зашли в тупик и в обсу-

ждении вопроса о бюджете, и в решении вопросов конституционных обвинений, национализации, а также конституционного вопроса относительно того, требуется простое или квалифицированное большинство, чтобы аннулировать вето президента на предложенную христианскими демократами поправку к конституции, касающуюся национализации. Тупик был на руку оппозиции, так как он лишал правительство возможности эффективно осуществлять свою программу и управлять страной.

В апреле левая радикальная партия (ЛРП) вышла из Народного единства вместе с двумя министрами, семью депутатами и пятью сенаторами, выдвинув в качестве причины вето президента на конституционную поправку по поводу национализации и неспособность правительства положить конец «самозахватам» земель. Это случилось в том же месяце, когда «Комитет 40-ка» одобрил решение о выделении 50 тысяч долларов на проведение мероприятий по расколу коалиции Народного единства.

И Народное единство, и оппозиция начали проводить большие демонстрации. 24 марта КУТ организовал массовый митинг; 12 апреля оппозиция провела «марш в защиту демократии»; 18 апреля Народное единство организовало «марш в защиту отечества». Газеты спорили, кто собирал больше людей — Народное единство или оппозиция. Однако, подобно конституционной борьбе между президентом и конгрессом, демонстрации закончились вничью: они показали, что обе стороны пользуются массовой поддержкой.

В марте произошло событие, которое могло бы помочь правительству перейти в наступление в идеологической борьбе: Джэк Андерсон опубликовал документы ИТТ, которые свидетельствовали о том, что империалистические круги США вступили в заговор с ведущими чилийскими деятелями с целью помешать Альенде занять свой пост. Среди указанных деятелей назывался Фрей. Народное единство могло бы использовать эти документы для проведения систематического наступления против иностранного вмешательства, учитывая, что этот вопрос объединяет, а не разъединяет большинство чилийцев. Оно также могло указать на связь заговора, готовившегося накануне вступления президента в должность — о чем теперь имелись неопровержимые доказательства, — с продолжавшимися попытками создать условия для свержения правительства.

Правительство опубликовало сборник из указанных документов, а левые газеты напечатали целую серию статей о них. Однако большинство ведущих деятелей Народного единства

проявляли робость и не решались перейти в атаку, не решались использовать документы с целью показать, что же происходит на самом деле, и не голословно осудить зловещий заговор, а назвать заговорщиков поименно и сообщить детали его подготовки, чтобы народ сам смог во всем разобраться. Оппозиция поняла, какой ущерб ей может причинить опубликование документов ИТТ, и быстро приняла необходимые меры.

Опередив правительство, «Меркурио» спешно сама обнародовала эти документы, чтобы ослабить их воздействие на чилийцев. Газета, крича о своем патриотизме, с негодованием осудила иностранное вмешательство, затем категорически заявила, что документы свидетельствуют о непричастности Фрея к заговору — наоборот, он противодействовал осуществлению такого заговора. Двадцать сенаторов от христианско-демократической партии выступили с заявлением, осуждавшим как вмешательство ИТТ, так и попытки «опорочить» Фрея, который в действительности «все делал противоположное» тому, чего от него хотели иностранцы.

Фрей выступил с речью, в которой заявил, что его патриотизм и честность не подлежат обсуждению, и обвинил правительство в распространении ненависти и насилия, в катастрофическом провале политики проведения земельной реформы и национализации медной промышленности. «Секретные документы ИТТ», опубликованные правительством, стали бестселлером. Однако вскоре оппозиция сумела переключить внимание общественности с вопроса об иностранном вмешательстве на те проблемы, обсуждение которых было ей более выгодно: инфляцию, нехватку товаров, незаконные захваты земли, приписываемые правительству нарушения законов и, наконец, право народа проводить демонстрации в знак протеста против указанных вещей.

Пиночет начал в это время разработку конкретных военных планов подготовки переворота «13 апреля 1972 года», — сообщил он спустя шесть месяцев после переворота репортерам журнала «Эрсилья», — в Генеральном штабе были проанализированы возможности осуществления переворота»⁴⁰. А согласно данным, опубликованным в «Меркурио», «Пиночет в апреле 1972 года приказал подготовить план проведения контрразведывательных мероприятий против подрывной деятельности, а с июня армия начала приводить планы обеспечения национальной безопасности в соответствии с обстановкой и осуществлять исследования, направленные на постепенную конфронтацию с правительством. Все эти материалы могли быть полезны для предстоящих действий»⁴¹.

Бездейственность правительства, руки которого были связаны действиями конгресса, вызвала разочарование у многих крестьян, рабочих и других представителей левых сил. В результате МИР, которое проповедовало проведение радикальных мероприятий, сумело расширить свое влияние. Созданное МИР «Революционное крестьянское движение» было самой агрессивной из всех крестьянских организаций. «Движение революционных рабочих» установило контроль над районами городских трущоб, а третья организация МИР — «Фронт революционных рабочих» — стала увеличивать количество своих сторонников среди представителей рабочего класса.

МИР руководило захватом земель, жилых домов и предприятий. В Мелипиле члены «Революционного крестьянского движения» напали на принадлежавшее окружным властям здание и захватили судью, который намеревался отдать распоряжение о возврате захваченных земель. Правительство вынуждено было вмешаться, чтобы освободить его. Однако, несмотря на всю эту бурную деятельность МИР, число его сторонников составляло незначительный процент среди левых сил.

Насколько напряженными были отношения в лагере левых сил, свидетельствовало событие, происшедшее 12 мая в Консепсьоне. Христианско-демократическая партия получила разрешение на проведение там демонстрации. МИР, местные организации социалистической, радикальной, левохристианской партий, партии МАПУ, а также местные профсоюзные, крестьянские, студенческие организации и организация жителей трущоб совместно приняли решение помешать христианским демократам провести это мероприятие. Когда началась драка, губернатор провинции — коммунист — приказал полиции разогнать ее участников. В результате один студент был убит, более 50 человек ранено, а центру города был причинен большой ущерб.

Генеральный секретарь Коммунистической партии Луис Корвалан осудил действия МИР и других объединившихся с ним групп, заявив, что «среди партий Народного единства это событие вызвало серьезные расхождения». Следовало не мешать маршу христианских демократов, сказал Корвалан, а организовать еще более мощный марш сторонников Народного единства. Революционные действия — это не сражения на улицах и не незаконные захваты собственности, а объединение сил в поддержку правительства. Национальные руководства социалистической, радикальной, левохристианской партий и партии МАПУ опубликовали заявления, осуждавшие действия своих местных организаций в Консепсьоне.

Конференция в Ло Курро, в отличие от совещания в Аррайяне, проведенного за четыре месяца до этого, приняла ряд важных решений, касавшихся изменений в политике Народного единства в области экономики и национализации. Для осуществления этих изменений конференция назначила новых министров экономики и финансов. Ухудшение положения правительства способствовало достижению соглашения между партиями Народного единства об указанных изменениях. Очевидно не только то, что следует предпринять какие-то меры в области экономики, но и ослабление политических позиций Народного единства придало дополнительный вес доводам в пользу необходимости избегать всяких действий, ведущих к появлению новых врагов.

Достигнутое соглашение было важным, но лишь первым шагом. Новую политику приходилось теперь проводить в чрезвычайно трудных условиях. Разногласия и напряженные отношения, от которых страдало Народное единство, несмотря на соглашение, достигнутое в Ло Курро, неизбежно должно было проявиться в повседневной деятельности. Эту политику приходилось осуществлять, как и во всех битвах, преодолевая сопротивление врага, который предпринимал контрдействия, чтобы помешать ее осуществлению.

Народное единство вступало в период, когда было поставлено на карту само его существование.

УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКОЙ В ПЕРИОД С ИЮЛЯ 1972 ГОДА ДО СЕНТЯБРЯ 1973 ГОДА

Карлос Матус, назначенный после совещания в Ло Курро министром экономики, пользовался репутацией решительного человека; он сразу же пришел к выводу о необходимости проведения болезненной меры, осуществление которой, как он считал, уже невозможно откладывать, то есть повысить твердые цены и провести еще одну девальвацию эскудо. Цены необходимо было повысить, чтобы сократить дефицит в доходах государственных предприятий, которые в результате прямого или косвенного финансирования за счет займов Центрального банка содействовали резкому увеличению инфляции. А эскудо необходимо было девальвировать из-за несоответствия обменного курса быстрорастущему уровню внутренних цен. Как повышение цен, так и девальвацию необходимо было провести в больших размерах.

Конечно, было бы лучше, если бы правительству не пришлось прибегать к осуществлению таких жестких мер. Если бы правительство обладало большинством в конгрессе и имело возможность повысить налоги на доходы состоятельных слоев населения, оно смогло бы с самого начала справится с бюджетным дефицитом и прежде всего предотвратить рост инфляции. Но даже при всей серьезности проблемы, какой она была в середине 1972 года, когда правительство стояло перед лицом растущей инфляции и огромного дефицита как в своем бюджете, так и предприятий, увеличение прогрессивного налога, если бы существовала такая возможность, все еще могло изменить ход событий. У правительства в таком случае не было бы необходимости полагаться только на повышение цен с целью сокращения дефицита и ограничения роста денежной массы. Однако все эти «если бы» не интересовали Матуса. Он должен был выбирать — и немедленно — между реально существовавшими альтернативами: или повысить твердые цены и установить контроль за дефицитом, или позволить инфляции продолжать расти астрономическими темпами, что привело бы к дальнейшему перемещению все большего количества товаров с легального рынка на черный;

или внести коррективы в нереальную структуру цен, или наблюдать, как фермеры будут скармливать пшеницу и молоко скоту; или девальвировать эскудо, или наблюдать, как по сравнению с другими товарами цены на импортные товары становятся нелепо низкими, способствуя росту импорта и нелегальному вывозу его из страны.

Политика Матуса состояла в том, чтобы осуществить повышение цен на откровенно дискриминационной основе. Резко увеличились цены на предметы роскоши, например автомобили. Плата за телефон особенно возросла для тех, кто жил в богатых районах. А цены на потребительские товары массового спроса повышались настолько, насколько это было необходимо. Такая система цен могла бы частично заменить ту налоговую систему, которую конгресс не разрешал правительству ввести.

Однако политика выборочного повышения цен имела пределы. Повышение цен на предметы роскоши не могло привести к существенному увеличению доходов, поэтому необходимо было увеличить цены и на другие товары. Кроме того, существовали особые причины для значительного повышения цен на многие товары, включая товары массового потребления. Например, цены на продукты питания необходимо было повысить в таких размерах, чтобы можно было обеспечить достаточные доходы чилийским фермерам и возместить расходы в связи со значительным увеличением цен на продовольствие на мировом рынке.

Поскольку новое повышение цен, которое вводилось с августа, серьезно подрывало покупательную способность населения, правительство обсудило с Единным профсоюзным центром трудящихся Чили вопрос о сохранении уровня реальной заработной платы трудящихся. Была достигнута договоренность о том, что ежегодный пересмотр шкалы заработной платы и окладов будет перенесен с января на октябрь. Заработная плата и оклады с 1 октября будут повышены на 100% от роста стоимости жизни в период с начала года по конец сентября.

Чтобы не допустить дефицита в бюджете государственных предприятий в результате пересмотра размеров заработной платы и окладов, правительство решило провести достаточно высокое повышение цен и за счет этого компенсировать увеличение зарплаты. Чтобы финансировать повышение зарплаты для государственных служащих, правительство намеревалось внести в конгресс предложения об увеличении налогов. Матус знал, что большое повышение цен, проводимое в течение определенного периода, вызовет потрясение в экономике.

Однако он надеялся путем ликвидации дефицита в бюджете государственных предприятий поставить под контроль основную проблему — увеличение денежной массы. Он надеялся, по его собственным словам, что после периода лишений наступит приемлемая степень стабильности.

Решение о девальвации вступило в силу 5 августа. Цена доллара в отношении эскудо возросла при импорте сырья на 58%, продовольствия и горючего — на 64%, а при покупке машин, оборудования и предметов роскоши — еще больше. Некоторые экономисты подсчитали, что только одна девальвация приведет к увеличению цен на потребительские товары на 15%¹.

При пересмотре цен следовало учитывать не только девальвацию и планируемое повышение в октябре заработной платы и окладов, но и инфляционный рост других расходов с момента предыдущего установления шкалы цен. Пересмотр цен осуществлялся в течение августа и начала сентября. Практически каждый день объявлялось о новом крупном повышении цен. 1 августа были повышены на 100% цены на сигареты; 12 августа — на безалкогольные напитки и пиво от 85 до 100%; 13 августа — на автомобили на 220%; 16 августа — на ткани от 60 до 90%; 19 августа — на говядину на 200%; 20 августа — на молоко на 40%, на хлеб на 75%; 9 сентября — на обувь на 100%.

Рост индекса потребительских цен в течение семи месяцев — с января по июль — составил 33,2%. Однако только в августе индекс подскочил на 22,7% и в сентябре — на 22,2%. Гигантски возросли цены не только на предметы роскоши, но и на товары первой необходимости. Например, индекс цен на продукты питания вырос в августе на 38,1% и в сентябре — на 30,4%.

Оппозиция не упускала ни одного случая, чтобы усугубить трудности. «Меркурио» подогревала настроения неувренности в связи с ростом инфляции. В то время как представители правительства заявляли о том, что по окончании периода перестройки экономики в результате девальвации и повышения цен наступит период стабильности, «Меркурио» утверждала, что проведенная девальвация не является последней, что повышение цен не разрешит проблему контроля над массой бумажных денег. Публикуя фотографии очередей в магазинах, газета всячески обыгрывала тему о нехватке товаров, которая усилилась в связи с тем, что торговцы утаивали их в ожидании нового повышения цен. Профсоюзные лидеры из числа христианских демократов, стремясь вызвать недовольство среди трудящихся, обратились к национальному

руководству КУТ с призывом предотвратить повышение цен. Христианско-демократическая и национальная партии организовали марши протеста в Консепсьоне, Вальпараисо и Сантьяго. Президент Общества содействия развитию производства Орландо Саэнс опубликовал заявление, в котором говорилось: «Возрождение экономики Чили необходимо начинать с восстановления порядка, дисциплины и налаживания четкой работы, однако у нас есть основания сомневаться, что нынешнее правительство способно это осуществить»².

Не дремал и конгресс. Хотя правительство стремилось уменьшить свою зависимость от конгресса, пытаясь поставить безудержную эмиссию денег под свой контроль путем повышения цен, а не налогов, которые являлись юрисдикцией конгресса, тем не менее оно оставалось уязвимым перед саботажом со стороны конгресса. Увеличение заработной платы и окладов для государственных служащих нельзя было осуществить за счет повышения цен, как рабочим государственных предприятий. В решении этого вопроса правительство зависело от конгресса. Если бы конгресс отказался проголосовать за новые налоги, необходимые для указанного повышения, увеличился бы дефицит правительственного бюджета. Правительство могло преуспеть в своих усилиях сдерживать поток бумажных денег, текущий в экономику от предприятий, и оказаться перед новой проблемой — безудержным усилением этого потока в результате своих собственных расходов.

Рост индекса потребительских цен в августе и сентябре привел к тому, что общий рост цен за период с января по сентябрь достиг 99,8%. Поэтому заработная плата и оклады государственных служащих при пересмотре, намеченном на октябрь, должны были быть увеличены в два раза. Такое увеличение, если бы не удалось найти соответствующие источники его финансирования, без сомнения, привело бы к невиданному росту дефицита правительственного бюджета. Оппозиция в конгрессе была, естественно, заинтересована не в том, чтобы остановить рост дефицита и инфляции, а в том, чтобы вызвать экономический хаос, это она и делала с момента прихода правительства Народного единства к власти: утверждая расходы, оппозиция отказывалась голосовать за соответствующее финансирование этих расходов.

Правительственные экономисты не ожидали, что рост общего уровня цен в связи с повышением твердых цен будет таким гигантским, каким он оказался в действительности. Они надеялись, что дефицит в бюджете государственных предприятий удастся ликвидировать, не прибегая к столь резкому по-

вышению стоимости жизни и к такому массированному увеличению заработной платы и окладов.

Осуществленное повышение цен потрясло народ, и, пройдя только половину намеченного пути пересмотра цен, власти стали выражать беспокойство по поводу целесообразности доведения его до конца. Дальнейшее повышение цен могло бы привести к еще большему росту стоимости жизни, к необходимости еще большего повышения заработной платы и окладов. В условиях, когда конгресс отказывался финансировать увеличение заработной платы и окладов государственных служащих, дальнейшее повышение цен вызвало бы еще больший дефицит в бюджете административных расходов правительства. Мог ли кто-нибудь быть уверен в том, что повышение цен не приведет к такому увеличению дефицита государственных расходов, который превысит сокращение бюджетного дефицита предприятий?

Правительство приостановило дальнейшее повышение цен, несмотря на то, что цены на продукцию некоторых предприятий еще не были пересмотрены. В результате расходы этих предприятий необычайно возросли, а бюджетный дефицит достиг небывалого уровня. Сохранялся дефицит и государственного бюджета. И хотя новые экономические меры правительства носили радикальный характер, они не привели к установлению контроля над ростом денежной массы.

Некоторые круги в Народном единстве, а также ультра-левые подвергли критике политику девальвации и пересмотра цен, утверждая, что она усилила инфляцию и вызвала экономический кризис. При этом они обходили вопрос о том, что произошло бы, если бы правительство отказалось от осуществления своей новой политики. Фактически условия для усиления инфляции и кризиса были созданы чрезмерным ростом денежной массы задолго до ее осуществления. Этот рост, если бы его оставили без контроля, в любом случае привел бы к кризису. И чем дольше откладывалось бы решение этого вопроса, тем тяжелее был бы кризис, тем болезненнее были бы меры по его ликвидации. Действия правительства в таких условиях представляли собой, по меньшей мере, попытку найти выход из создавшегося положения.

Могли ли новые меры правительства, хотя они и не позволили поставить под контроль выпуск денег, привести, по крайней мере, к замедлению роста инфляции и улучшению ситуации в этой области? На такой вопрос невозможно дать ответ. Политика правительства была рассчитана на несколько месяцев, в течение которых девальвация и пересмотр цен должны были оказать благоприятное воздействие на экономику,

и оно надеялось, что затем наступит ослабление роста инфляции. Однако на третий месяц после начала осуществления указанных мер оппозиция нанесла по экономике сокрушительный удар — она организовала октябрьскую забастовку.

Октябрьская забастовка была направлена против правительства и явилась попыткой парализовать экономику. Забастовку начала Конфедерация владельцев грузовых машин, к которой затем присоединились Конфедерация владельцев магазинов, ассоциации врачей, инженеров, адвокатов, многие автобусные компании, таксисты, служащие банков, некоторые средние школы, университеты и часть крестьян, входивших в профсоюзы, контролируемые христианско-демократической и национальной партиями.

За организаторами забастовки стояло ЦРУ. Газета «Нью-Йорк таймс» 20 сентября 1974 года писала: «Центральное разведывательное управление, как признался сегодня источник из разведывательных органов, в течение 18 месяцев, предшествовавших свержению президента Сальвадора Альенде Госсенса, тайно финансировало бастующие профсоюзы и другие профессиональные организации.

...Этот источник сообщил, что среди тех, кто получал особенно большую финансовую помощь, были и организаторы забастовки владельцев грузовиков. Эта забастовка осенью* 1972 года длилась 26 дней и нанесла серьезный ущерб чилийской экономике...»

Бастующие владельцы грузовиков нанимали террористические банды для борьбы против тех водителей, которые не хотели участвовать в забастовке. С этой целью они разбрасывали на дорогах мигулитос — остроконечные стальные шипы, легко прокалывающие шины автомашин. На многих владельцев магазинов, которые пытались продолжать торговлю, организовывали нападение с применением оружия. Предпринимались попытки вывести из строя дорожные туннели, железнодорожные линии и нефтепроводы. Правительство вынуждено было ввести чрезвычайное положение в 21 из 25 провинций Чили.

Врагам Народного единства не удалось парализовать экономику. Рабочие брали под свой контроль предприятия, владельцы которых по призыву Общества содействия развитию производства намеревались остановить производство и даже предлагали рабочим выплачивать заработную плату за нерабочие дни. Многие врачи, не считаясь со временем, заменяли тех, кто присоединился к забастовке. Продолжали торговать

* В Чили в это время была весна.

некоторые магазины, особенно в бедняцких районах. По инициативе КУТ и других организаций бригады рабочих и молодежи занимались транспортировкой и распределением продуктов питания и других товаров первой необходимости.

Тем не менее забастовка нанесла большой ущерб. Она привела к большим финансовым потерям как для самого правительства, так и для предприятий, обострив тем самым проблему дефицита и инфляции. Эти убытки легли тяжелым грузом на государственный бюджет, уровень доходов которого продолжал оставаться очень низким в течение нескольких месяцев даже после окончания забастовки. Министр финансов в середине ноября сообщил, что поступления в бюджет от торгового налога и налога с оборота — наиболее важный вид налогов в Чили — составят только 50% от обычного уровня³. Потерпели убытки многие предприятия.

Забастовка не только привела к потерям скоропортящейся сельскохозяйственной продукции, которую не смогли доставить на рынки, но и отрицательно сказалась на проведении весеннего сева и на заготовке кормов для скота, что вело к сокращению выпуска сельскохозяйственной продукции в будущем. Во время забастовки было потеряно десять миллионов литров молока и огромное количество овощей. Поскольку из-за сильных дождей в предшествовавшую зиму затянулись сроки проведения посевных работ, была возможность наверстать упущенное время весной. Однако забастовка вызвала значительные перебои в обеспечении сельского хозяйства семенами, удобрениями, пестицидами, горючим для автомашин и тракторов. В результате оказались незасеянными пять миллионов гектаров плантаций сахарной свеклы. С запозданием были доставлены семенной материал для посадки картофеля, бобов и кукурузы, удобрения для картофеля, медный купорос для опрыскивания виноградников. Из-за перебоев в снабжении скота кормами много животных было забито раньше установленных сроков.

Забастовка привела также к значительной потере остродефицитной иностранной валюты. Недостаток некоторых видов сельскохозяйственной продукции пришлось восполнять за счет увеличения импорта. Сокращение посевов сахарной свеклы на пять миллионов гектаров привело к дополнительным расходам валюты на импорт, составившим шесть миллионов долларов. Снизился объем экспорта. В результате сокращения производства было потеряно пять тысяч тонн меди на сумму пять миллионов долларов⁴.

Забастовка вызвала сокращение до опасного уровня товарных запасов во всей стране, начиная с предприятий, ферм,

компаний по импорту и кончая магазинами розничной торговли. Страна осталась без достаточных резервов растительного масла, пшеницы, муки и многих других товаров.

С точки зрения ЦРУ, время для проведения забастовки было выбрано удачно. Если до забастовки и существовала для правительства какая-то возможность реализовать некоторые свои планы, ради которых оно провело в августе и сентябре пересмотр цен, то забастовка свела ее на нет. Последовавшая сразу же за отказом конгресса выделить необходимые ассигнования на повышение заработной платы и окладов государственным служащим, эта забастовка привела к дальнейшему усилению дефицита, инфляции и нехватки товаров.

В течение октября — декабря индекс потребительских цен повысился на 32%, а за весь год это повышение составило 163,4%. Все чаще возникала необходимость прибегать к повышению заработной платы, чтобы компенсировать рост цен. Когда правительство приняло решение провести с 1 октября 1972 года радикальное повышение заработной платы, оно надеялось, что необходимость осуществлять пересмотр заработной платы, по крайней мере, в течение года не возникнет. Однако, в связи с тем что покупательная способность заработной платы и окладов, установленных 1 октября, к концу года сократилась на 32%, стало очевидно, что следующее повышение заработной платы придется проводить гораздо раньше.

Нехватка потребительских товаров после забастовки стала еще более острой.

В то же время у предпринимателей, оптовых и розничных торговцев росли запасы различных товаров. Правительство и партии Народного единства призвали народ развернуть борьбу против попыток предпринимателей и торговцев утаивать запасы товаров. Правительственные инспекторы и представители местных комитетов по снабжению и контролю над ценами (ХАП) часто в сопровождении корреспондентов и фотографов из левых газет проводили обыски на предприятиях, подозреваемых в сокрытии товарных запасов. Когда такие запасы обнаруживались, об этом сообщали газеты и их владельцы заставляли передавать товары в продажу. Деятельность указанных инспекторов и ХАП приносила определенную пользу, однако поток, который они пытались сдерживать, был слишком сильным, чтобы его можно было укротить.

В связи со стремительным ростом инфляции и нарушением существовавшего рыночного механизма некоторые представители Народного единства предложили, учитывая сложившиеся обстоятельства, забыть об инфляции, отказаться от использования обычного рыночного механизма, а вместо этого ввести

нормирование и гарантировать каждому «корзину товаров с народного рынка» по твердым ценам. Кое-кто видел в этой идее подлинно «революционный» путь решения экономических проблем Чили. Обеспечение каждого равной долей потребительских товаров явилось бы, конечно, самым справедливым методом распределения в условиях всеобщей нехватки. Однако сама идея игнорировать инфляцию была опасной, и большинство из тех, кто выступал за нормирование, не задумывались, насколько эффективна она в условиях Чили.

В апреле 1973 года Хайме попросил меня подготовить меморандум по указанной проблеме, основные положения которого приводятся ниже*:

«Тема: Нехватка товаров и инфляция.

Важно ясно представлять, от чего зависит функционирование системы нормирования, и не предаваться иллюзиям относительно возможностей ее успешного осуществления в конкретных условиях Чили. Мы также должны иметь в виду, что не сможем разрешить проблему только путем установления прямого контроля над распределением («корзина товаров с народного рынка» и т. д.). Мы должны одновременно вести активную борьбу с инфляцией.

Экономика страны находится в довольно тяжелом состоянии. Во-первых, сложилось критическое положение с иностранной валютой. Анализ, проведенный недавно отделом исследований Центрального банка, свидетельствует, что, если даже Чили не будет расходовать ни одного цента на выплату процентов по долгу США, все равно дефицит валюты составит 300 миллионов долларов или больше... Если на экономике страны еще не отразилось в полной мере сложившееся положение с иностранной валютой, то только потому, что мы использовали резервы... Однако ситуация такова, что, возможно, нам придется сократить также импорт товаров, не являющихся предметами роскоши, включая не только промышленное оборудование, но и потребительские товары и сырье для промышленности.

Во-вторых. Не обнадеживают и перспективы в сельском хозяйстве... Мы не можем исключать возможность значительного падения уровня сельскохозяйственного производства.

Однако еще большее значение, чем эти два фактора, имеет инфляция. Мы не должны вводить себя в заблуждение тем,

* Я не смог, когда покидал Чили, взять с собой меморандумы, которые я там подготовил. Однако каким-то образом «Меркурио» получила копию данного меморандума и, опустив некоторые параграфы, опубликовала его через несколько недель после переворота. Меморандум первоначально был написан на испанском языке.— Э. Б.

что, поскольку производство с 1970 года увеличилось на $x\%$, то в стране не существует нехватки товаров. Увеличение производства является большим достижением, и в политическом отношении важно подчеркивать это обстоятельство. Однако, если фактический спрос растет быстрее, чем производство, может появиться нехватка товаров, и люди ощущают это самым непосредственным образом, делая покупки в магазинах. Представляется очевидным, что рост инфляции на 160% оказывает не только сильнейшее непосредственное воздействие на возникновение нехватки товаров, но и вносит дезорганизацию в производство и распределение, играет на руку саботажникам и тем, кто утаивает запасы товаров, ложится тяжелым бременем на и без того тощие резервы иностранной валюты и т. д.

Очевидно, видимо, что при таком экономическом положении система нормирования («корзина товаров с народного рынка» и т. д.) вызовет сильное сопротивление. Насколько эта система способна выдержать такое сопротивление?

Ведь за нами не стоит население, объединенное таким патриотическим чувством, которое, например, вызывает война.

В частности, не все крестьяне на нашей стороне. Даже в том секторе сельского хозяйства, на который распространилась реформа и который охватывает 40% обрабатываемой земли, имеются асентамьенто и федерации, контролируемые христианскими демократами и даже национальной партией.

Не на нашей стороне многие частные торговцы, а государственный сектор торговли контролирует только часть распределения, в его руках только 65% импорта и 25% промышленного производства*.

Короче говоря, значительная часть звеньев той цепи, которая связывает производство или импорт с потребителем, находится в частных руках. Многие из тех, кто контролирует эти звенья, не поддерживают нас, а часть населения предпочитает закупать товары, минуя легальные каналы.

Нетрудно понять, что при существующем экономическом и политическом положении проблема нехватки товаров — это не просто проблема арифметических цифр, подсчета и т. д. По сути дела, это — проблема политической экономии.

Решение частных проблем в значительной степени зависит от решения этой главной проблемы. Например, если крестьяне не получают тех материалов, которые они просят, или тех промышленных товаров, которые их интересуют, или возникнет черный рынок этих товаров, на какой успех мы можем

* Эта цифра отличается от цифры «40», приведенной выше, вследствие того, что в нее не вошла горнорудная промышленность.— Э. Б.

рассчитывать, призывая их продавать свою пшеницу государственным организациям по официальной цене? Другой пример: спросите вашего лавочника, почему он продает товары по нелегальным ценам, и он ответит: «Потому что я сам плачу такие цены». Я не защищаю нечестных лавочников, однако необходимо признать, что даже честные и симпатизирующие правительству торговцы могут оказаться в трудном положении. Чтобы призывать их продавать свои товары по официальным ценам, мы должны обеспечить им возможность покупать эти товары по таким же ценам.

Политический аспект проблемы очевиден. Мы не хотим терять свои позиции прежде всего среди крестьян, но и среди владельцев магазинов тоже. Наша политика по отношению к ним должна быть реалистичной, учитывающей наше положение и их проблемы.

Помимо того что не все население идет за нами, мы не обладаем и всей полнотой власти. Это ограничивает нашу возможность использовать меры принуждения со стороны государства против тех, кто не выполняет своих экономических обязанностей, кто нарушает правила нормирования и т. д. Оппозиция утверждает, что введение нормирования, создание ХАП и т. д. являются незаконными мерами и что суды поддерживают ее в этом. При применении санкций мы можем и должны опираться на действия масс. Однако, не пользуясь поддержкой всего населения, не всегда легко или возможно сделать это. Например, если значительная часть асентамьенто не будет сотрудничать с нами при реализации системы экономических мер, привлечь массы к оказанию давления на них будет нелегко.

Чтобы заставить функционировать систему распределения, можно использовать три главных рычага: 1) рынок; 2) политические и моральные стимулы; 3) принуждение. Если один из этих рычагов не сработает, придется в большей степени использовать другие.

Очевидно, есть люди, считающие, что серьезное отношение к инфляции — это не дело революционеров, что денежный фактор не имеет реального значения и т. д. Однако, если страна будет наводнена бумажными деньгами, это приведет к вполне реальным последствиям. Чем-то в области экономики придется поступиться. Если даже удастся установить контроль над распределением и предотвратить появление черного рынка, все равно инфляция повлечет за собой самые серьезные последствия. Многие, имея избыток денег, будут меньше работать, увеличится количество прогулов и т. д. В условиях Чили введение системы распределения не будет иметь необ-

ходимого эффекта. Мы можем оказаться в таком положении, когда все чаще и чаще нам придется прибегать к мерам принуждения даже к тем, кто симпатизирует нам, что нанесет нам политический ущерб. В идеях, которые не только не могут нам помочь, но и наносят политический урон, нет ничего революционного».

Если найти аргументы в подтверждение серьезности положения с иностранной валютой и инфляцией не представляло трудности, совсем другое дело найти решение для этих проблем. Хайме попросил меня подготовить для Совета директоров Центрального банка рекомендации относительно решения проблемы иностранной валюты. Беседы в банке с теми, кто отвечал за операции с иностранной валютой, убедили меня, что за этими операциями установлен жесткий контроль. Несмотря на это, по моему мнению, можно было бы получать дополнительную экономию валюты по двум или трем менее важным статьям расходов, таким, как выплата процентов по займам и туризм. Вот что написано по этому поводу в моем меморандуме, опубликованном в «Меркурио»:

«Мы не должны делать ставку на оптимистические прогнозы относительно ситуации с иностранной валютой — вместо этого необходимо сокращать до минимума расходы на выплаты по займам, на туризм, на содержание чилийских дипломатических представительств за рубежом. (Я несколько раз ездил с чилийскими представителями за рубеж и должен отметить, что их нормы командировочных расходов были чересчур высокими. Было бы целесообразно пересмотреть размеры окладов чилийских работников за рубежом; критерии для установления этих окладов были выработаны еще до прихода к власти правительства Народного единства.) ...Мы также должны пересмотреть запланированные расходы иностранной валюты на покупку промышленного оборудования и определить, какие закупки можно отложить. Мы вступаем сейчас в решающий период развития. Более важное значение имеет состояние экономики в данный момент, чем результаты наших инвестиций в будущем...»

Хайме передал рекомендации Совету директоров банка. Решение сократить выплаты по иностранным займам было уже принято. Совет принял также рекомендацию сократить расходы на туризм. Эти меры были полезны, однако они не могли решить всей проблемы иностранной валюты, положение с которой оставалось критическим.

Мы с Хайме много раз обсуждали вопрос, как установить контроль над инфляцией. Проблема казалась неразрешимой. Правительство не могло бороться с инфляцией методами, к

которым прибегали буржуазные правительства, то есть за счет рабочего класса, путем снижения реальных доходов и безработицы. Однако могло ли правительство, имевшее меньшинство в конгрессе, бороться с инфляцией за счет тех, кто был способен за это платить? Все проблемы, связанные с инфляцией — кредитная политика, финансовая политика, политика цен, политика в области заработной платы, — следовало рассматривать в комплексе. Их нужно было решать все вместе так, чтобы обеспечить функционирование производства и занятость, сохранить систему перераспределения доходов, осуществленную правительством Народного единства, и в то же время как-то замедлить рост инфляции.

Сокращение кредита не могло быть главным оружием в борьбе с инфляцией. Попытки контролировать рост массы бумажных денег, которая увеличивалась в Чили с невероятной быстротой, с помощью ограничения всех видов кредита привели бы к тому, что промышленные и торговые предприятия, а также фермы лишились бы фондов, необходимых для поддержания производства. Такие попытки вызвали бы резкое падение выпуска продукции и огромное увеличение безработицы. Если кредит рос темпами более быстрыми, чем этого требовала экономика, их нужно было сдерживать, допуская только такие темпы его роста, которые были необходимы для ее функционирования. Однако в одной или двух сферах можно было ввести строгие ограничительные меры в отношении предоставления кредита. Например, некоторые виды кредита, предоставляемого фермерам, вышли из-под контроля и могли быть ограничены.

Самым эффективным потенциальным оружием для борьбы с инфляцией, если бы его можно было применить, являются налоги. С помощью увеличения налогов дефицит государственного бюджета — главная причина роста инфляции — можно было бы сократить. Увеличить налоги можно было бы только на зажиточные слои населения, не затрагивая бедную его часть.

Другое средство уменьшения бюджетного дефицита — сокращение правительственных расходов. Некоторое сокращение было даже желательно. В бюджете еще содержались статьи расходов, которые достались в наследство от предыдущих администраций и которые для правительства, ставившего своей целью построение социализма, не были необходимы, например статьи расходов на строительство ненужных дорог. Однако возможность уменьшения бюджетного дефицита с помощью сокращения правительственных расходов была довольно ограниченной. Поскольку 90% расходов правительств

па шло на выплату заработной платы и окладов государственным служащим, любое сокращение этих расходов привело бы к безработице.

Рост массы бумажных денег можно было бы также ограничить путем уменьшения финансового дефицита государственных предприятий, для чего надо было поднять цены на выпускаемые ими товары. В определенных масштабах использования этого метода нельзя было избежать. Дефицит у предприятий был огромный и продолжал расти, поэтому сдерживать этот рост было необходимо. И все же, как показали события в августе и сентябре 1972 года, этот метод следовало применять с крайней осторожностью. Повышение указанных цен повлекло бы за собой либо еще большее повышение зарплат, что привело бы к еще одной спирали в росте цен и зарплаты, либо — если отказаться от увеличения зарплаты — снижение реальных доходов трудящихся.

Программа борьбы с инфляцией, защищая реальные доходы трудящихся, должна была предусматривать какие-то меры по ограничению роста цен и заработной платы. Нельзя было избежать периодических пересмотров заработной платы в связи с необходимостью приведения ее в соответствие с ростом стоимости жизни. Для низкооплачиваемых категорий работников это повышение заработной платы и окладов не могло составлять менее 100% от роста стоимости жизни. Меньшее увеличение привело бы к ухудшению их положения, было бы несправедливым и неразумным в политическом отношении. Однако, подобно всем другим доходам в Чили, доходы в форме заработной платы и окладов были очень неравными. У 85% получающих заработную плату и оклады они составляли менее трех прожиточных минимумов в месяц, в то время как у некоторых оклады достигали двадцать или более прожиточных минимумов. Те, кто получал заработную плату и оклады в размере, скажем, пяти прожиточных минимумов или больше, могли довольствоваться меньшим повышением, чем 100%.

Из всех методов борьбы с инфляцией главным было налогообложение. Он не страдал теми недостатками, которые имели другие. Могло быть проведено такое увеличение налогов, которое не повлекло бы за собой роста безработицы, сокращения доходов низших классов и повышения цен и заработной платы.

Значительное увеличение доходов от налогов позволило бы ослабить другие меры по контролю за ростом массы бумажных денег, в противном случае их пришлось бы крайне ужесточить. С помощью таких дополнительных налогов инфляцию можно было бы поставить под контроль, не прибегая

к сокращению занятости и доходов трудящихся, что было неприемлемо для правительства Народного единства.

Хайме и я умышленно пытались составлять наши анализы независимо, насколько это было возможно, от политики, которую проводило правительство. Заканчивая анализ, мы обычно убеждались, что наши выводы и политика правительства совпадали. Правительство постоянно пыталось добиться утверждения решений об увеличении прогрессивных налогов. Оно готовилось к пересмотру цен, но делало это осторожно. В мае 1973 года правительство объявило о большом повышении заработной платы и окладов низкооплачиваемым. Однако правительство оказалось в безвыходном положении: оно не могло бороться с инфляцией за счет трудящихся, а конгресс отказывался санкционировать налоги на богатых. Инфляция продолжала расти.

Что могло сделать правительство, не имевшее контроля над конгрессом? Пытаться использовать все возможности, которыми располагала исполнительная власть? Мы с Хайме считали, что правительству следовало попытаться повысить доходы путем более строгого применения уже существовавших законов о налогах, что ему следовало провести массовую революционную кампанию с целью заручиться поддержкой народа в борьбе с уклонениями от уплаты налогов. Мы также полагали, что в работе аппарата правительства, занимавшегося финансовыми вопросами, было много изъянов. Полномочия и ответственность были поделены между различными ведомствами, что вносило много путаницы. Полномочия вести борьбу с инфляцией следовало предоставить одной организации и одному лицу, которые должны были отчитываться за свои действия. Хайме попросил меня подготовить меморандум с анализом этого вопроса и предложениями, которые он затем направил в канцелярию президента.

В июне 1973 года Карлос Матус стал директором Центрального банка, а Хайме был назначен советником по экономическим вопросам при президенте Альенде. Матус попросил меня работать вместе с ним и Хайме над подготовкой мер по борьбе с инфляцией. Я сказал Матусу, что, по моему мнению, было бы полезным устранить недостатки в деятельности ведомств, занимающихся финансовыми вопросами, хотя это и не решило бы главные проблемы. Я обратил его внимание на унаследованное неразумное разделение полномочий и ответственности между министерством экономики и Центральным банком как на главную причину, ведущую к усилению и без того большого дефицита, создавшегося на государственных предприятиях. Министерство экономики имело полномочия

устанавливать более низкие цены на производимые ими товары, не неся при этом никакой ответственности за борьбу с дефицитом, к которому вели такие цены. Центральный банк нес ответственность за финансирование дефицита, не имея полномочий устанавливать цены, которые вызывали дефицит.

Преимущества и негативные последствия установления твердых цен на низком уровне не были достаточно взвешены; министерство экономики учитывало при этом в основном преимущества, возлагая на Центральный банк обязанность заниматься негативными последствиями. Кроме того, было ошибкой возлагать функцию распределения фондов среди предприятий для покрытия дефицита на банковскую систему под предлогом, что эти фонды являлись займами. Фактически же указанные фонды никогда не возвращались и поэтому представляли собой не займы, а субсидии. Банковские служащие, независимо от своей способности судить об обоснованности заявок на займы, не были достаточно компетентны, чтобы учитывать все «за» и «против» при рассмотрении вопросов о предоставлении субсидий.

Матус согласился со мной и попросил подготовить меморандум по этому вопросу для Комитета по экономическим вопросам при кабинете министров. В меморандуме высказывалось предложение об образовании специального комитета в составе представителей министерств экономики и финансов, Центрального банка и КОРФО, которая руководила деятельностью государственных предприятий; на этот комитет следовало возложить обязанность как устанавливать цены, так и определять размер бюджетных ассигнований на субсидии. Участие представителей указанных организаций в работе комитета позволило бы им согласовывать свои точки зрения по этим вопросам и избегать одностороннего подхода ко всей проблеме.

Если бы комитет принял решение сохранять твердые цены на низком уровне, ему пришлось бы нести ответственность и за предоставление субсидий, чтобы компенсировать разницу между уровнем доходов и зарплатой. Если бы он, с другой стороны, решил сдерживать рост субсидий, чтобы предотвратить чрезмерное усиление инфляции, ему бы пришлось нести ответственность за соответствующее повышение цен. В меморандуме предлагалось также возложить обязанности по определению размера субсидий, предоставляемых отдельным предприятиям, на финансовый отдел КОРФО, который лучше, чем банки, был осведомлен о финансовых проблемах предприятий и мог лучше определить общие экономические потребности.

Комитет по экономическим вопросам одобрил это предложение.

Матус попросил меня также изучить вопрос о возможных мерах по проведению систематического наступления на инфляцию. Я обсуждал с директором по бюджетным вопросам возможность увеличения доходов за счет повышения налогов и сокращения правительственных расходов; с экономистами министерства финансов — проблему сокращения дефицита государственных предприятий за счет повышения цен на товары не первой необходимости; с экономистами из Управления капиталовложений Центрального банка — проблему сокращения правительственных расходов путем отсрочки капиталовложений. Много времени ушло на различные консультации и изучение статистических данных.

Беседа с директором по бюджетным вопросам была далеко не обнадеживающей. Мы знаем, сказал он, что конгресс отказывается санкционировать введение необходимых налогов. Некоторое сокращение правительственных расходов можно осуществить, но не столь существенное, чтобы это имело какое-то значение. Наиболее благоприятное время для организации кампании против тех, кто уклоняется от уплаты налогов, уже прошло. Такую кампанию, конечно, можно было бы еще провести, но потребуется время, чтобы ее организовать. Необходимо в первую очередь сформировать в Бюро внутренних налогов специальную группу для ее проведения. Я настойчиво задавал директору вопросы в умышленно категорической форме и затем пришел к выводу, что, несмотря на малообнадеживающие перспективы, необходимо использовать все имеющиеся возможности для увеличения доходов и сокращения расходов, особенно для проведения кампании против уклонения от уплаты налогов. Определенную пользу это даст. Не существовало какого-то одного магического средства для борьбы с инфляцией, и нельзя было игнорировать ни один фронт этой борьбы, где можно было бы добиться хоть каких-то результатов.

Экономисты министерства финансов с энтузиазмом отнеслись к возможности проведения выборочного повышения цен. Они вручили мне толстую папку со статистическими расчетами того, какой эффект может дать повышение цен на различные товары, к какому увеличению доходов и сокращению дефицита государственных предприятий это приведет, какое влияние окажет повышение цен на индекс потребительских цен. Цены на товары первой необходимости предлагалось повысить в значительно меньших размерах, чем на предметы роскоши. Я не разделял мнения экономистов о возможности

ограничить рост инфляции только с помощью одного повышения цен. Я считал, что, если мы будем вынуждены полагаться только на повышение цен и не сможем остановить рост дефицита государственного бюджета, мы окажемся в таком положении, хуже которого трудно себе представить: реальные доходы трудящихся будут сокращаться, а инфляция будет расти.

Во время встречи с экономистами из Управления капиталовложений Центрального банка я обнаружил, что они очень сдержанно относятся к предложению о сокращении инвестиций: «Инвестиции — священные и неприкосновенны, ибо от них зависит будущее». Инвестиции играют важную роль, возражал я, но необходимо что-то делать с инфляцией, иначе она настолько усилится, что приведет к хаосу в экономике. У нас ограниченные средства борьбы с инфляцией, поэтому приходится принимать трудные решения.

Время от времени я докладывал Матусу о результатах своих изысканий. Он соглашался с необходимостью предпринять попытку получить дополнительные доходы от налогов. Как-то в августе он сказал мне: «Сегодня у меня ленч с адмиралом Монтеро (командующий ВМС, только что назначенный министром финансов), и я попытаюсь уговорить его оказать давление на конгресс, чтобы получить согласие на увеличение налогов. Может быть, адмиралу больше повезет, чем обычному министру финансов». Когда я снова встретился с Матусом, он рассказал, что Монтеро произвел на него впечатление человека, настроенного патриотически, озабоченного последствиями инфляции на экономику и заинтересованного в том, чтобы использовать все возможности для борьбы с ней, включая введение дополнительных налогов. Однако те, кто готовил переворот, уже принимали меры для устранения тех высших офицеров, которые, подобно Монтеро, поддерживали конституцию. Через несколько дней Монтеро принудили уйти в отставку с поста министра финансов.

Одновременно с оппозицией в конгрессе, которая блокировала реализацию единственной имевшейся у правительства возможности для противодействия инфляции, усиливали свою активность другие враги Народного единства, включая ЦРУ.

В апреле началась забастовка на руднике Эль-Теньенте. Административный персонал и некоторое число рабочих прекратили работу, требуя для себя большего увеличения заработной платы и окладов, чем для всех остальных. Забастовщики принадлежали в основном к сторонникам профсоюзных лидеров из числа христианских демократов. Оппозиционные газеты и конгрессмены, которые при предыдущих правитель-

ствах никогда не проявляли интереса к повышению заработной платы, сейчас выступили в поддержку требования забастовщиков. Обошлась эта забастовка очень дорого, учитывая сокращение производства меди и потери в иностранной валюте.

26 июля начали вторую забастовку владельцы грузовиков; к ней снова присоединились те же группы, которые бастовали вместе с ними в октябре, — торговцы, хозяева автобусных компаний и таксисты, врачи и другие специалисты. И снова она сопровождалась актами насилия и саботажа. К 20 августа вторая забастовка по своей продолжительности сравнялась с первой. Разведывательные источники «Нью-Йорк таймс» прямо указали, что эта, как и первая, забастовка финансировалась ЦРУ⁵.

Забастовка владельцев грузовых машин явилась кульминацией кампании, предпринятой правительством США и противниками Народного единства внутри страны с целью вызвать в Чили экономический хаос. Продолжительные, тщательно спланированные и скоординированные усилия, предпринимавшиеся на многих фронтах, начали приносить плоды. Уже перед указанной забастовкой экономика находилась в катастрофическом состоянии. В течение семи месяцев — января — июля 1973 года — индекс потребительских цен поднялся на 114%. В июле 1973 года он был на 320% выше, чем в июле 1972 года. Вторая забастовка владельцев грузовиков нанесла последний удар.

Трудно было достать любой товар, даже хлеб. Мы с женой по субботам вставали очень рано и отправлялись в большую пекарню, расположенную на авенида Провиденсия, в миле от нашего дома. Там мы становились в длинную, растянувшуюся на три — шесть кварталов очередь. Иногда, простояв в очереди три-четыре часа, мы узнавали, что мука кончилась и хлеба не будет. Приходилось предпринимать новую попытку, чтобы достать хлеб в другом месте, или снова приходить сюда на другой день.

Лидеры различных групп, участвовавшие в забастовке, даже не пытались делать вид, что закончат ее, если правительство удовлетворит их требования. В своих заявлениях для прессы и в телевизионных интервью они давали ясно понять, что добиваются, по словам «Меркурио», «радикальных перемен». Забастовка была лишь частью более широких усилий, направленных на создание благоприятной обстановки для осуществления переворота.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ С ИЮЛЯ 1972 ГОДА ДО ПЕРЕВОРОТА

В июле 1972 года снова вспыхнули разногласия среди партий левого блока. В Консепсьоне МИР выступило с призывом сформировать в противовес правительству Народного единства Народную ассамблею как орган двоевластия. Призыв был поддержан некоторыми местными организациями социалистов, радикалов, партии МАПУ; коммунистическая партия высказалась против этой инициативы. Альянде немедленно направил лидерам Народного единства письмо, отвергая любые попытки применения параллельной тактики, создания параллельного движения или учреждения параллельной власти. «...Враги народного движения,— писал Альянде,— добиваются, чтобы народ изменил мнение о своем правительстве», с тем чтобы им было легче его свергнуть. Наилучшим образом служит этой вражеской тактике раскол. «В провинции Консепсьон второй раз за последние три месяца проявлялись раскольнические тенденции, подрывающие сплоченность Народного единства... Народ не может прийти к власти в результате раскольнических маневров тех, кто строит утопические планы, порожденные политическим романтизмом, и призывает, полностью игнорируя действительность, к созданию так называемой «народной ассамблеи».

«Подлинно революционная народная ассамблея,— указывал Альянде,— это орган, который полностью является представительством народа... Она сосредоточивает в себе все формы власти, то есть является не только органом обсуждения, но и управления. В других странах она возникала в качестве «второй власти», направленной против старорежимного реакционного правительства, не имеющего общественной поддержки и влияния... Попытка некоторых увлечшихся людей навязать простым волюнтаристским актом народную ассамблею свидетельствует, «что в данном случае имеет место неправильный анализ соотношения сил в стране... Если бы речь шла лишь о трибуне для словесных упражнений, это не вызвало бы особого внимания со стороны правительства. Но мой

долг — указать, что ее создание — опасный прецедент, который может превратиться в источник провокаций...»¹

В то время как левые партии были заняты раздорами, оппозиционные партии укрепляли свое сотрудничество. Последние все еще беспокоили разногласия между национальной и христианско-демократической партиями и между различными группировками внутри этих партий. Представитель левого крыла христианско-демократической партии Ренан Фуэнтеальба выступил против раскола Чили на два непримиримо враждебных блока и предложил создать центристскую Зону демократической стабильности. Правые христианские демократы были против этого, и, поскольку они контролировали партию, предложение Фуэнтеальбы было отвергнуто. Национальная партия протестовала против переговоров христианских демократов с правительством Народного единства. Однако расхождения подобного рода имели главным образом тактический характер. Христианские демократы пошли на переговоры лишь для того, чтобы создать впечатление ревнителей конституционной демократии; они выдвинули такие требования, которые правительство Народного единства заведомо не могло удовлетворить. В августе оппозиционные национальная, христианско-демократическая партии, левые радикалы и партия радикалов сформировали так называемую Демократическую конфедерацию (КОДЕ)), рассчитывая, выставив по одному кандидату от оппозиции в каждом избирательном участке, создать объединенный фронт против Народного единства на выборах в конгресс в марте 1973 года.

К середине года национальная партия особенно активно стала настаивать на принятии решительных, завершающих действий против правительства Народного единства. В докладе генеральному совету национальной партии, собравшемуся в конце июня, конгрессмен Фернандо Матурано так изложил позицию партии: «Если — а это очевидно — они стремятся к передышке... мы, демократы, обязаны добиться быстрой развязки»². Однако христианские демократы не стремились к немедленному свержению правительства, ибо надеялись устранить его с помощью закона, вынудив Альенде оставить пост президента после выборов в марте 1973 года; они проявляли осторожность из тактических соображений, не желая прослыть поборниками использования жестких мер против правительства прежде, чем его репутация будет достаточно подорвана.

Если оценивать действия врагов Народного единства в целом, то они руководствовались разработанной Соединенными Штатами стратегией: занять выгодную «позицию,

чтобы воспользоваться будущими преимуществами политического или военного решения чилийской дилеммы». В то время как христианские демократы выступали в роли сдерживающего фактора по отношению к не в меру ретивым членам национальной партии, возглавляемый Пиночетом Генеральный штаб сухопутных войск разрабатывал с прусской тщательностью на случай необходимости планы военного переворота. В отчете о свершившемся перевороте «Меркурио» писала, что «в июле генерал Пиночет приказал офицерам Генерального штаба пересмотреть план дислокации частей и придать ему «более наступательный или превентивный характер, с тем чтобы система заранее расположенных и подготовленных в преддверии событий войск могла быть сразу приведена в действие». Аналогичные планы были составлены и окончательно отработаны по другим родам войск»³.

Повышение цен в августе 1972 года усугубило трудности, стоявшие перед правительством, и создало ситуацию, которая подстегнула врагов Народного единства к усилению своих атак. Сложилась обстановка, которую ЦРУ давно готовило и с нетерпением ожидало. Его эксперты-экономисты, должно быть, подали сигнал: «Настало время нанести смертельный удар». Почувствовала себя увереннее национальная партия. Стали менее осторожными христианские демократы. Как и в декабре 1971 года, когда противники правительства приурочили свою первую крупную уличную демонстрацию к моменту острой нехватки продовольствия, так и теперь они воспользовались моментом, чтобы развернуть новое наступление, причем еще более мощное, еще более целенаправленное.

В последовавшие за повышением цен дни начались акции, завершившиеся октябрьской забастовкой. 21 августа закрылись на один день магазины. Это был первый этап, предшествовавший общенациональной забастовке. Стачка лавочников сопровождалась действиями, направленными на создание обстановки беспорядков и насилия. Женщины богатых кварталов Сантьяго, высунувшись из окон, колотили в кастрюли и сковородки; банды юнцов устраивали горящие баррикады, буйствовали на центральных улицах и забрасывали камнями проезжавшие автомобили; вооруженные железными прутьями группы молодчиков из «Патриа и либертад» блокировали уличное движение. Полиция пустила в ход дубинки, слезоточивый газ и пожарные брандспойты, чтобы унять распоясавшихся хулиганов. Правительство было вынуждено ввести в Сантьяго осадное положение.

На протяжении нескольких недель в стране происходили беспорядки, то затухавшие, то вспыхивающие с новой силой.

Именно в этот период ожесточенного наступления реакции компания «Кеннекотт» развернула в Западной Европе «правовые» акции против Чили. 14 сентября Альенде объявил о существовании «сентябрьского плана» свержения его правительства, указав, что в его организации замешаны видные члены национальной партии, некоторые группировки христианско-демократической партии, а также «Патриа и либертад». «Сентябрьский план» предусматривал полное прекращение работы грузового транспорта, организацию беспорядков с применением насилия и нападение на воинские части 18 сентября во время парада в честь Дня независимости с целью спровоцировать военных к действию. Альенде отметил, что заговорщикам не удалось втянуть вооруженные силы в осуществление своих планов.

На следующий день президент Национальной конфедерации наземного транспорта Хуан Маринакис заявил, что утверждения президента — «ложь, абсолютная ложь» и что конфедерация «не имеет ничего общего с этими подрывными планами». Когда на закрытом заседании сената выдвинули требования обсудить вопрос о «сентябрьском плане», находившиеся в оппозиции сенаторы с высокомерным презрением отвергли его. «Это несерьезно, это для детей», — заявил некий левый радикал, а христианский демократ добавил: «Я уйду абсолютно спокойный... чтобы помыться в турецкой бане и провести уик-энд с женой и детьми»⁴.

Хотя «сентябрьский план» не был осуществлен в сентябре, частично он был реализован в октябре, когда объявили забастовку владельцы грузовиков. Поскольку ранее ими была получена надбавка к заработкам в размере 120%, они избрали в качестве предлога для забастовки намерение правительства создать государственное транспортное предприятие для обслуживания отдаленной и малонаселенной провинции Айсен. Когда забастовка охватила всю страну, истинные причины ее уже не вызвали сомнений.

Противники Народного единства немало потрудились, чтобы организовать эту забастовку. ЦРУ не только субсидировало ее участников, но и заблаговременно внедрило своих агентов в их организации. Филип Эйджи в книге «Внутри фирмы: дневник агента ЦРУ» делится опытом своей деятельности в качестве чиновника ЦРУ в Эквадоре и рассказывает о роли Федерации владельцев грузовиков в жизни этой страны. Он пишет, что эта федерация «способна полностью парализовать жизнь страны... Это отнюдь не профсоюз, поскольку многие ее члены — владельцы грузовиков. Следовательно, федерация отражает интересы средних слоев, а не рабочего

класса; поэтому для долгосрочных целей имеет первостепенное значение установление нашего контроля над организованными профессиональными группами и оказание на них возможно большего влияния»⁵. Конечно, все это относилось и к Конфедерации владельцев грузовиков Чили.

Соответствующая работа, разумеется, велась и в США с поставщиками запасных частей для автомобилей. Владелец грузовиков постоянно жаловался на нехватку запчастей, возникшую, по их утверждениям, по вине правительства, ограничившего их ввоз. Задержки с отгрузкой запчастей компанией «Форд» и другими американскими поставщиками были далеко не случайны: я был свидетелем усилий служащих ЕНАР ускорить отправку запчастей в Чили.

Внесли свою лепту и оппозиционные партии. Теоретик христианско-демократической партии Клаудио Оррего потом напишет: «Чрезвычайно напряженная ситуация, в которой пребывала страна на протяжении месяцев, позволяла предполагать о ведущейся в обоих лагерях перегруппировке сил с целью сделать решающий ход... Во вторник 10 октября партии оппозиции обратились к населению Сантьяго с призывом выйти на демонстрацию протеста. Гигантская толпа заполнила главную улицу Сантьяго. На следующий день Конфедерация владельцев грузовиков дала согласие начать забастовку в 00 часов 12 октября»⁶.

Лидеры христианских демократов немало потрудились, чтобы обеспечить забастовке массовую поддержку и расширить ее. Оррего позднее похвалялся, что стачка стала «всеобщей благодаря присоединению к ней различных ассоциаций, многие из которых откликнулись на призывы активистов христианско-демократической партии на местах»⁷.

В выступлении по телевидению Фрей призывал поддержать забастовку, но при этом рекомендовал бастующим группам выдвигать не свои специфические, а «общенациональные проблемы». Эта забастовка, утверждал он, не следствие «политической махинации». По его словам, в Чили произошла «экономическая катастрофа» и ситуация будет не улучшаться, а ухудшаться. Фрей иронизировал по поводу заявлений Народного единства о существовании заговорщиков и фашистов. «Все это — слова», — говорил он. Только «коренные изменения» могут покончить с «агонией», переживаемой страной. Мартовские выборы, заявлял он, «следует рассматривать как плебисцит», «мы боремся за переустройство Чили»⁸.

Что могло предпринять правительство в связи с забастовкой? Это была подрывная акция, мятеж против правительства. Обычно любое правительство может использовать против

подобной забастовки всю мощь государственной машины. Оно может объявить забастовку незаконной. Может, если необходимо, применить против забастовщиков полицию и армию.

Однако положение правительства Народного единства было совершенно иным. Когда оно объявило забастовку владельцев грузовиков незаконной, отправило в тюрьму зачинщиков и начало реквизицию грузовиков, суды не поддерживали его. Наоборот, в самый разгар кризиса Верховный суд направил Альенде письмо, обвинив правительство в незаконных действиях. Тем самым суды прикрывали юридическим заслоном заговорщиков, беря их под защиту.

Не имело правительство возможности с необходимой для такого случая решимостью и твердостью использовать полицию и войска. В армии оно могло рассчитывать только на офицеров-конституционалистов, которые поддерживали бы лишь те его действия, которые соответствовали закону, а это опять-таки определялось судами. Взгляды многих офицеров и забастовщиков на правительство Народного единства, экономическое положение страны и социализм совпадали. Офицеры-фашисты попустительствовали забастовщикам по простой причине: они хотели ослабления и свержения правительства. Поэтому последнее использовало войска не для того, чтобы пресечь стачку в самом начале, а для поддержания минимума общественного порядка, пока длилась забастовка.

Лишенное возможности сорвать забастовку, правительство делало все, что было в его силах. Оно имело прочную базу среди рабочих на фабриках и заводах, на строительных площадках, крупных оптовых базах и складах; к тому же, в его руках находились многие предприятия.

Рабочие промышленных предприятий, как один, выступили против забастовки: члены христианско-демократической партии трудились рука об руку с членами партий, входивших в Народное единство. Средние слои населения были расколоты. Многие представители свободных профессий, студенты, мелкие торговцы стали на сторону правительства и рабочих.

Борьба с забастовкой породила две новые формы народных организаций: «промышленные кордоны» и общинные комиссии. Район Сантьяго насчитывает десять заводских поясов, сконцентрированных вдоль главных магистралей и дорог в городе и вокруг него; такие же пояса есть и в других городах. В каждом поясе рабочие создали организации, которые должны были взять на себя управление и защиту предприятий, отнятых у владельцев, пытавшихся закрыть их. Если «промышленные кордоны» мобилизовывали рабочих по месту работы, то общинные комиссии объединяли людей по месту жи-

тельства. В них входили представители различных местных массовых организаций — комитетов по снабжению и контролю над ценами, центров матерей, комитетов жильцов; они привлекались для распределения товаров, а также для ведения разъяснительной работы среди населения о подлинных целях забастовки.

Воспользовавшись тем, что руководители правительства были поглощены проблемой ликвидации забастовки, оппозиция протолкнула через конгресс весьма важный для себя закон, доставивший впоследствии большие неприятности Народному единству. Это был закон о контроле над оружием, внесенный несколько месяцев назад бывшим министром обороны при президенте Фрее Хуаном де Дьос Кармоной, который поддерживал тесные контакты с высшими офицерами.

В соответствии с этим законом контроль над оружием должны осуществлять исключительно вооруженные силы. Только они могли дать разрешение на производство, ввоз, хранение, распределение и владение оружием. Всем, кроме военных и карабинеров, запрещалось иметь любые виды легкого оружия: автоматы, пулеметы, гранаты, канистры с газом и т. п. Закон вводил более строгие ограничения в отношении создания частной милиции. «Те, кто организует, финансирует, предоставляет помощь, инструктирует или подстрекает к созданию частной милиции или боевых групп», подвергается тюремному заключению от полутора до пяти лет или ссылке. Нарушения закона о контроле над оружием подлежали рассмотрению военными судами.

Когда закон был одобрен, Кармона возвестил, что это «первый великий триумф тех, кто стремится к установлению в Чили демократии». Этот закон, заявил он, отнял у «политической власти» — а под этим он подразумевал президента и назначенных им лиц — малейшую возможность вмешиваться в дело контроля над оружием; принятый закон, провозглашал он, свидетельствует о «нашей вере в независимость наших вооруженных сил»⁹.

Почему президент не наложил вето на этот законопроект и даже не внес поправок, на которые он имел право и которые могут быть приняты, если не отвергаются большинством в две трети голосов конгресса? Объяснения по этому поводу весьма различны. Обозреватели левой еженедельной газеты «Чили Ой», пристально следившие за прохождением в конгрессе вопросов, касавшихся вооружений и вооруженных сил, утверждали, что законопроект прошел без запинки из-за «небрежности» и «ошибки правительства». «Администрация... запуталась в различных вето и направила свои замечания (предлагаемые

поправки) слишком поздно...» Оппозиция собрала сессию конгресса неожиданно и «быстро приступила к голосованию законопроекта, лишив конгрессменов от Народного единства малейшей возможности собрать одну треть голосов, требуемую для поддержки вето администрации»¹⁰.

С забастовкой вряд ли удалось бы справиться, если бы рабочий класс не проявил твердость, дисциплину и не оказал поддержку правительству. Если бы рабочий класс был расколот, экономика была бы доведена до состояния полного развала, в стране воцарился бы политический хаос, и те, кто замышлял переворот, не замедлили бы воспользоваться представившейся возможностью.

Однако решимость рабочего класса помогла предотвратить подобный ход событий. Подавляющее большинство тех, кто замышлял переворот, рассматривало его как резервную меру для свержения правительства на тот случай, если мартовские выборы не обеспечат им парламентского большинства в две трети голосов, необходимого для отстранения Альенде от власти. В разгар забастовки, 26 октября, «Комитет 40-ка» одобрил решение о выделении 1 427 666 долларов для финансирования оппозиционных политических партий и организаций частного сектора в период предвыборной кампании в парламент в марте 1973 года¹¹. Правительство США проявляло осторожность, опасаясь «преждевременного переворота»; если переворот окажется необходимой мерой, лучше, если он произойдет позднее, чтобы «научно» подготовить для него оптимальные условия. Фрей и его подручные надеялись, что мартовские выборы дадут христианским демократам возможность возглавить правительство. Высокопоставленные заговорщики в вооруженных силах были обеспокоены тем, что переворот мог расколоть офицерский корпус; им надо было выиграть время, чтобы привлечь на свою сторону офицеров-конституционалистов или же устранить их. Все сознавали главную опасность: путч против правительства Народного единства, имевшего столь прочную базу в массах, мог вызвать гражданскую войну. Поэтому, рассуждали заговорщики, не следует предпринимать переворот до тех пор, пока все группы оппозиции не убедятся, что это — единственный выход, пока офицеры-путчисты не будут уверены, что имеют полный контроль над вооруженными силами. Военные должны подготовить и организовать переворот с величайшей тщательностью, с тем чтобы обеспечить молниеносный успех и предотвратить тем самым гражданскую войну.

А поэтому забастовку решили спустить на тормозах. Урегулирование произошло в начале ноября, когда Альенде ввел

в свой кабинет трех военных. Пратс, сохранив за собой пост главнокомандующего сухопутными войсками и лишь временно назначив вместо себя Пиночета, стал министром внутренних дел. Он выдвинул категорическое требование прекратить забастовку в течение 48 часов.

Некоторые деятели Народного единства подвергли критике Альенде за включение в состав своего правительства военных. Слыханное ли это дело, чтобы в состав марксистского правительства входили буржуазные армейские офицеры? Хайме рассказывал мне: когда Альенде сообщил о своем намерении лидерам партий Народного единства, один или двое высказались «против». «Хорошо,— сказал Альенде,— дайте мне альтернативное решение». Поскольку его не нашли, предложение Альенде было принято.

МИР заявило: «Включение нескольких генералов в кабинет значительно изменило характер правительства — традиционные народные партии перестают быть политическим стержнем правительства. Теперь они должны передать важную часть своей политической роли вооруженным силам»¹². Вхождение военных в кабинет отнюдь не ослабило правительство, наоборот, слабость правительства вынудила пойти на этот шаг. Что же касается абстрактных рассуждений об изменении «характера» правительства, то включение военных в кабинет было временной мерой и длительность их пребывания должна была определить только необходимость.

Некоторые деятели Народного единства восприняли факт прекращения забастовки как успех правительства. Однако расценить его как успех можно было, лишь подходя к нему с позиций того, что не произошло худшее. Националисты и им подобные, жаждавшие завершения забастовки переворотом, увидели в урегулировании крушение своих надежд; остальные враги Народного единства добились того, к чему стремились.

Включение военных в кабинет было отступлением, необходимым, конечно, но все же отступлением. Этот шаг предотвратил непосредственную угрозу переворота, но ограничил свободу действий правительства. Армия позволила своим генералам служить правительству отнюдь не для того, чтобы содействовать развитию революции и социализма. Различные группы офицерского корпуса преследовали разные цели. Конституционалисты хотели защищать конституцию, путчисты пока не были готовы к перевороту, а промежуточная группа надеялась, что министры-военные приберут правительство к рукам и сделают его более терпимым.

Новый кабинет сумел установить относительный мир ме-

жду враждующими классами. Из всех задач, поставленных Альенде перед кабинетом, он выделил одну: обеспечить общественный порядок и проведение «честных выборов» в марте 1973 года. Если не считать отдельных спорадических актов насилия, кабинет справился с этой задачей. За требованием правительства соблюдать общественный порядок стояла армия, и ни одна из враждовавших гражданских группировок не хотела бросать ей вызов.

Однако новый кабинет лишь приглушил, но не ликвидировал борьбу. Список конфликтных проблем пополнился возникшими в результате забастовки. В ходе забастовки правительство и рабочие установили контроль над 150 предприятиями; разумеется, теперь оппозиция требовала их возвращения владельцам, в то время как многие сторонники Народного единства, включая нередко рабочих этих предприятий, противились этому. Новый кабинет объявил, что бастовавшие не подвергнутся репрессивным мерам; однако некоторые правительственные службы считали, что это заявление не должно распространяться на тех, кто в ходе забастовки совершил преступления или участвовал в ней, занимая высокие посты или важные должности, на которых законом запрещалось бастовать. Центральный банк, например, уволил 28 ведущих чиновников, и оппозиция настаивала на их восстановлении.

Министрам-военным не удалось остаться в стороне от межпартийной борьбы. Согласно чилийской конституции, они не должны вмешиваться в политику, подобно вооруженным силам, которые представляли. Но участвовать в работе кабинета и соблюдать нейтралитет — это такая же фикция, как и то, что вооруженные силы должны оставаться вне политики. Будучи членами кабинета, военные повседневно должны были принимать участие в решении политических проблем. Как мог Пратс, который в качестве министра внутренних дел был главой кабинета и исполнял обязанности президента, когда Альенде выезжал с миссией за рубеж, не заниматься политикой?

Позиция министров-военных могла либо усилить, либо ослабить правительство — другого быть не могло. Они могли признавать первенство президента и тем самым способствовать укреплению позиций правительства благодаря поддержке его решений авторитетом армии. Они могли не поддерживать те правительственные решения, которые им были неудобны; могли попытаться занять доминирующее положение в правительстве.

Будучи главнокомандующим сухопутными войсками и занимая среди военных самый важный министерский пост,

Пратс предельно четко сформулировал свои взгляды на участие военных в правительстве. Кабинет, заявил он, не является «соправительством» солдат и политиков, ибо в противном случае это означало бы, что в нем представлены две власти, каждая со своей политикой. «Кабинет — это рабочий орган, функционирующий в соответствии с прямыми инструкциями президента республики»¹³. Заявление Пратса было созвучно с положениями конституции Чили, которая предусматривала президентскую, а не парламентскую форму управления государством: президент имел право «назначать по своему усмотрению государственных министров», которые «занимают свои посты до тех пор, пока они пользуются (его доверием)»¹⁴. Однако взгляды Пратса основывались не на механическом понимании закона; его суждения далеко выходили за рамки юридических норм. Говоря в завуалированных выражениях о возможном военном перевороте, он спрашивал: «К чему это приведет? К диктатуре. Вооруженные силы превратились бы в особые полицейские войска, а это могло бы привести к тупамаризации народа»¹⁵.

Как министр внутренних дел, Пратс действовал весьма решительно. Хладнокровно, но настойчиво он утверждал право правительства принимать меры, необходимые для своей защиты и эффективного управления страной. Он, разумеется, понимал, что его действия содействуют укреплению правительства, но, как он однажды заявил, правительство пришло к власти на законном основании и имеет право быть у власти в течение полного срока своих полномочий.

Как только оппозиция увидела, куда ведут действия Пратса, она обрушилась с критикой на участие военных в правительстве. Рупор Фрея сенатор Патрисио Айлвин занялся инсинуациями по поводу того, что вооруженные силы превращаются в сообщника «незаконных» действий правительства. Сенатор от национальной партии Франсиско Бульнес предупреждал о наличии «нового элемента Народного единства в вооруженных силах»¹⁶. Однако оппозиция возражала не против участия военных в правительстве, ее беспокоил лишь характер их участия. Она хотела, чтобы военные ослабили, укротили правительство, а не укрепляли его. В некоторых кругах оппозиции вынашивалась такая идея: лучший путь избавления от правительства Народного единства — позволить армии забрать бразды правления в свои руки, оставив Альенде на посту в качестве марионеточного главы государства.

Враги правительства все больше убеждались в том, что Пратс становится препятствием на пути реализации их планов. Если путч окажется необходимым, он, подобно его другу

Шнейдеру в 1970 году, может воспротивиться этой акции. Пратс представлял собой препятствие и в том случае, если переворот не понадобится. Оппозиция организовала нападки на Пратса и развернула кампанию с целью подрыва его престижа.

Участие военных в кабинете способствовало созданию напряженной обстановки в офицерском корпусе. До этого вооруженные силы могли демонстрировать свою непричастность к действиям правительства и сохранять — а к этому они стремились — вид стражей «постоянных ценностей родины», стоявших вне партийных распрей. Теперь, когда резкое обострение инфляции, августовско-сентябрьские беспорядки и октябрьская забастовка вызвали крайнюю поляризацию сил в обществе и усилили враждебность многих офицеров к правительству, в правительство вошли министры-военные и совместно с представителями Народного единства участвуют в разработке и реализации его решений.

Действия Пратса как министра воспринимались офицерами-фашистами с откровенным недовольством, а некоторые из них анонимно выплескивали свое недовольство на страницы близких им по духу газет, таких, например, как «Трибуна». Этих офицеров меньше всего заботили положения конституции, за исключением случаев, когда они могли ими воспользоваться, чтобы обвинить Пратса в посягательстве на независимость вооруженных сил; поскольку позиция Пратса играла на руку правительству, он их противник.

Действия Пратса вызывали беспокойство и в среде офицеров-конституционалистов, которые отрицательно относились к правительству. Ранее этим офицерам было легче примирить нелюбовь к кабинету со своим профессиональным уважением к Пратсу и его конституционализму. Теперь изо дня в день они читали правительственные заявления и решения, которые им не нравились, но ассоциировались с именем Пратса, занимавшего ведущий министерский пост. Действия Пратса вызывали все чаще и более острое противоречие между классовыми интересами и взглядами этих офицеров и их конституционализмом.

Назначение Пиночета исполняющим обязанности главнокомандующего сухопутными войсками, когда Пратс стал министром внутренних дел, имело пагубные последствия.

Человек, имевший ранее второстепенную должность и занимавшийся разработкой военных планов, оказался, хотя и временно, на посту, который давал неограниченные команд-

ные полномочия. Пиночет, как он сам поведал, немедленно стал действовать: «Я постоянно выезжал в части и внушал войскам надежду и веру в то, что марксизм не возобладает в стране. Открывая сбор, я всегда говорил солдатам открыто, ничего не скрывая, что тот, кто перед ними выступает, не марксист»¹⁷. Пиночет, говорится в одном из отчетов «Меркурио», «приказал генералу Арельяно проинспектировать некоторые гарнизоны с целью объединения офицеров различных служб».

Подготовка к перевороту перешла от стадии изолированных заговоров отдельных армейских служб к организованному планированию и координации действий. «К концу ноября,— писал Джонатан Канделл в «Нью-Йорк таймс» 27 сентября 1973 года,— полковники сухопутных сил, авиации, а также офицеры флота приступили к разработке различных вариантов осуществления переворота. Они связались также с руководителями организаций владельцев грузовиков, магазинов, профессиональных ассоциаций, а также с крупными бизнесменами, которые поддерживали октябрьскую забастовку».

Воспользовавшись напряженной обстановкой в офицерском корпусе, путчисты приступили к интенсивной обработке офицеров-конституционалистов. «Я, должно быть, немало польсел, пока годами прививал своим слушателям мысль о том, что вооруженные силы не должны ни при каких обстоятельствах восставать против конституционного правительства,— заявил Канделлу офицер, ранее преподававший историю в военной академии.— Очень долго пришлось переубеждать офицеров, что сейчас нет другого выхода».

Представитель военно-морского флота в правительстве Исмаэль Уэрта, который считался наиболее реакционным человеком в вооруженных силах Чили, в отличие от Пратса вел себя по-другому. Он попросту не хотел «связывать» свое имя с какими-либо акциями «марксистского правительства». Если он не был непосредственно посвящен в планы заговора, то уж, во всяком случае, чуял его.

Войдя в правительство, Уэрта начал вскоре тайно передавать в газету «Трибуна» сведения об «ужасной» внутренней кухне правительства Народного единства. Затем он во всеуслышание высказал свое несогласие с рядом мер, в частности с нормированием, введение которого, как он заявил, рассматривается правительством. В январе он подал в отставку с поста министра и представил «морскому совету» детальное изложение своих впечатлений о правительстве Альенде»¹⁸.

«Подготовка (к перевороту), — писал Канделл, — несколько замедлилась в период политической кампании накануне мартовских парламентских выборов». Остается неясной подлинная причина ослабления активности заговорщиков. Но можно предположить, что они, не пренебрегая возможностями укрепить свои позиции и ослабить позиции правительства, воздержались от осуществления некоторых своих планов в ожидании результатов выборов.

Во время предвыборной кампании оппозиционные партии концентрировали усилия не только на избрании своих кандидатов, но и на мобилизации своих сторонников на случай смещения правительства. Национальная партия действовала с грубой откровенностью. Она выдавала себя за «наиболее твердого» противника марксизма. Ее кандидатами были некто Харпа — человек с фашистским прошлым — и бывший начальник военной школы Альберто Лаббе, которого заставили подать в отставку после его антиправительственных выпадов на церемонии выпуска офицеров.

Национальная партия выступала под лозунгом: «Новый конгресс — этого недостаточно. Необходимо новое правительство!» Фрей и другие христианские демократы были ненамного сдержаннее. Хотя некоторые лидеры оппозиции считали, что для отстранения Альянде необходимо заполучить две трети голосов в конгрессе, Фрей твердил, что оппозиции достаточно добиться более 50% голосов: это вынудит правительство отнестись к такому результату как к плебисциту, свидетельствующему о том, что страна отвергает его.

В период этой избирательной кампании Народное единство занимало оборонительные позиции. Его деятели убеждали, что выборы не имеют ничего общего с плебисцитом, что это — обычные промежуточные выборы. Они критиковали Харпу, но даже не пытались подробно объяснить, что несет с собой фашистская угроза, носителями которой были не только откровенный фашист Харпа, но и другие.

Результаты выборов для Народного единства оказались намного лучше, чем многие предполагали. За его кандидатов проголосовали 43,4% избирателей, а за кандидатов оппозиции — 54,7%. Народное единство увеличило свое представительство в палате депутатов на шесть человек и в сенате на три. Чтобы дать правильную оценку итогам выборов, следует помнить о вмешательстве ЦРУ. В феврале 1973 года «Комитет 40-ка» выделил оппозиционным партиям 200 тысяч долларов в дополнение к 1 427 666 долларам, ассигнованным в октябре 1972 года¹⁹. Выборы продемонстрировали продолжавшуюся поляризацию сил: в лагере Народного

единства потеряла влияние радикальная партия, но укрепили позиции социалисты; в лагере оппозиции усилила влияние национальная партия.

Какие выводы сделали враги Народного единства из итогов выборов? Левым газетам стало известно содержание секретного меморандума, который был подготовлен для Общества содействия развитию производства и в котором анализировались возможные варианты итогов будущих выборов и давались конкретные рекомендации. Если Народное единство получит менее 36% голосов, говорилось в меморандуме, с ним целесообразно покончить конституционными методами; если за него проголосует от 36 до 40% избирателей, ситуация окажется неопределенной; но если Народное единство завоеует более 42% голосов, единственный способ избавиться от него — вооруженная конфронтация²⁰.

Некоторых заговорщиков результаты выборов даже обрадовали. Канделл приводит слова одного офицера: «Честно говоря, многие из нас вздохнули с облегчением, когда марксисты получили так много голосов, поскольку мы чувствовали, что никакой другой политик не смог бы руководить страной и что в конечном итоге марксисты могут быть даже сильнее»²¹.

В конце марта был сформирован новый, состоявший только из гражданских лиц кабинет; пятимесячный период полумира завершился. Оппозиция приступила к проведению последней фазы своей кампании с целью подорвать правовую основу существования правительства Народного единства. Возглавила кампанию, как и до сих пор, национальная партия. 13 апреля Харпа выступил с речью, в которой заявил: «Для конгресса наступил момент... объявить, что (правительство) окончательно лишилось авторитета и права на свой мандат. Никто не связан ни законом, ни этикой... чтобы продолжать подчиняться незаконной власти»²².

Вскоре после выборов Хайме получил задание подготовить проект речи для Альенде, с которой тот должен был выступить на открытии конгресса 21 мая. Хайме попросил меня помочь ему. Мы рьяно принялись за работу. По нашему мнению, одна из самых серьезных слабостей Народного единства крылась в методах осуществления идеологической борьбы. Народное единство лишь спорадически отвечало на нападки против него, вместо того чтобы вести систематическую кампанию по разъяснению своих целей. Оно не только не предпринимало активных усилий, чтобы вынудить противника обсуждать те проблемы, которые тому были невыгодны, а, скорее,

допускало обратное. Обвинения в адрес Народного единства в разжигании ненависти в стране сковали его до откровенной робости.

Проект речи начинался с фактов, свидетельствовавших о заговоре, который плели правящие круги США и американские корпорации против Народного единства; приводилось множество новых документов о подрывной деятельности ИТТ. Борьба против империалистического засилья, полагали мы, именно тот вопрос, по которому следовало дать бой, памятуя, сколь сдержанно и осторожно действовала оппозиция, когда принимался закон о национализации предприятий меднорудной промышленности, и как оппозиция вынуждена была перейти к обороне, когда появились первые публикации о подрывной деятельности ИТТ. Используя материалы о саботаже ИТТ, мы разоблачали действия Фрея, его соглашательство с империалистами в прошлом и, безусловно, в настоящем.

В заключение мы подробно изложили тезис о том, что альтернативой правительству Народного единства может быть только фашизм. Некоторые лелеяли себя надеждой, что в Чили может произойти безболезненный переворот, после которого государство снова быстро станет «спокойной маленькой страной», какой она представлялась им теперь. Полезно, полагали мы, прямо сказать таким людям, к чему может привести переворот, и попытаться заставить их задуматься над тем, чем обернется фашизм для них, их семей и Чили.

Через несколько дней после завершения проекта выступления Хайме поведал мне о судьбе нашего детища. Президент прослушал текст и с восторгом заявил: «Великолепно». Но тут же добавил, что не сможет им воспользоваться. Причины остались неясными: возможно, он считал, что текст слишком резок, что это вызовет нежелательную реакцию в конгрессе. Были использованы только четыре параграфа из раздела о международных связях.

Когда шла наша работа над проектом речи, Хайме и мне представился случай убедиться, к каким последствиям привела борьба, в которую было втянуто Народное единство в связи с одной столь же неблагоприятной для него проблемой, какой для оппозиции была проблема антиимпериализма. В январе министерство просвещения опубликовало проект Национальной единой школы, предусматривавший реформу системы образования в Чили. Проект был написан высокопарным слогом, и поэтому смысл его казался на первый взгляд более радикальным, чем было на самом деле.

Проблему обучения детей, проблему, затрагивающую всех, любят, как я в этом убедился на Кубе в 1960 году, экс-

плуатировать контрреволюционеры. Газета «Меркурио» сразу же развернула кампанию против проекта. Она твердила об «опасности преждевременного индоктринирования, которому подвергнутся дети», и о «превращении министерства просвещения в министерство пропаганды а ля Геббельс»²³. Хотя католический епископат нашел в проекте «определенные достоинства», несколько епископов высказались «против», и церковь попросила отложить рассмотрение проекта. Офицеры проявляли недовольство, и министр обороны считал необходимым организовать встречу министра просвещения и высокопоставленных чинов вооруженных сил с целью разъяснения последним текста проекта. «Меркурио» сообщила, что большинство присутствовавших на встрече «безоговорочно отвергли» его. В апреле начались уличные демонстрации протеста против этого законопроекта. Изо дня в день Хайме и я, работая в его квартире на десятом этаже, вынуждены были прерывать свои дела из-за беспорядков на улице. Мы наблюдали, как демонстрировали на улицах учащиеся старших классов; как молодчики из «Патриа и либертад» шныряли в толпе; как возникали потасовки со сторонниками Народного единства и как с помощью слезоточивого газа наводили порядок карабинеры.

С тех пор беспорядки и насилие уже не прекращались. В Сантьяго происходили стычки по поводу реформы образования; в Темуко возникали демонстрации и совершались акты насилия из-за нехватки продуктов питания; в Ранкагуа гремели динамитные взрывы и выстрелы в связи с забастовкой на предприятиях Эль-Теньенте... Правительство было вынуждено вводить осадное положение то в одной, то в другой провинции. Как только осадное положение отменялось, беспорядки и акты насилия начинались вновь.

Тем временем не только не прекращалась, но набирала силу кампания по подрыву правовой основы существования правительства. В разгар беспорядков и стрельбы карабинеров в Ранкагуа, забастовки владельцев автобусов в Сантьяго и диверсии на ретрансляционной вышке председатель Верховного суда Энрике Уррутия направил Альенде письмо, в котором говорилось: «Верховный суд должен, в который уже раз, указать Вашему Превосходительству на неправомерные действия исполнительной власти, проявившиеся в незаконном вмешательстве в судебные вопросы, а также в запрещении карабинерам выполнять судебные предписания...»²⁴

Волнения сказались и на войсках, хотя это нелегко было заметить лицам, находившимся вне армии. «Чили Ой», например, писала о воздушных частях следующее: «В апреле — мае

среди рядовых и сержантов возникло сильное брожение: они требуют повысить их мизерные доходы». Помимо сказавшихся на них инфляции и нехватки продовольствия они столкнулись также с трудностями по месту проживания. «На протяжении месяцев... сыпались жалобы на то, что жен военнослужащих подвергают оскорблениям, им угрожают, их даже бьют, когда они пытаются пристроиться в очередь для покупки продуктов... Другие попросту не подпускают жен военнослужащих к очередям, обвиняя в том, что они и без того «привилегированные» и могут получать всякие продукты в армейских кооперативах». Некоторые военнослужащие жаловались, что их дома забрасывают камнями, а на стенах мажут оскорбительные рисунки. Офицеры старались убедить рядовых и сержантов, что все эти нападки исходят от левых. В июне, «казалось, наступил момент для использования всей этой серии реальных или подстроенных ситуаций для вовлечения военнослужащих воздушных сил к участию в перевороте...». Офицеров «стали командировать со специальными миссиями в провинции, чтобы разжигать недовольство»²⁵.

29 июня, идя на работу, я обратил внимание, что машины хлынули потоком из центра города к окраинам. Один водитель спросил меня: «Куда вы направляетесь?» Когда я ответил: «В Центральный банк», он сказал: «Не делайте этого. Банк окружен танками и войсками. Идет перестрелка, вас могут убить». Я решил вернуться и направился в Институт экономики при Чилийском университете, где работала моя жена. Там я увидел, что все с мрачными лицами слушают транзистор. Руководитель института Карлос, мой давнишний чилийский друг, с которым я работал на Кубе, готовился к раздаче небольшого количества имевшихся автоматов и пистолетов для защиты институтского здания. Альенде выступал по радио несколько раз. В одном из выступлений он сказал: «Я призываю народ занять заводы... быть начеку... Если понадобится, народ получит оружие».

Через несколько часов из сообщений по радио мы поняли, что попытка переворота сорвана. Затем последовал призыв ко всем сторонникам Народного единства собраться в центре города на демонстрацию солидарности с правительством. Мы с женой присоединились к маршировавшим к центру колоннам. Бульвар Аламеда был до отказа запружен толпой демонстрантов; солдаты усаживались в военные машины, которые должны были доставить их в казармы. Я знал из работ В. И. Ленина о роли армий в революционной борьбе, читал книгу Б. Ноберга «Вооруженное восстание», мы с Хай-

ме понимали, как важно для народа иметь живой контакт с солдатами. Мне хотелось увидеть признаки братания. Демонстранты скандировали: «Солдат — друг, народ — с тобой», но солдаты сидели в грузовиках с безучастным видом.

Позже стали известны подробности «танкового мятежа», как окрестили неудавшуюся попытку переворота. Некий майор Супер, имевший связи с «Патриа и либертад», вывел полдюжины танков и несколько сот солдат 2-го бронетанкового полка с целью захватить дворец «Ла Монеда». Но Супера не поддержало ни одно из подразделений армии. Пратс лично руководил подавлением мятежа.

Мы с Хайме считали, что успешное предотвращение переворота поможет укреплению позиций правительства. Выявление всех военных, замешанных в мятеже, и изгнание их из армии помогло бы укрепить позиции конституционалистов. Кроме того, очередной «гражданско-военный» кабинет, который Альенде, казалось, пытался сформировать, позволил бы правительству более решительно покончить с беспорядками. Однако дело Супера подлежало рассмотрению военным трибуналом. Вскоре стало ясно, что изданием приказа по военному гарнизону Сантьяго, запрещавшего предавать гласности какие-либо детали, касавшиеся мятежа, военные намереваются похоронить это дело. К тому же, как сказал мне Хайме, генералы и адмиралы чинили препятствия попыткам Альенде привлечь военных к участию в правительстве.

Для заговорщиков «танковый мятеж» послужил своеобразной репетицией путча, уроки которой следовало тщательно изучить. Два дня спустя «Меркурио» опубликовала свои выводы: «Первое... единство и внутренняя дисциплина вооруженных сил позволяют им подавить любое восстание... и второе... вооруженные силы представляют сегодня наиболее эффективную власть в стране... Поведение гражданских лиц, бросившихся бежать после первых выстрелов, показывает, что население впервые отчетливо представило, на что способна армия, вышедшая на улицу»²⁶.

Выводы заговорщиков-военных не были, разумеется, оглашены, но они стали известны позже, когда «Меркурио» опубликовала отчет о свершившемся перевороте. Офицеры-заговорщики обратили внимание на «отсутствие какой-либо реакции со стороны «промышленных кордонов» на энергичные действия солдат». Народная власть бессильна перед грохотом, дымом и пулями настоящей войны... Отступление перед танками свидетельствует о том, что марксистам все еще не достаёт подготовки...». Отметим офицеры также «основной факт — солдат подчиняется своему командиру... солдаты тап-

кового полка выступили, как один, по мановению руки Супера, как и курсанты военных училищ и солдаты полка «Бенин» (направленного на подавление восстания) подчинились приказам, хотя многим из них, вероятно, хотелось побрататься с танкистами». Офицеры-заговорщики сделали главный вывод: они могут рассчитывать на безоговорочное повиновение солдат.

На следующий день после «танкового мятежа», по свидетельству того же источника, был создан комитет из 15 высших офицеров — в него вошли по пять генералов от трех родов войск. Адмирал Карвахаль заявил на заседании, что происходящие события настоятельно требуют более тесной координации действий всех родов войск. Пиночет высказался за то, чтобы обсуждать на встрече только экономические вопросы и не касаться политических проблем; благодаря этому, замечает «Меркурио», он сумел замаскироваться под конституционалиста, избегающего вмешиваться в политику, а по существу, направить дискуссию в нужное ему русло. Один из участников подчеркнул, что экономика и политика неотделимы друг от друга и что страна страдает от жесточайшего кризиса, «поэтому мы должны быть достойны занимаемых нами постов и обсуждать все, что нас беспокоит». Пратс отметил опасность возникновения гражданской войны и необходимость избежать кровавой бойни; в происходящих событиях, заявил он, повинна оппозиция, поскольку протасила закон об урегулировании зарплаты и окладов, не обеспечив его соответствующим финансированием. На встрече, писала «Меркурио», чувствовалось «сдержанное нетерпение». Была достигнута договоренность представить Альенде «исправления... необходимые, по мнению «Комитета 15-ти», для преодоления кризиса, если (он) намеревается идти дальше и осуществить свое намерение включить военных в правительство». Меморандум с перечислением «исправлений» был составлен два дня спустя и включал 29 пунктов²⁷.

Через три дня после «танкового мятежа» военные приступили к акции, которая свидетельствовала о том, что они начали непосредственную подготовку к перевороту. Руководствуясь законом о контроле над оружием, вступившим в силу в октябре 1972 года, войска предприняли серию обысков с целью изъятия оружия. Обыски прокатились по всей стране; они проводились в частных домах, на государственных грузовых базах, фабриках и заводах. Операцию осуществляли солдаты армейских частей, военные моряки и служащие военно-воздушных сил; действия всех родов войск были тщательно скоординированы. Обыски происходили среди беднейших

слоев населения; они не коснулись ни членов «Патриа и либертад», ни других правых группировок.

Повсюду обыски сопровождались откровенной жестокостью: против рабочих использовались приклады и штыки; вертолеты, снабженные пулеметами, висели в воздухе и следили за мужчинами и женщинами, которых заставляли лежать ничком на земле со сложенными на затылке руками. Несколько человек было ранено, один — убит. Главная цель обысков состояла не в том, чтобы обнаружить оружие, а в том, чтобы внушить страх, запугать рабочих, проверить надежность солдат и приучить их к жестокости в обращении с народом, выявить лидеров рабочих организаций и предотвратить, например в ряде южных городов, создание рабочими «промышленных кордонов» там, где их еще не было.

Народ протестовал против обысков, но правительство ничего не могло предпринять. На стороне военных были сила и закон. Чилийский правящий класс умело создал свой государственный аппарат: вооруженные силы пользовались почти полной автономией, это было государство в государстве. Теперь армия не только беззастенчиво глумилась над народом, устраивая обыски, но, используя закон об осадном положении, введенный в силу необходимости правительством в ряде провинций, захватила власть повсюду, где представлялось возможным. В некоторых южных провинциях армия фактически взяла на себя обязанности правительства.

Хайме, имевший доступ к информации, которой не располагал я, делился со мной своими мыслями о соотношении сил между нами и врагом. Будучи человеком трезвомыслящим, он задолго до этих событий говорил, что перевес в борьбе складывается не в нашу пользу. Теперь это соотношение сил намного ухудшилось: враг, казалось, полностью подчинил себе вооруженные силы. Мы снова обратились к нашей революционной литературе, стремясь выяснить все значение отсутствия поддержки даже со стороны части вооруженных сил. В. И. Ленин в статье «Уроки московского восстания» 1905 года писал: «Разумеется, если революция не станет массовой и не захватит самого войска, тогда не может быть и речи о серьезной борьбе»²⁸. Несомненно, надежда Народного единства на успех в борьбе строилась на расколе вооруженных сил, но с каждым днем становилось все более очевидным, что шансы на раскол уменьшаются и сводятся на нет.

Изъятие оружия — видимая часть приготовлений вооруженных сил к перевороту, была, однако, и невидимая. «В июле,— писала позже «Меркурио»,— генерал Герман Брادي получил секретные инструкции подготовить в Военной ака-

демии план борьбы с подрывными действиями любых экстремистских групп в районе Сантьяго. Составители плана исходили из того, что поставить под контроль войск остальную часть территории страны не составит труда и что наиболее активное и серьезное сопротивление будет им оказано в Сантьяго. В этой разработке тщательно анализировались расположение фавел, топография местности, наиболее важные места скопления населения, дорожная сеть, коммунально-бытовые предприятия и даже штаб-квартиры, характеристики движений и их лидеров, которые предположительно могли содействовать подрывной деятельности. Большой Сантьяго был разделен на четыре сектора, которые надлежало поставить под контроль в результате операции, выполненной молниеносно и столь неожиданно и с таким натиском, чтобы возможный противник даже не успел оказать сопротивление армии. План по каждому сектору, фотографии ведущих деятелей, расчеты и аналитические разработки свидетельствуют о скрупулезности проделанной работы. То же самое, разумеется, было сделано Генеральным штабом в общенациональном масштабе»²⁹.

Подготавливая планы свержения правительства, офицеры-заговорщики приняли ряд мер с целью устранения противников путча в рядах самой армии. Прежде всего они постарались изолировать рядовых, чтобы не допустить влияния на них гражданских лиц: так, был издан приказ, запрещающий военнослужащим морской базы в Талькауано питаться в столовой в одно время с рабочими. В соответствии с приказом ношение личного оружия на флоте было разрешено только офицерам; у остальных оно было отобрано и вместе с автоматами, ручными пулеметами и т. д. перевезено на хранение в такие места, которые были известны только командирам; на корабли была направлена морская пехота, прозванная за верноподданность «казаками», с целью усиления контроля над моряками. В армии, авиации и на флоте заговорщики активно занялись выявлением потенциальных противников переворота среди сержантов и солдат.

Некоторые левые партии развернули кампанию с целью разобщить рядовых солдат и офицеров-путчистов. 17 июля «Меркурио» вышла под заголовком: «МИР призывает к подрывной деятельности среди военных». Члены МИР приходили к военным базам и раздавали листовки, в которых, в частности, призывалось: «Солдат, не умирай ради хозяев... Не признавай офицеров, подстрекающих к путчу». Еженедельник МИР «Эль Ребельде» призывал общинные комиссии формировать комитеты единства с солдатами и потребовать не-

медленной демократизации вооруженных сил³⁰. Карлос Альтамирано и газета социалистов «Аурора де Чили» призывали солдат, моряков, сержантов не подчиняться приказам офицеров-путчистов и в случае необходимости выступить против последних.

6 августа военно-морское командование заявило, что служба безопасности выявила «подрывные действия в двух подразделениях флота», арестованным предъявлено обвинение в совершении «серьезного проступка», выразившегося в «контактах с элементами, не имеющими ничего общего с морской службой»³¹. Однако морское командование так и не сумело доказать, что арестованные совершили нечто большее, чем обыкновенное обсуждение вопроса о возможности неучастия в перевороте; но, как считали офицеры-путчисты, любая угроза их дисциплине и контролю являлась «подрывным действием». Поскольку путчисты больше всего опасались, как бы рядовые не вышли из-под их контроля, они прибегли к актам насилия. Командование флота арестовало 100 человек, причем не только на двух кораблях, о которых шла речь, но и на ряде других, а также на военно-морских базах в Вальпараисо и Талькауано. Чтобы выявить единомышленников и запугать рядовых и старшин, арестованных подвергали истязаниям. Их пытали электрическим током, будили каждые 15 минут, не давая спать, били по половым органам, принуждали есть экскременты, подвешивали за ноги и погружали в море³².

Однажды Карлос Альтамирано и Оскар Гарретон (МАПУ) встретились с несколькими старшинами и рядовыми моряками (впоследствии их арестовали) и попросили рассказать о готовящемся офицерами-путчистами перевороте. Военные возбуждали судебное дело против Альтамирано, Гарретона, а также лидера МИР Мигеля Энрикеса.

В обстановке явно надвигавшегося переворота Альенде в конце июля предложил провести диалог между правительством и христианскими демократами. «Необходимо,— сказал он,— приложить сверхусилия, чтобы избежать конфронтации и... перерастания ее в гражданскую войну». Христианские демократы согласились, но во время дискуссии предложили правительству сформировать «кабинет с институтированным участием вооруженных сил»³³. «Институтированное участие» означало, что министры-военные ответственны не перед президентом, а перед армией, которая определяет политику. Подобный ход был своеобразным предложением Альенде дать согласие на легальный переворот, в результате которого он остался бы номинально президентом. Мало этого, христиан-

ские демократы призвали немедленно обнародовать подготовленный ими законопроект о денационализации и возврате «узурпированных предприятий» их «законным владельцам». Альянде категорически отверг условия христианских демократов, и после десяти дней переговоров диалог был прерван.

Усугубило положение правительства обострение разногласий как между партиями Народного единства, так и внутри самих левых партий. Споры возникали по многим вопросам: как относиться к обыскам по изъятию оружия и пыткам арестованных моряков? надо ли вести работу в вооруженных силах? нужен ли диалог с христианскими демократами? ввести ли в кабинет Пратса и других военных?

В тот момент, когда Альянде, не сдавая позиций, искал выход из отчаянной ситуации, руководители различных «промышленных кордонов» заявляли, что в целях «углубления народной власти» предприятия, захваченные рабочими во время восстания Супера, не будут возвращены владельцам, вопреки указаниям правительства. Поддерживая подобную позицию, МИР призвало рабочих строить баррикады на дорогах и автострадах, включая автостраду от Сантьяго до аэропорта.

На призыв Альянде к диалогу владельцы грузовых машин откликнулись по-своему: они объявили забастовку. И снова молодчики нападали на тех водителей грузовиков, которые продолжали работать, снова раздавались взрывы бомб на железных дорогах, снова были раненые и убитые. Теперь правительство располагало значительно меньшими силами, чем в октябре 1972 года. Заправилы забастовки выступали по телевидению с нахальной самоуверенностью зарвавшихся мальчишек, знающих, что их защитят сильные старшие братья. Они были в сговоре с ЦРУ и военными и понимали, что их задача — продолжать забастовку до тех пор, пока не произойдет путч.

Через несколько дней после диалога с христианскими демократами Альянде снова сформировал кабинет, куда вошли военные. В состав кабинета были введены главнокомандующие всеми родами войск и генеральный директор корпуса carabinieri.

Нет никакого противоречия между отказом Альянде сформировать военный кабинет, предложенный христианскими демократами, и созданием последнего. Этот кабинет формировался не по принципу «институционального участия вооруженных сил», он не был замаскированной попыткой создать новое, контролируемое ими правительство; скорее всего, это была попытка использовать любую возможность, чтобы укрепить

пить правительство Народного единства. Присутствие в кабинете таких конституционалистов, как Пратс и Монтеро, могло помешать офицерам-путчистам сплотить офицерский корпус для свершения переворота; участие военных могло, как это произошло в октябре 1972 года, содействовать прекращению забастовки. Альенде сказал: новый кабинет — это последний шанс избежать конфронтации.

Однако сложившаяся ситуация заметно отличалась от прошлогодней. Позиции конституционалистов Пратса и Монтеро ослабли. Второе по должности лицо на флоте Хосе Торибио Мерино вместе с командующим морской пехотой Серхио Уидобро нанесли Монтеро визит и предложили ему «от имени Военно-морского совета» подать в отставку с поста главнокомандующего морскими силами. Против участия Пратса в новом кабинете высказались армейские генералы из «Комитета 15-ти».

По существу, «Комитет 15-ти» возражал против вхождения в кабинет любого военного на поставленных Альенде условиях. Позиция почти всех членов этого комитета напоминала поведение христианских демократов во время диалога: все или ничего; военные должны войти в кабинет только при условии предоставления им «полной ответственности за умиротворение страны»; в противном случае они «должны находиться вне правительства и ждать развития событий». С большим трудом Альенде удалось уговорить главнокомандующих, да и то только благодаря Пратсу, который решил войти в правительство вопреки возражениям других генералов. За ним последовал Монтеро, потом — главнокомандующий воздушными силами генерал Руис Данио, который первоначально был категорически против, но затем решил не отставать от своих коллег³⁴.

В октябре 1972 года многие офицеры не возражали против участия военных в кабинете. Тогда они еще не были готовы к решающим действиям и понимали, что забастовку в конечном итоге придется прекратить, и поэтому ничего не имели против использования Пратсом своего авторитета для этого. Теперь же путчисты завершали приготовления к перевороту и были заинтересованы в том, чтобы забастовка продолжалась, чтобы главнокомандующие не только не входили в правительство, но были заменены сообщниками заговорщиков, что свело бы к минимуму опасность раскола вооруженных сил в результате переворота.

На следующий день после объявления состава кабинета христианско-демократическая партия заявила, что ему не удастся решить «проблемы Чили; только через «институционное

участие» вооруженных сил, располагающих всей полнотой власти, может быть достигнуто «духовное и материальное разоружение», необходимое для «нормализации»³⁵. Спустя несколько дней Фрей высказался еще более определенно. «Много говорят,— сказал он,— о путчизме и фашизме, но те, кто ставит под угрозу законность... именно те люди, которые привели страну к этому перекрестку... Без осуществления коренных изменений никакого решения не будет... Проблема не в том, что некоторые уважают конституцию, а другие стремятся к перевороту. Проблема в том, что еще ни одна страна в мире не смогла справиться с подобным экономическим хаосом, не поставив под угрозу ее стабильность». Когда Фрей обвинили в том, что он ратует за переворот и, по существу, проповедует идею о сдаче или свержении правительства, он с возмущением отверг эти обвинения. Вскоре поставила точки над «i» национальная партия, заявив, что все «без исключения» члены кабинета, то есть включая министров-военных, понесут ответственность за «крайнее ухудшение безопасности нации, вызванное проводимым марксистским курсом». Она вновь повторила, что готова голосовать в конгрессе за «противозаконность» действий правительства Альенде³⁶.

Первым главнокомандующим, от которого путчистам удалось избавиться, был Руис. Он занимал колеблющуюся позицию. Руис не был доволен правительством, но, как он заявил на первой встрече «Комитета 15-ти», не хотел брать на себя ответственность за свершение переворота; если дело дойдет до этого, говорил Руис, он предпочтет отставку. Он не хотел входить в правительство и сделал это, последовав примеру Пратса и Монтеро. Теперь в качестве министра общественных работ и транспорта перед ним стояла неразрешимая задача добиться прекращения забастовки владельцев грузовиков. Он не хотел, да и не мог покончить с ней, пойдя наперекор желаниям укрепивших свои позиции офицеров-путчистов. Однако, если он не покончит с забастовкой, его могут счесть человеком бездейственным. Пробыв министром десять дней, он подал в отставку. Когда Альенде предупредил Руиса, что тогда ему придется оставить и пост командующего военно-воздушными силами, он ушел с обоих постов.

Сначала генералы-путчисты договорились не признавать преемника Руиса, если Альенде заставит последнего подать в отставку как министра: они опасались, как бы Альенде не «обезглавил военно-воздушные силы», то есть не поставил бы во главе командования неугодного им человека. Теперь же они чувствовали себя достаточно сильными, чтобы заменить Руиса более подходящей для своих целей фигурой, и поэтому

без каких-либо оговорок согласились с его отставкой. Ни один из ведущих генералов не согласился на предложение Альенде занять пост командующего военно-воздушными силами, кроме откровенного путчиста Густаво Ли.

Теперь путчисты принялись за Пратса. В тот же день, когда Руис сдал командование, триста жен офицеров гарнизона Сантьяго двинулись толпой к дому Пратса, чтобы передать его жене петицию, призывавшую ее ходатайствовать перед мужем покончить с «нерешительным и непоследовательным отношением сухопутных войск к Альенде»³⁷.

Среди участников этой демонстрации находились несколько генеральских жен. Она дала возможность офицерам, не подвергая себя опасности быть обвиненными в нарушении дисциплины, показать Пратсу, что отныне они не признают его авторитета. На следующий день Пратс созвал Совет генералов и потребовал высказать свое отношение к происшедшему инциденту. Большинство отказалось осудить эту акцию, часть воздержалась, и только несколько генералов поддержали Пратса. Разумеется, после инспекционной поездки по гарнизонам юга страны Пратс имел представление о соотношении сил в армии. Теперь он пришел к окончательному выводу, что его позиции чрезвычайно слабы. Пратс подал в отставку.

Уход Пратса был серьезной победой путчистов. Два других генерала-конституционалиста — генеральный директор корпуса карабинеров Мария Сепульведа и начальник военных учебных заведений вооруженных сил Гильермо Пиккеринг — подали в отставку вслед за Пратсом. Вторым по старшинству после Пратса был Пиночет, и Альенде назначил его главнокомандующим сухопутными войсками. Спустя год Пиночет откровенно высказался по поводу того, какое значение имело это назначение: «Когда я 23 августа принял командование, решение (о перевороте) определилось окончательно»³⁸.

Через день после ухода Пратса подал в отставку с поста министра финансов Монтеро, вернувшись к командованию военно-морскими силами. Военно-морской совет, однако, предложил ему подать в отставку, но Альенде отказался дать согласие на нее. Монтеро отважно продолжал оставаться номинальным главой военно-морского флота, хотя фактически им был следующий за ним по рангу путчист Мерино Торибио.

В разгар «кризиса главнокомандующих» палата депутатов одобрила давно готовившуюся резолюцию о «незаконности» действий правительства. В резолюции указывалось, что «пра-

вительство допускало не отдельные нарушения закона, а превратило их в постоянную систему поведения». Резолюция обвиняла правительство в «узурпировании главной функции конгресса», в «подрыве авторитета судебной системы... путем проведения кампании оскорблений и клеветы в адрес Верховного суда», в «нарушении предписаний управления генерального контролера», в «действиях против свободы слова, образования, автономии университетов» и др.³⁹ Как и предыдущие акции — совместная декларация председателей сената (Фрей) и палаты депутатов, открытые письма главы Верховного суда и генерального контролера, также обвинявшие правительство в осуществлении незаконных действий, последняя резолюция имела целью подготовить моральную базу для переворота.

Для создания соответствующей психологической обстановки была развернута кампания террора и саботажа. Однажды был взорван нефтепровод, на другой день — мост. Как-то вечером во время выступления Альенде по телевидению было повалено несколько опорных мачт линий электропередач. Сантьяго и многие другие города и их окрестности целый час оставались без света. В эти дни мы с женой припомним взрывы и пожары в Гаване накануне вторжения в залив Кочинос.

«Меркурио» писала о «Джакарте», а на стенах домов Сантьяго появились надписи, возвещавшие о приближении «Джакарты». «Джакарта» — символ массового уничтожения нескольких сотен тысяч людей, «подозреваемых в коммунистических связях», после переворота в Индонезии в 1965 году.

Враги Народного единства — в правящих кругах США, чилийские заговорщики в политических партиях, деловых кругах и вооруженные силы — завершали свои приготовления. Они долго выжидали, не позволяя тем, кто проявлял чрезмерную ретивость, втянуть себя в преждевременную, неподготовленную операцию. Они ждали до тех пор, пока не появилась уверенность, что переворот — единственный для них путь устранения правительства Народного единства, пока не созрели самые благоприятные условия для нанесения ему смертельного удара.

В результате саботажа экономика страны поистине «вопила». Фрей сумел втянуть христианско-демократическую партию в сотрудничество с реакционной национальной партией и убедил партийную «верхушку» в необходимости свержения правительства. Экономические трудности и умелое использование их Фреем и другими толкнули многих рядовых христианских демократов вправо, создав у них приемлемое отношение к перевороту. Заговорщики-военные, избавившись от Пратса, Сепульведы и Пиккеринга, изолировав Монтеро и

заменяв колебавшегося Руиса фашистом Ли, контролировали теперь командные посты в армии, на флоте и в военно-воздушных силах, а также в гарнизоне Сантьяго.

А что делало правительство? Оно героически пыталось делать все, что было в его силах. Как только Альенде узнал о демонстрации жен офицеров у дома Пратса, он созвал в своей резиденции на улице Томаса Мора совещание лояльно, как предполагалось, настроенных к правительству генералов, чтобы совместно разработать план действий. Альенде хотел отправить в отставку генералов, чьи жены участвовали в демонстрации, но, поскольку эта мера могла вызвать бунт среди военных, было решено предпринять и другие шаги, а именно: укрепить в Сантьяго гарнизон карабинеров, наиболее надежный по своему социальному составу, подготовить оборону на основе сотрудничества верных правительству войск и профсоюзов. В тот же вечер Альенде пригласил к себе лидеров партий Народного единства и КУТ, чтобы проинформировать их о плане действий и необходимых мерах для его осуществления. Одновременно правительство поручило провести соответствующую работу среди христианских демократов, настроенных против путча ⁴⁰.

Но этот план нельзя было выполнить. Для этого требовалось, чтобы генералы, которых Альенде хотел отправить в отставку, оказались в меньшинстве. Однако встреча Пратса с членами Совета генералов показала: в меньшинстве находится правительство, причем в таком меньшинстве, что в отставку пришлось уйти Пратсу, Сепульведе и Пиккерингу. Теперь осуществление плана Альенде больше, чем когда-либо, зависело от Пиночета — лидера, как казалось, лояльно настроенных генералов, с которыми Альенде консультировался в резиденции на улице Томаса Мора.

Альенде предложил Пиночету восстановить Сепульведу и Пиккеринга на командных должностях, то есть не принимать их отставку. Пиночет ответил, что сделать это невозможно, ибо противоречило бы установленным положениям, так как эти генералы отказались от своих обязанностей и нарушили дисциплину, не оформив должным образом отставку. Альенде потребовал от Пиночета отправить в отставку генералов, подозреваемых в причастности к готовившемуся перевороту. Пиночет возразил, заявив, что если он незамедлительно выполнит такое требование, это может вызвать неуправляемую реакцию в войсках; поэтому, мол, необходимо дождаться следующего заседания квалификационной комиссии, которая соберется во второй половине сентября.

Ситуация крайне осложнилась. В условиях объединенных

действий оппозиции, конгресса, судов, управления генерального контролера, а теперь и откровенного вызова военных правительство не могло обеспечить общественный порядок, закончить с забастовкой владельцев грузовиков, прекратить обыски по изъятию оружия, пресечь действия офицерского корпуса, который явно готовился к перевороту.

Однажды в конце августа Хайме обрисовал мне сложившуюся ситуацию. Соотношение сил, сказал он, явно не в нашу пользу; мы не можем предотвратить путч, и у нас нет достаточно сил, чтобы победить в гражданской войне; но президент, сказал он, не сдастся, врагу придется применить силу; мы должны думать о будущей борьбе, и для этого нам следует высоко держать наши знамена.

Путчистам теперь оставалось лишь окончательно отшлифовать свой план переворота. В самом начале сентября «Меркурио» вышла под заголовком: «Требуют отставки Альенде». В сопровождающей статье сообщалось, что по стране циркулируют петиции с требованием отставки Альенде. В последующие дни «Меркурио» всюду развернула против него кампанию, помещала заметки и фотоснимки людей, собиравших подписи под петициями. Директор контролируемой оппозицией 13-го канала телевидения выступил с призывом к Альенде подать в отставку. Мы с женой находили на улицах листовки «Патриа и либертад». «В отставку — или самоубийство!» — говорилось в одной. «В отставку — или мы прикончим тебя!» — кричала другая.

4 сентября партии Народного единства организовали демонстрацию по случаю трехлетней годовщины победы Альенде на выборах. На улицу вышли огромные массы людей, центр Сантьяго был запружен народом. Несколько друзей, которых мы с женой встретили в толпе, отметили какую-то нереальность происходившего. Мы слышали, как люди, обмениваясь мнениями, говорили: после подобной демонстрации путчистам придется крепко призадуматься, прежде чем решиться на что-либо.

В пятницу 7 сентября вторую половину дня я провел с Хайме в его кабинете во дворце «Ла Монеда». Он сообщил, что подыскал для меня рабочую комнату рядом с его кабинетом и что я смогу туда перебраться через пару недель. Тогда же Хайме дал мне поручение: президент решил провести плебисцит, и я должен был сделать анализ различных проблем, которые будут представлены на обсуждение народу, причем мне следовало учесть все «за» и «против», руководствуясь взглядами Народного единства. Такой же анализ должен был сделать и Хайме. Мы договорились встретиться через неде-

лю, чтобы сопоставить наши варианты и подготовить общий документ.

Придя домой, я не смог удержаться, чтобы не позвонить Хайме и не высказать все, что волновало меня. «Хайме,— сказал я,— события развиваются слишком быстро; объявить о плебисците следует как можно скорее; в противном случае другая сторона может выступить первой». Хайме засмеялся и ответил: «Согласен с тобой, Эдди, но другие также убеждены, что необходимо действовать быстрее».

Это был мой последний разговор с Хайме. Спустя четыре дня произошел переворот. Вместе с президентом Альенде и многими другими Хайме сражался во дворце «Ла Монета» и погиб, высоко держа знамена Народного единства ради будущей борьбы.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

После победы Народного единства на выборах соотношение сил сложилось таким образом, что оно получило только президентский пост, не имея всей полноты власти. Большинство народа, включая многих голосовавших против Альянде, считало, что он должен приступить к исполнению своих обязанностей, как набравший наибольшее число голосов избирателей; среди офицеров вооруженных сил было немало конституционалистов, в том числе и занимавших высокие посты, которые, не питая симпатий к Народному единству или социализму, рассуждали точно так же.

Поэтому Альянде имел веские основания угрожать гражданской войной в случае каких-либо попыток не допустить его занять пост президента. Противозаконные действия противной стороны объединили бы левых и центр против подобных намерений. И наоборот, неправомочные действия Народного единства, а тем более попытка захвата всей полноты государственной власти объединили бы правых и центр; при поддержке 36% населения и почти полном отсутствии в армии революционно настроенных офицеров Народное единство не имело достаточно сил, чтобы сразаться с подобным противником.

Коренная проблема, стоявшая перед Народным единством, заключалась в том, чтобы в ходе борьбы изменить соотношение сил в свою пользу, то есть укрепить свои позиции настолько, чтобы противник не смог совершить переворот, чтобы, наоборот, Народное единство получило возможность завоевать всю полноту власти, ликвидировать буржуазное государство и довести до конца процесс преобразований.

Но поскольку Народному единству не удалось даже на отдельных этапах привлечь большинство народа на свою сторону и добиться благоприятного соотношения сил, его стратегия — действовать в рамках закона и не позволить спровоцировать вооруженную борьбу — была правильной. Одно дело — отбросить буржуазный закон, когда народ в достаточной степени проникнут революционным духом, и потре-

бовать отказа от старого правопорядка, и совсем другое дело — пойти на это, когда подобный шаг породил бы дополнительных врагов, которых нельзя себе позволить в сложившейся ситуации.

Неблагоприятным соотношением сил объясняются и другие аспекты стратегии Народного единства, например невозможность вооружить народ и определить отношение к различным органам народной власти, которые стихийно возникали в стране. Некоторые критики правительства Альенде разглагольствуют так, словно единственное, что надо было сделать для вооружения народа, — это подогнать несколько грузовиков и раздать на улице оружие, подобно стаканчикам с мороженым с тележки мороженщицы. Взятие правительственной власти через победу на выборах не создает автоматически условия для вооружения народа. Чтобы вооружить народ, требуется наличие соответствующих условий и сила на случай необходимости взять под контроль последствия такой акции. В течение всего периода пребывания правительства Народного единства у власти любая серьезная попытка вооружить народ немедленно привела бы к тому, что вооруженные силы выступили бы против правительства.

Движение за народную власть в Чили имело смешанный характер: с одной стороны, *«промышленные кордоны»* и *общинные комиссии* способствовали функционированию экономики в период забастовок, они осуществляли потенциально важные меры для защиты от путча; с другой стороны, многие их руководители и сторонники, хотя их речи были сверхрадикальными, ориентировались в своей практической деятельности на завоевание части местной власти или на решение повседневных проблем. Некоторые из них считали, что народная власть должна функционировать независимо от центрального правительства, не считаясь с его политикой и проблемами, и нередко *«промышленные кордоны»* и *общинные комиссии* действовали во вред правительству, поскольку способствовали созданию в стране желанной для путчистов атмосферы.

Многие сторонники Народного единства попросту не понимали проблему революции во всей ее совокупности. Некоторые считали, что быстрое продвижение вперед — национализация не только монополий, но и мелких предприятий или скорейшее проведение радикальной на первый взгляд образовательной реформы — более «революционно», неизменно лучшее, независимо от политических обстоятельств, нежели медленное и осмотрительное движение вперед. Ученые мужи писали статьи о земельной реформе, отмечая очевидное всем — ее

многочисленные недостатки; однако мало кто из них вникал в существо проблемы: как создать такие политические условия, которые позволили бы осуществить более радикальную реформу.

«Вперед без компромиссов!» — провозглашали некоторые. А если для этого недостаточно сил? Каждый раз, когда Альенде упоминал о необходимости диалога с христианскими демократами, некоторые автоматически начинали кричать об ошибочной политике и даже как о шаге к предательству. Что же делать, если позиция слаба, а диалог открывает путь к ее укреплению без предательства?

Один молодой профессор проводил социологическое исследование на заводе, где рабочие были настроены по-боевому, и сделал такой вывод: «Рабочие готовы. Чего ждет Альенде? Почему он не разгоняет конгресс?» Но если одна группа рабочих уже готова, то это отнюдь не означает, что готовы и все остальные.

Перед Альенде, который вел за собой не одну партию, а коалицию партий (сначала их было шесть, потом больше), стояла трудная задача. Ему приходилось руководить в обстановке постоянных и противоречивых требований различных партий и даже фракций внутри партий Народного единства. На протяжении последних двух лет он должен был действовать в условиях явного ослабления позиций Народного единства, что создавало еще большие трудности. С неистощимым терпением, преодолевая отсутствие единства и дисциплины, твердо придерживаясь своей реалистической тактики, не боясь быть гибким наперекор доктринерской критике, делая необычное, Альенде руководил обороной с непревзойденным тактическим искусством. Имея за плечами опыт нескольких десятилетий борьбы в парламенте Чили, он знал, как использовать его, учитывая необходимость маневрирования. Независимо от того, сколь часты или продолжительны, сколь трудны или опасны были кризисы — будь то вынесение конституционных обвинений против министров, забастовки владельцев грузовиков, бунт Супера или надвигавшийся финальный переворот, он всегда хладнокровно искал выход из положения. Он оставался спокойным и храбрым до конца.

Общезвестно, однако, что нельзя победить в битвах или революциях, постоянно находясь в обороне. Закономерно прибегать к обороне, чтобы выиграть время или удержать позиции в одном месте, атакуя в другом. Но все время находиться в обороне — значит отдать инициативу в руки противника, предоставить ему возможность решать, когда, где и как вести сражение. В значительной степени именно это и произошло в

Чили. А противник, который с самого начала был сильнее, ждал своего часа, готовился, изучал различные варианты наступления и только потом нанес удар.

Весьма важно было реалистически оценивать соотношение сил и не провоцировать без необходимости таких могущественных противников, как вооруженные силы Чили или американский империализм. Но это не одно и то же: иметь дело с таким противником, который, как бы его ни провоцировали, не будет атаковать, и с противником, который, что бы вы ни предпринимали, если только не капитулировали, рано или поздно обязательно пойдет в наступление.

Как ни парадоксально, слабость правительства Народного единства должна была сделать его не только осторожным, но и разумно смелым. Оно начало свою деятельность, будучи слабее противника, и, не изменив подобного соотношения сил, рано или поздно пало бы. *Несмотря на трудности, ему надо было во что бы то ни стало найти пути к укреплению своих позиций, стать сильнее.* Чтобы добиться этого, ему следовало идти на риск. Народное единство должно было руководствоваться известным изречением французского революционера Дантона, которого цитировали и Маркс и Ленин: «Смелость, смелость и еще раз смелость».

У Народного единства не было всеобъемлющей, единой стратегии, нацеленной на достижение превосходства в силах, предотвращение переворота, завоевание всей полноты государственной власти. Оно располагало неким набором отдельных полускоординированных стратегий, направленных на завоевание лишь части власти, а не на завоевание всей полноты государственной власти, от которой зависело все остальное. Оно имело программу завоевания дополнительной экономической власти путем национализации монополий и ликвидации больших земельных владений; оно надеялось путем ограничения экономической власти буржуазии ослабить ее политическую власть.

Верно, Народное единство стремилось завоевать на свою сторону большинство народа, полагая, что такое большинство поможет ему осуществить многое: обеспечит дополнительную поддержку в проведении его программы, позволит провести плебисцит и учредить Народную ассамблею, а также ослабит вероятность путча. Но кроме того, Народное единство не имело — видимо, это было неизбежно при недостаточном развитии революционного процесса в стране — четкого представления о том, каким образом завоевание на свою сторону большинства народа приведет к взятию всей полноты государственной власти, оно не располагало к тому же четкой страте-

гией привлечения на свою сторону большинства народа. Оно не имело достаточно четкой концепции и о необходимости идеологической борьбы, о ее методах и целях.

Многие лидеры Народного единства, видимо, считали, что реализация его программы и те блага, которые это принесет людям, сами по себе позволят привлечь большинство народа на их сторону. Во многом они были правы, делая упор на программу и ее воздействие: ведь люди судят по делам и результатам, а не по речам. Но, принимая во внимание возможность саботажа со стороны врагов Народного единства и трудности, неизбежно сопровождающие осуществление революционных преобразований, нельзя было уповать на то, что все будет всегда идти гладко и что результаты деятельности правительства Народного единства будут говорить сами за себя. Лидерам Народного единства следовало разъяснять народу смысл революционной борьбы и делать это ясным и конкретным языком повседневно и систематически, при каждом повороте событий объяснять, кто враги революции, чего они добиваются, почему возникают проблемы и трудности и какие опасности ждут впереди.

Народное единство не игнорировало проблему империализма. Альянде разъяснял, что за саботажем стоят «иностранные эксперты». Однако он избегал упоминать все правящие круги США и разоблачать их подрывную деятельность. Народное единство воспользовалось неожиданной удачей в связи с публикацией обличающих ИТТ материалов и вело пропагандистское наступление в течение нескольких недель; однако оппозиционной прессе удалось переключить внимание на другие проблемы. Народное единство никогда не вело систематической антиимпериалистической кампании, которая объясняла бы, скажем, не только прошлые грязные дела ИТТ, но и общую стратегию правящих кругов США, их роль в каждом конкретном событии и их намерения в будущем.

Чего добилось Народное единство, избегая открытой и смелой критики? Разве империализм США стал лучше от того, что не получал отпора? Проблема антиимпериализма была одной из проблем, которую правительство Народного единства могло использовать с наибольшей выгодой для себя: не вызывало сомнений, что правящие круги США домогались его свержения. И Народному единству следовало использовать это, добиваясь поддержки в самих Соединенных Штатах и других странах, но прежде всего привлечения новых масс чилийцев на свою сторону.

Народное единство избегало также критиковать Фрея и других христианско-демократических лидеров, следовавших

его курсом. Какую выгоду получило Народное единство, не критикуя Фрея и его приспешников, разрешая им свободно нападать на правительство и тем самым создавать благоприятную обстановку для переворота?

Народное единство старалось отколоть рядовых христианских демократов от их лидеров, но главная цель должна была состоять в том, чтобы привлечь их на свою сторону, а не просто получить их поддержку и согласие их партии на проведение конкретных акций, таких, например, как национализация междугородной промышленности. Верно, Народное единство получило согласие христианско-демократической партии на национализацию этой отрасли. Но какую роль это сыграло в основной борьбе? Даже памятуя о необходимости вести переговоры с христианско-демократическими лидерами, не следовало воздерживаться от критики в их адрес: они выступали с нападками на Народное единство, а последнее было вынуждено из-за слабости своих позиций идти на переговоры. Однако лучший способ принудить христианско-демократических лидеров пойти на переговоры и получить их согласие — не джентльменское к ним отношение, а создание угрозы потери ими своих сторонников, если они ответят отказом.

Народное единство практически ни разу не раскрыло перед народом всю панораму революционной борьбы. Когда его лидеры столкнулись в рабочей среде с «экономизмом» — этой близорукой политикой, нацеленной на немедленное удовлетворение требований в ущерб борьбе за главные цели, они, казалось, не были способны на большее, чем увещевать рабочих вести себя прилично, не могли объяснить им, почему в их интересах пойти на жертвы сейчас ради будущего, которое создала бы успешно завершившаяся революция. Хотя лидеры Народного единства часто употребляли слово «фашизм», они так и не сумели убедительно объяснить, сколь близка эта опасность и что конкретно несет фашизм большинству чилийцев.

Стратегия Народного единства в отношении вооруженных сил также носила оборонительный характер. Безусловно, Народное единство поступало правильно, проявляя осторожность по отношению к офицерам, стараясь не провоцировать их, удовлетворяя их требования об увеличении жалованья и вовлекая их в решение экономических задач; правильными были и меры по укреплению позиций конституционалистов. Но подобная политика не сочеталась самым тесным образом с решением важнейшей проблемы — ослабить и в конечном итоге ликвидировать власть офицерской касты. Эта каста

оказалась вне влияния. Подобная политика привела к тому, что судьба правительства оказалась в зависимости от силы и преданности закону офицеров-конституционалистов. Учитывая классовое происхождение, подготовку и взгляды офицерской касты, а также неизбежную деформацию конституционализма под влиянием революционной борьбы, до каких пор можно было уповать на то, что офицеры-путчисты не смогут перетянуть на свою сторону достаточное количество своих колеблющихся коллег-конституционалистов, чтобы собрать вокруг себя основную массу офицерского корпуса? Революция предполагает борьбу за влияние на вооруженные силы. Правительство Народного единства вело такую борьбу на чрезвычайно узком фронте, стремясь заручиться поддержкой только офицеров-конституционалистов; но оно не предприняло решительных усилий для привлечения на свою сторону солдат.

Разумеется, привлечение на свою сторону солдат было делом деликатным и рискованным. Вряд ли какие-либо другие действия могли вызвать такую бурную реакцию со стороны офицеров-путчистов и многих других офицеров, как попытка ослабить их контроль над солдатами. Осуществленные неумело, они породили бы серьезные трудности в отношениях с определенной частью средних классов. Альянсу и Народному единству пришлось бы действовать весьма тонко, учитывая временной фактор, выбирая выгодную проблему и пользуясь благоприятными возможностями. А такие проблемы были: это предотвращение переворота и прихода к власти фашизма, демократизация вооруженных сил. Были и благоприятные возможности: когда раскрывались заговоры путчистов, когда публиковались материалы о подрывной деятельности ИТТ, когда Финч и Клейн объявили, что жить правительству Народного единства остается недолго.

Энгельс писал, что «в революции, как и на войне, в высшей степени необходимо в решающий момент все поставить на карту, каковы бы ни были шансы»¹. Подобная логика применима и при подходе к решению коренных проблем. Ради такой решающей проблемы, как привлечение на свою сторону солдат, Народному единству стоило рискнуть. Бездействие из боязни риска позволило офицерскому корпусу превратиться в арбитра борьбы; причем риска на самом деле не избегали, его попросту отодвигали, способствуя его нарастанию.

Идеологическая борьба и борьба за армию взаимосвязаны. Если бы Народному единству удалось привлечь на свою сторону как можно большую часть народа и воспитать в своих сторонниках революционную сознательность и страстность,

задача по привлечению солдат оказалась бы намного легче. Безусловно, политическая борьба эхом отдавалась бы в казармах, и бурное революционное брожение среди народа сказалось бы на солдатах намного сильнее.

Другим важнейшим элементом борьбы в Чили была экономика. Не случайно Народное единство собрало больше голосов в первый год, когда положение в экономике улучшилось, а потом потеряло часть этих голосов, когда обострилась инфляция и распространилась нехватка товаров. Инфляция и нехватка лишили Народное единство потенциальной поддержки и способствовали переходу колеблющихся оппозиционных элементов на сторону врагов правительства. Инфляция и нехватка ослабили позиции Народного единства в вооруженных силах. Хотя главные причины экономических трудностей находились вне контроля Народного единства, но и здесь были допущены ошибки как в сфере руководства экономикой, так и в том, как объяснялись экономические трудности народу.

При огромной зависимости от нестабильного экспорта, большом иностранном долге, глубоко укоренившейся инфляции в сочетании с высоким уровнем безработицы и низкими темпами роста производства унаследованная Народным единством экономика была чрезвычайно слаба и легко уязвима. К тому же приходилось руководить такой экономикой, имея меньшинство в конгрессе и преодолевая грубое сопротивление оппозиции и саботаж. Тем не менее Народное единство могло бы достичь большего, чем ему удалось, особенно в первый год, то есть до резкого обострения инфляции, что сделало контроль над экономикой еще более затруднительным.

Недостаточная революционная решительность самого правительства повлияла и на его экономические акции: оно не воспользовалось, например, преимуществом своего высокого престижа и морального духа народа в первые месяцы пребывания у власти, чтобы развернуть революционную кампанию против тех, кто уклонялся от уплаты налогов. Именно те деятели Народного единства, которые считали финансовые вопросы не заслуживающими особого внимания, фактически помешали быстро и решительно изменить финансовую политику, когда опасность обострения инфляции стала очевидной. Правительство делало все возможное, что было в его силах, для решения проблемы платежного баланса, но и здесь оно проявляло медлительность при введении контроля за двумя-тремя категориями ассигнований. Даже заранее зная, что его ждет растущий дефицит, правительство выжидало год, чтобы

затем приостановить выплату по иностранному долгу, и два с половиной года, чтобы полностью прекратить ассигнования на туристские поездки за границу.

Правительство было обязано найти способ заставить конгресс или отказаться от саботажа в области экономики, или нести ответственность за его последствия. И здесь проявилась слабость Народного единства в ведении идеологической борьбы. Оно спорадически привлекало внимание к неспособности конгресса обеспечить экономику соответствующим финансированием, но не вело систематической кампании по разъяснению стратегии врага, преднамеренно провоцировавшего инфляцию, не рассказывало народу, какие пагубные последствия грозят экономике, если не сорвать стратегический план противника.

Фактически правительство уклонилось от широкого обсуждения экономических проблем, словно надеясь, что ему удастся каким-то образом уладить положение дел. Это позволяло оппозиционерам предсказывать будущие трудности и затем в качестве свидетелей наблюдать, как предсказания подтверждаются; в результате правительство превращалось в виновника всех экономических тягот. Правительству следовало избрать другой курс — с верой в народ говорить ему откровенно о предстоящих тяготах и пытаться извлечь политические выгоды из самих трудностей, подчеркивая величие и самоотверженность народа в борьбе с ними.

Не смогло Народное единство добиться и того, чтобы все входящие в него партии и организации руководствовались единой, четкой концепцией относительно проблем, наиболее выгодных для исхода битвы. Вот те проблемы, вокруг которых могли объединиться массы чилийцев: борьба против империализма, национализация монополий, экономический саботаж оппозиции, угроза переворота и фашизма. Некоторые партии и организации Народного единства, не понимая, что любая революция представляет собой процесс, требующий прежде всего решения действительно первоочередных задач, втягивали его без нужды в дискуссии по чрезвычайно острым и чреватых расколом проблемам; пример этого — проект о единой национальной школе, ставший для врага отличным полем битвы.

Наконец, Народное единство допустило сугубо политические ошибки. Одна из наиболее серьезных — отказ распустить конгресс и провести плебисцит в первые месяцы после прихода Народного единства к власти, когда был высок его престиж. Это было не следствием простой ошибки во взглядах, а отражением совокупности многих причин: трудностей в дости-

жении согласованности внутри коалиции при принятии смелых и решительных действий, общей неспособности использовать переходные возможности, чрезмерного оптимизма в отношении будущего экономики.

Альенде хорошо понимал ошибки правительства Народного единства. Он суммировал их 18 января 1973 года в беседе с рабочими текстильной фабрики «Сумар»:

— «Не начали переговоры об иностранном долге Чили немедленно после занятия мною поста президента...»

— «Не разъяснили своевременно характер империалистической реакции на суверенное право Чили национализировать крупные предприятия меднорудной промышленности».

— «Не сознавали, что чилийский процесс намного сложнее тех революционных процессов, которые завершались взятием власти после конфронтации и вооруженной борьбы».

— «Не сделали критический анализ состояния экономики, унаследованной народным правительством в 1970 году».

— «Не внесли безотлагательно законопроект о роспуске конгресса... и если бы он был отвергнут, следовало провести плебисцит, который завершился бы победой Народного единства».

— «Не разъясняли достаточно широко, что наша революция — это не процесс получения каких-то преимуществ теми, кто в ней участвует, но и не процесс, отталкивающий слои населения, не стоящие на стороне Народного единства».

— «Не объяснили достаточно ясно чилийскому народу и рабочим необходимость идти на определенные жертвы»².

Отмечая слабости стратегии Народного единства, нельзя сказать, что МИР или любая другая партия, критиковавшие народную коалицию, имели якобы лучше разработанную стратегию. Ничего подобного. МИР и его союзники, возможно, бывали иногда правы в критике каких-то конкретных действий правительства. Но их критика не предлагала альтернативной стратегии, которая хотя бы приблизительно соответствовала стратегии Народного единства в оценке возможностей и задач, стоявших перед избранным социалистическим правительством; их стратегия была несостоятельна как в отношении реализма и гибкости, так и в отношении понимания необходимости единства и поддержки масс.

Левацкие подстрекательства к незаконному захвату ферм, блокированию дорог и занятию государственных учреждений в целях навязывания своих требований способствовали росту враждебности средних классов к Народному единству и не оставляли надежд на решение любой коренной задачи революционной борьбы. Подобные действия подчас защищали,

аргументируя тем, что они якобы содействуют мобилизации народа и воспитанию революционного сознания. Фактически такие акции мобилизовывали лишь незначительную часть населения. Подлинная революционная сознательность не в том, чтобы предъявлять требования без учета их уместности и своевременности; она предполагает понимание задач революции и чувство дисциплины.

Попытка леваков создать некую альтернативу Народному единству в разгар тяжелой революции была глубоко ошибочным тактическим маневром. Не приводя других доводов о нецелесообразности выдвижения подобной альтернативы, но учитывая лишь обстоятельства, численность и влияние левых партий, у них попросту не было никаких шансов на успех. Такая попытка принесла только вред.

Один из главных старых уроков чилийской борьбы — необходимость единства. Народное единство страдало от многообразия лидерства и разнообразия рождавшихся стратегий. Это — следствие неоднородности рабочего класса и народных партий. Слабость стратегии Народного единства способствовала разобщению, а не единению; различные группы ощущали этот недостаток, видели ослабление позиций Народного единства и искали пути улучшения его стратегии. Увы, легче узреть слабости чьей-то стратегии, нежели предложить лучшую.

И все же есть другая сторона медали. Создание коалиции Народного единства — огромное достижение чилийского рабочего движения. Партии Народного единства старались работать рука об руку, и в основном им это удалось. Они трудились в тяжелых условиях борьбы не на жизнь, а на смерть.

Что бы произошло, если бы Народное единство имело более решительную стратегию и не совершало ошибок? На это ответить я не в состоянии. Любые действия имеют последствия, которые или расходятся, как круги на воде, или аккумулируются; поэтому трудно сказать, что произошло бы, если бы Народное единство более активно вело идеологическую борьбу, если бы заблаговременно и решительно направило усилия на привлечение на свою сторону солдат. С определенностью можно сказать только одно: в любом случае правящий класс не оставил бы власть добровольно.

Была ли борьба в Чили заранее обречена, стоило ли вообще ее начинать? На такой вопрос не следует отвечать с оглядкой на прошлое, способной создать иллюзию всезнайства. Кто бы ни вступал в борьбу, включая революционную борьбу, всегда рискует потерпеть поражение. Чилийская революция не первая революция, которая терпит поражение.

Говоря о Парижской Коммуне, Маркс подчеркивал: «Творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов»³.

Война, говорил Клаузевиц, есть продолжение политики другими средствами. Организованные империалистами перевороты, подобные переворотам в Чили, Таиланде, Уругвае, Бразилии, Индонезии и многих других странах,— продолжение обычного, повседневного вмешательства.

Какие только не предпринимаются меры в Соединенных Штатах Америки, чтобы народ ничего не знал об империалистическом вмешательстве, особенно об участии империалистов в переворотах. Например, как до переворота в Чили, так и после него вмешательство США упорно отрицалось:

— Эдвард М. Корри, посол США в Чили с октября 1967 года по октябрь 1971 года: «Соединенные Штаты на протяжении четырех лет моего пребывания послом никогда не пытались оказывать давление, подкупить или повлиять хотя бы на одного депутата чилийского конгресса»⁴.

— Чарльз А. Мейер, бывший помощник государственного секретаря по межамериканским делам: «Мы не покупали голоса, мы не финансировали кандидатов, мы не способствовали перевороту»⁵.

— Джек Кубиш, помощник государственного секретаря по межамериканским делам: «Неверно утверждать, что правительство США прямо или косвенно ответственно за свержение режима Альянде»⁶.

— Генри Киссинджер: «ЦРУ, насколько мне известно, никак не было причастно к свершившемуся перевороту, и я упоминаю об этом лишь на тот случай, если в этой организации окажется какой-нибудь сумасброд, который, не имея на то инструкции, с кем-то болтал на эту тему»⁷.

— Из передовой статьи «Нью-Йорк таймс»: «В свете раскрытых в прошлом году планов ЦРУ и ИТТ помешать избранию Альянде в 1970 году или свергнуть его правительство отрицание Вашингтоном причастности к перевороту было встречено во всем мире со скептицизмом... Однако ничто, ставшее известным, не указывает на то, что администрация Никсона серьезно рассматривала странные предложения ЦРУ и ИТТ; свидетельств причастности США к перевороту нет»⁸.

— Поль Е. Зигмунд, руководитель научных исследований выпускников Принстонского университета, в статье, опублико-

ванной в журнале «Форин афферс», писал: «Представляется, что в материалах и слушаниях по делу ИТТ нет существенных доказательств о попытках правительства, частных компаний или банков создать экономический кризис с целью не допустить прихода Альенде к власти в 1970 году... Термин «невидимая блокада» представляется своеобразным преувеличением применительно к политике правительства США во второй половине 1971 года. Кредиты на постройку нефтепровода и помощь займами со стороны объединенных заимодавцев не урезались; были «отсрочены» лишь новые проекты»⁹.

Затем стали просачиваться отдельные сведения о подлинных фактах:

— «Нью-Йорк таймс», 8 сентября 1974 года: «Директор ЦРУ сообщил конгрессу, что администрация Никсона выделила управлению более 8 миллионов долларов для тайной деятельности в Чили в 1970—1973 годах, чтобы сделать невозможным... руководство страной Сальвадором Альенде. Цель... «дестабилизировать» марксистское правительство... Показания г-на Колби указывают на то, что высокопоставленные чиновники госдепартамента и Белого дома неоднократно и намеренно вводили в заблуждение общественность и конгресс о масштабах вмешательства Соединенных Штатов во внутренние дела Чили...»

— «Нью-Йорк таймс», 15 сентября 1974 года: «Государственный секретарь Киссинджер, как сообщили сегодня хорошо информированные источники, лично руководил осуществлением плана администрации Никсона, направленного на сокращение экономической помощи и кредитов Чили после избрания Сальвадора Альенде... С приходом д-ра Альенде к власти г-н Киссинджер... возглавил серию еженедельных межведомственных совещаний, на которых правительственные чиновники разрабатывали политику экономических санкций... против Чили... Те же источники подчеркнули, что экономические меры Киссинджера против правительства Альенде отличались от его причастности к секретным операциям ЦРУ, хотя именно он тайно руководил выполнением обоих планов... На протяжении последующих двух лет чилийскому правительству отказывали в предоставлении десятков займов Международным банком — этим межнациональным агентством по займам, чья деятельность фактически полностью контролируется Соединенными Штатами,— и Экспортно-импортным банком — агентством правительства США. Кроме того, сумма краткосрочных кредитов, предоставленных Чили частными банками, упала с 220 миллионов долларов в 1971 году до менее 40 миллионов долларов в 1972 году».

— Президент Форд, пресс-конференция 16 сентября 1974 года:

Вопрос. Г-н президент, недавнее слушание в конгрессе подтвердило, что ЦРУ по указанию комитета, возглавлявшего д-ром Киссинджером, пыталось дестабилизировать правительство Чили при бывшем президенте Альенде. Предусматривает ли ваша политика попытки дестабилизировать правительства других демократических стран?

Ответ. Наше правительство, подобно другим, действительно предпринимает определенные акции в области разведывательной деятельности с целью содействовать осуществлению внешней политики и обеспечить национальную безопасность... Усилия, которые были предприняты в случае с Чили, заключались в том, чтобы помочь сохранению оппозиционных газет, радиоэлектронных средств и оппозиционных политических партий»¹⁰.

— «Нью-Йорк таймс», 20 сентября 1974 года: «Из источников разведслужбы сегодня стало известно, что подавляющая часть более 8 миллионов долларов, выделенных на тайную деятельность ЦРУ в Чили, была использована в 1972 и 1973 годах на пособия забастовщикам и другие меры, направленные против правительства Альенде... Среди тех, кто особенно щедро субсидировался... были организаторы общенациональной забастовки владельцев грузовиков в 1972 году... Прямые субсидии... выделялись также забастовщикам из среднего класса — лавочникам, владельцам такси и другим, которые нарушали жизнь столицы — Сантьяго — летом * 1973 года, незадолго до свержения Сальвадора Альенде в результате военного переворота. В самый разгар забастовок 1973 года в них участвовали более 250 тысяч владельцев грузовиков, лавочников и представителей свободных профессий, объединившихся в некое движение средних классов, которое, как считают многие аналитики, сделало неизбежным насильственный переворот».

Сенатская комиссия по вопросам деятельности разведывательных служб опубликовала множество других фактов, часть из которых упоминалась ранее:¹¹

— 15 сентября 1970 года «президент Никсон дал указание ЦРУ принять непосредственное участие в организации военного государственного переворота, чтобы предотвратить задержание Сальвадором Альенде поста президента». (Посол Корри был персонально проинструктирован, что делать для подстрекательства чилийских военных к перевороту.)¹²

* В Сантьяго тогда была зима.

— После вступления Альенде на пост президента: «Короче говоря, политика США имела целью оказать максимальное давление на правительство Альенде, чтобы не допустить его консолидации... Другие правительства также поощрялись проводить аналогичную политику...»

— «Политика экономического давления, сформулированная в меморандуме № 93 Решений по национальной безопасности в ноябре 1970 года, должна была реализовываться различными способами. Всякую новую помощь на двусторонней основе следовало приостановить, хотя ассигнования по ранее предоставленным займам могли продолжаться. Соединенные Штаты будут использовать свое доминирующее положение в международных финансовых учреждениях, чтобы приостановить выдачу ими новых кредитов и оказание другой финансовой помощи, сократив до минимума финансовую поддержку или гарантии американским частным инвестициям в Чили, причем бизнесмены США поставят в известность об озабоченности правительства и о его политике ограничений».

— «Комитет 40-ка» выделил около 4 миллионов долларов оппозиционным политическим партиям в Чили. Большая часть этих денег досталась христианско-демократической партии, но значительная сумма предназначалась и для национальной партии».

— ЦРУ израсходовало 1,5 миллиона долларов на поддержку газеты «Меркурио»; ее «пропагандистский сектор» издавал журналы, книги, специальные исследования, готовил материалы для публикации в других газетах, для передач на радиостанциях и телевидении; газета поддерживала деньгами одну оппозиционную исследовательскую организацию.

— ЦРУ через третьи лица передавало периодически («Патриа и либертад») небольшие суммы для организации демонстраций и конкретной пропагандистской деятельности... Вполне возможно, что деньги ЦРУ, передававшиеся политическим партиям, попадали к «Патриа и либертад»... На митинги своих противников отряды «Патриа и либертад» нападали в таком же облачении, как и карабинеры, призванные бороться с беспорядками. Во время октябрьской общенациональной забастовки владельцев грузовиков в 1972 году члены «Патриа и либертад», как сообщалось, разбрасывали «ежи» на автострадах...»

— «На протяжении всего периода пребывания Альенде у власти Соединенные Штаты поддерживали тесные контакты с чилийскими вооруженными силами как через ЦРУ, так и через своих военных атташе». ЦРУ включилось в «операцию обмана», чтобы настроить военных против «связей Альенде с ку-

бинцами», и с этой целью предприняло «неудачную попытку субсидировать публикацию антиправительственного бюллетеня новостей, предназначенного для армейских служб...»

— «В 1970—1973 годах резидентура в Чили собирала оперативные разведывательные сведения, необходимые на случай переворота: списки подлежащих аресту лиц, важнейших гражданских сооружений, главных правительственных учреждений, которые следовало захватить, планы правительства на случай военного путча. По информации ЦРУ, сведения собирались лишь на всякий случай, если бы их запросил Генштаб, но они никогда не передавались чилийским военным».

— В октябре 1971 года внимание резидентуры ЦРУ привлекла «группа, которая могла бы успешно совершить переворот», и «к январю 1972 года группа оказалась под контролем, причем контакт с ее руководителем поддерживался через посредника... Совершенно очевидно, что ЦРУ получало разведывательные сведения о планах этой группы на переворот в течение июля — сентября, вплоть до 11 сентября, когда группа совершила путч».

— «Деятельность ЦРУ в отношении чилийских военных не ограничивалась обычным сбором информации. Ее следует рассматривать исходя из открытой и скрытой оппозиции Соединенных Штатов к правительству Альенде, которая привела к установлению контактов правительства США с чилийцами, выдвигавшими военную альтернативу президентству Альенде».

Остается проанализировать последний вопрос и ответ, фигурирующие в отчете сенатской комиссии о деятельности ЦРУ: «Были ли Соединенные Штаты тайно, но *прямо* причастны к перевороту в Чили в 1973 году?» Этому комиссия не нашла подтверждения. Прежде чем подробнее остановиться на ответе, уместно напомнить, что, хотя комиссия и огласила полученную ею информацию, она тем не менее является частью империалистического госаппарата и в ее состав входят такие реакционеры, как сенаторы Джон Тауэрс и Барри Голдуотер. Комиссия раскрывает полученную информацию отнюдь не по своему выбору. Все ее отчеты, включая информацию о Чили, «тщательно анализировались *работающими совместно комиссией и правительственной группой* с целью определения, какие сведения можно рассекретить и опубликовать, не нанося ущерба национальной безопасности»¹³.

Бросающаяся в глаза откровенность комиссии не является чем-то необычным; она представляет собой как бы реакцию на уже известные всему миру факты о вмешательстве США в дела Чили и других стран. Эта очевидная откровенность комиссии не должна настолько ослеплять, чтобы послушно сле-

довать за комиссией к тем выводам, которые она сочла возможным для нас приготовить. Выводы комиссии, касающиеся акций США в Конго (Заир), Санто-Доминго, на Кубе, в Южном Вьетнаме и Чили, делаются по одному образцу: они отпускают Соединенным Штатам и ЦРУ тяжкие грехи. Например, ЦРУ могло планировать убийства или было причастно к заговору с целью похищения людей, могло снабжать оружием заговорщиков, но американские планы и заговоры каким-то образом никогда не завершались успешно, а уж если кого-то убивали, то это происходило не в «результате заговоров с целью убийства, организованных официальными лицами Соединенных Штатов»¹⁴.

Почему комиссия спрашивает: «Были ли Соединенные Штаты прямо причастны?» — вместо того чтобы задать другой вопрос, например, такой: «Замышляли ли Соединенные Штаты заговор с целью совершения переворота?» Разумеется, на первый вопрос так и напрашивается сам собой отрицательный ответ. Что означает здесь слово «прямо»? Как далеко должны были Соединенные Штаты зайти в подготовке условий для переворота, чтобы комиссия признала их прямую причастность? Интересно, как выглядели бы Соединенные Штаты, если бы их судили по их же собственному уголовному кодексу, где говорится, что «любой, кто совершает проступок против Соединенных Штатов, или помогает, подстрекает, советует, руководит, склоняет, или обеспечивает его свершение, наказывается как главный виновник»?¹⁵

Даже если согласиться ради выяснения истины с употребляемым термином «прямая причастность», который был искусственно сужен комиссией, мы все же можем спросить: каковы шансы у комиссии найти доказательства и обнародовать выводы, если доказательства установлены? Ответ на такой вопрос поможет понять проблему поиска доказательств «прямой причастности», чтобы иметь представление о том, как империалисты готовят перевороты. Подобное представление мы можем составить на опыте переворота в Южном Вьетнаме и ликвидации режима Нго Дин Дьема в 1963 году; благодаря публикациям материалов Пентагона это событие хорошо документировано.

Составной частью искусства империалистов в организации переворотов является намеренное затруднение поиска доказательств заговорщической деятельности; этому уделяется огромное внимание уже на первых этапах планирования. За много месяцев до осуществления переворота в Южном Вьетнаме посол Генри Кэбот Лодж, который был инициатором и руководителем этой акции, решил, что «американская офици-

альная рука не должна быть видна»¹⁶. Позже Белый дом телеграфировал Лоджу: «Крайне важно, чтобы это предприятие осуществлялось в исключительной тайне и чтобы его можно было полностью отрицать... С целью обеспечения возможности отвергать факты поручаем Вам, и никому больше в посольстве... инструктировать главу резидентуры (ЦРУ), причем он ответствен только перед Вами за установление соответствующих контактов и докладывает только Вам...» Далее: «Следует избегать того, чтобы нас втягивали в проверку оперативных планов или в любой другой акт, который способствовал бы выявлению слишком близкой причастности Соединенных Штатов к изменениям в правительстве». Несколько позже Лодж телеграфировал Белому дому: «Мы... рассматривали целесообразность плана внедрения еще одного офицера в качестве связника между Конейном и уполномоченным генерала Дона... Считаю, что на сегодняшний день нашу причастность через Конейна все еще можно отрицать. КАС (кодовое обозначение ЦРУ), безусловно, готово к тому, что я смогу в любое время дезавуировать Конейна, если это послужит национальным интересам».

Теперь прочтите нижеследующее опровержение помощника государственного секретаря Джека Кубиша, с которым он выступил перед подкомиссией конгресса, расследовавшей вопрос о причастности США к чилийскому перевороту, памятуя о том, что, как установила сенатская комиссия по деятельности разведорганов, резидентура ЦРУ в Сантьяго к январю 1972 года «внедрилась» в группу, которая «могла успешно совершить переворот», и «контакт с ее руководителем поддерживался через посредника».

Г - н Ф а с с е л. (председатель, демократ, штат Флорида). Если Соединенные Штаты не участвовали прямо или косвенно, то какие заверения или обязательства были даны чилийским военным? Были ли даны правительством США какие-либо прямые или косвенные заверения организаторам и руководителям переворота?

Г - н К у б и ш. Официальными лицами США?

Г - н Ф а с с е л. Правительством США.

Г - н К у б и ш. Насколько мне известно, г-н председатель, не давалось никаких заверений, поскольку не было никаких прямых контактов между организаторами и руководителями переворота и официальными лицами США. Это не говорит о том, что не могло быть обмена мнениями и контактов на низшем уровне, например, таких: «Как вы думаете, г-н официальный представитель США — имярек, — каково будет отношение правительства США, народа Соединенных Штатов, кон-

гресса Соединенных Штатов и прессы Соединенных Штатов, если произойдет переворот, если вмешаются военные?» Подобный обмен мнениями мог иметь место, но что касается каких-либо официальных контактов руководителей и организаторов переворота... с официальными лицами и каких-либо заверений, то мне не известно ни об одном таком случае, и я абсолютно уверен, что такового не было¹⁷.

Обратите внимание на уклончивость ответа. Не было «прямых» контактов между «организаторами и руководителями» и «официальными лицами США». Да, американские чиновники низшего ранга говорили, возможно, об «отношении правительства США... если произойдет переворот», но, мол, это делалось «неофициально», происходил обычный «обмен мнениями». (Вспомните осторожность Лоджа, поддерживавшего связь через посредников, и его готовность дезавуировать Конейна.)

В Чили, как и в Южном Вьетнаме, Соединенные Штаты сделали не больше того, что было для них необходимо, и неважно, глубоко или поверхностно вникали они в оперативные планы военного аспекта свержения правительства Альенде. Соединенные Штаты были не только причастны к его свержению — они были главной силой переворота. Свержение правительства не просто заключительная военная акция. Это была длительная, сложная операция, включавшая мобилизацию противостоящих Народному единству сил, экономическую, политическую, психологическую войны и прямые военные действия.

Путчисты получили как раз то, что им обещали, — поддержку. Сенатская комиссия по деятельности разведорганов констатирует: «Цель тайных акций, немедленно последовавших за переворотом, — помочь хунте обрести более благообразный вид как в Чили, так и за ее пределами... Другая цель... помочь новому правительству разработать и приступить к осуществлению новой политики. Архивные материалы свидетельствуют о том, что сотрудники ЦРУ причастны к подготовке первоначального экономического плана, который послужил основой для самых важных решений хунты в области экономики... Два сотрудника ЦРУ помогли хунте подготовить «Белую книгу об изменении правительства в Чили...». ЦРУ восстановило связи с силами безопасности и разведкой чилийского правительства... Официальные лица подтвердили: наряду со значительной помощью, предоставленной ЦРУ различным чилийским силам для предотвращения подрывных действий из-за границы, аналогичная помощь могла быть оказана и в установлении контроля над подрывными действиями внутри страны»¹⁸.

Почему империалисты и их местные союзники установили открытую террористическую диктатуру в Чили? Потому что это был единственный для них способ сохранить свое господство. В Чили произошел переворот не против горстки людей, стоявших у власти, а против большинства чилийского народа. Установить свое господство наперекор воле народных масс можно только с помощью репрессий и террора. К таким методам империалисты относились хладнокровно, о чем свидетельствуют показания директора ЦРУ Уильяма Колби в подкомиссии конгресса. «В своих показаниях,—писал Тад Зульк,—Колби нарисовал мрачную картину репрессий хунты и фактически предсказал их дальнейшее усиление из-за сохраняющейся силы чилийских левых... Колби сказал подкомиссии, что «забота о безопасности требует применения хунтой жестоких мер к диссидентам. Военные лидеры, очевидно, готовы отказаться от некоторой поддержки у себя дома и выдержать тяжкое давление из-за рубежа ради того, чтобы укрепить свою власть в стране и закончить выкорчевывание марксистского влияния». Когда член палаты представителей республиканец Роберт Х. Стил заявил, что совершаемые хунтой убийства «не принесли никому никакой пользы», Колби ответил: «Думаю, по нашей оценке, это приносит им некоторую пользу... Хунта была обеспокоена тем, чтобы предпринять акцию по захвату власти и не вызвать настоящую гражданскую войну, что вполне могло случиться, поскольку сторонники Альенде проявляли большую активность»¹⁹.

Эта проблема выходит за рамки Чили. Господство империализма оказалось под угрозой в ряде развивающихся стран, поэтому империализм вынужден прибегать к установлению фашизма. ЦРУ, вероятно, взвешивает, стоит ли устанавливать фашизм для применения репрессий, пыток и убийств в том или другом случае точно так же, как это делалось в Чили.

У развитых капиталистических стран, включая и те, которые имеют давние демократические традиции, нет иммунитета против фашистской чумы. В течение более тридцати лет после второй мировой войны этим странам удавалось улаживать свои экономические проблемы. Но сейчас начался период экономического кризиса, а экономические кризисы влекут за собой политические последствия.

То, что империализм вынужден все чаще и чаще прибегать к фашистским методам, свидетельствует о его разложении — он уже не в состоянии по-прежнему господствовать на огромных территориях земного шара. Чрезвычайно важное влияние оказывает также соотношение сил на мировой арене; оно меняется не в пользу империализма. Поражению в Чили сле-

дует противопоставить великие победы народов Кубы, Вьетнама, Анголы и трудности, с которыми во всевозрастающей степени сталкивается империализм в других районах мира. Даже там, где ему удастся приостановить наступление народа путем насаждения фашизма, его победа — это временная победа отступающей и разваливающейся системы.

Фашизм в Чили объединил против себя весь народ. Фашистский режим вынужден отчаянно бороться с международной изоляцией. События, происшедшие в Чили, говорят о том, что есть дополнительные силы, которые со всех уголков земного шара обрушиваются на империалистов, когда они прибегают к помощи фашизма ради сохранения своего господства.

Говорит ли чилийский опыт, что «парламентский путь к социализму» следует отвергнуть и что единственный путь для революционных социалистов — прямая вооруженная борьба? Ответ: нет!

Проблема не в том, можно ли осуществить социалистическую революцию лишь путем выборов, а в том, может ли этот путь сыграть свою роль в революционном процессе, возможно ли успешно завершить начатый выборами революционный процесс. Согласно разработанной Марксом и Лениным теории, чтобы совершить социалистическую революцию, народ должен завоевать государственную власть и уничтожить буржуазную государственную машину. Это глубоко верное и важное положение. Но революция требует гораздо большего, чем просто применения марксистско-ленинской теории о государстве. Прежде всего возникает проблема: каким образом народ должен развернуть борьбу и накопить силы, чтобы получить возможность завоевать государственную власть и ликвидировать буржуазную государственную машину.

Борьба, происходящая в различных странах, в разных условиях и в разное время, требует и различных путей для решения этой проблемы. Но у всех этих путей есть одно общее: революционеры должны привлечь на свою сторону народ, ибо народ — главная сила в революции. Чтобы привлечь народ, необходимо понимать его, бороться за него, идти рука об руку с ним в битвах, которые он сам ведет. Чтобы завоевать на свою сторону народ в странах с буржуазной демократической системой, необходимо использовать различные пути, включая парламентский.

Энгельс писал об избирательном праве: «Во время предвыборной агитации это право дало нам наилучшее средство войти в соприкосновение с народными массами там, где они еще были далеки от нас...»²⁰

Ленин писал: «Чтобы... завоевать симпатии, сочувствие, поддержку «массы», надо... обязательно *работать там, где есть масса*»²¹. Говоря о «левых» коммунистах в Германии, утверждавших, что парламентские формы борьбы исторически и политически изжиты, Ленин указывал: «Явно, что «левые» в Германии приняли *свое пожелание*, свое идейно-политическое отношение за объективную действительность... но дело как раз в том, чтобы *не* принять изжитого *для нас* за изжитое *для класса*, за изжитое *для масс*...

Если не только «миллионы» и «легионы», но хотя бы просто довольно значительное *меньшинство* промышленных рабочих идет за католическими попами... то отсюда уже с *несомненностью* вытекает, что парламентаризм в Германии *еще не* изжит политически, что участие в парламентских выборах и в борьбе на парламентской трибуне *обязательно* для партии революционного пролетариата *именно* в целях воспитания остальных слоев *своего класса*, именно в целях пробуждения и просвещения неразвитой, забитой, темной деревенской *массы*. Пока вы не в силах разогнать буржуазного парламента и каких угодно реакционных учреждений иного типа, вы *обязаны* работать внутри них...»²²

Но если революционные партии участвуют в выборах и работе парламентов, то существует и возможность завоевания ими права взять руководство правительством в свои руки. Разве не следует бороться за это? Завоевание путем выборов права на руководство правительством не равнозначно завоеванию государственной власти, но все же представляет большой шаг вперед. И дело не столько в государственной власти, сколько в том, содействует ли развитию революционного процесса завоевание права на руководство правительством.

Возможность использовать парламентский путь может открыться в другой стране при обстоятельствах, отличных от чилийских. Вместо 36% голосов другая революционная партия или коалиция могут получить 55 или 60% голосов избирателей. Революционеры могут получить возможность контролировать не только исполнительную власть в лице правительства, но и законодательную власть в лице парламента. Вооруженные силы не стоят над классами, но ситуация в какой-либо другой стране может сложиться по-иному: часть войск и офицеров, например, может оказаться радикально настроена в связи с колониальной войной или острым экономическим кризисом. Все эти различные обстоятельства способны расширить возможности достижения победы.

Несколько слов об экономике. Далёко не одно и то же управлять экономикой страны, когда государственная власть

принадлежит социалистическому правительству или когда она не принадлежит ему; причем дело это вообще чрезвычайно трудное. И все же было бы ошибкой утверждать, что это всегда будет так же трудно, как в Чили, и что последствия будут одинаковы. Экономические проблемы для какого-нибудь другого законно избранного правительства могут оказаться совсем иными, то есть экономика конкретной страны может быть менее зависимой от внешних факторов, менее уязвимой по отношению к возможной экономической войне, ведущейся из-за границы.

Гёте сказал:

Теория, мой друг, суха,
Но зеленеет жизни древо.

К чилийскому опыту следует подходить не догматически, а творчески.

Социалистические революции совершились уже во многих странах при различных условиях. Каждая новая социалистическая революция расширяет наше видение и понимание того, как такие революции могут происходить. Они совершались в разгар мировой войны, как в царской России, и в мирное время, как на Кубе, где борьба против кровавого диктатора переросла в революцию; они имели характер восстаний в городах, как в России, и затяжной партизанской войны, как в Китае и Вьетнаме. Пока еще не было успешных социалистических революций ни в одной стране, имеющей давние традиции буржуазной демократии. Как будут происходить социалистические революции в таких странах? Общий кризис капитализма многогранен, поэтому и путей может быть множество. Один из них — приход к власти через парламентские выборы, то есть это путь, вытекающий из демократических традиций и политической системы ряда стран. Чили — первая такая страна. По этому пути, возможно, пойдут другие страны, независимо от скепсиса догматиков.

Руководителям и деятелям Народного единства принадлежит великая историческая честь — они первыми начали пробивать новую дорогу. Только задумавшись над тем, как трудно и важно прокладывать новый путь, можно по-настоящему оценить чилийский опыт.

Чилийская революция — составная часть длительного исторического процесса, имеющего как свое прошлое, так и будущее. Бессмертный Неруда в произведении «Всеобщая песнь», написанном за несколько десятков лет до переворота, рассуждает об опыте Чили со времени, когда рабочее движение страны возглавил первый революционный лидер-социалист:

Сколько лет прошло уже с тех пор.
Сколько крови пролилось на кровь,
сколько битв увидела земля.
Случались дни блистательных побед,
обретенных капля по капле,
а иногда наставала пора
мглы, чернее, чем потемки тоннелей,
пора черных предательств,
пора неистовых репрессий,
увенчанных кровавыми расстрелами.

Казалось, земля уходит из-под ног.

И все же борьба продолжалась.

В преддверии будущих битв чилийская революция оставила нам память о правительстве, боровшемся во имя интересов народа и за социализм, память о выдающемся, несгибаемом революционере-президенте, руководителях и членах партий Народного единства, которые сражались с фашизмом, жертвуя жизнью, идя на пытки, в тюрьмы.

Битва Чили против фашизма будет тяжелой и жестокой. Но чилийский народ будет бороться против фашизма с не меньшим упорством и стойкостью, чем неукротимые арауканы сражались против господства испанских завоевателей. И хунта не сможет уничтожить марксизм в Чили — он слишком глубоко пустил там свои корни. Марксизм способен сделать то, что империалисты, несмотря на свои богатства, хитрость и опыт в организации переворотов, никогда не смогут сделать — решить проблемы народа.

Последние политические акции Альенде рассчитаны на продолжение борьбы. Он знал, что фашизм породит сопротивление, объединит против него большинство народа. Он отправил несколько своих соратников из осажденной резиденции, поручив им организовать сопротивление; он настоятельно подчеркивал необходимость единого политического руководства таким сопротивлением. Его последние слова, обращенные к чилийскому народу, звучат пророчески:

Я верю в Чили и в судьбу нашей страны. Другие чилийцы переживут этот мрачный и горький час, когда к власти рвется предательство. Знайте же, что не далек, близок тот день, когда вновь откроется широкая дорога, по которой пойдет достойный человек, чтобы строить лучшее общество.

ИСТОЧНИКИ

От автора

¹ *Volodia Teitelboim*. Prelude to Future Victories.— *World Marxist Review*, March 1974, p. 83.

² *Ibid.*, p. 83.

1

¹ *Кастро Фидель*. Сила революции — в единстве. М., 1972, с. 325.

2

¹ *Francisco A. Encina*. Resumen de la historia de Chile.— *Zig Zag*. Santiago, 1959, vol. 1, p. 33.

² *Luis Galdames*. A History of Chile.— *Russel and Russel*, New York, 1969, p. 91.

³ *Ibid.*, p. 58—59.

⁴ *Francisco A. Encina*. Op. cit., vol. 1, p. 75.

⁵ *Frederick B. Pike*. Chile and the United States, 1880—1962. Notre Dame, Indiana, 1963, p. 290—291.

⁶ *George M. McBride*. Chile: Land and Society.— *American Geographical Society*, New York, 1936, p. 110.

⁷ *Ibid.*, p. 83.

⁸ *Miguel Cruchaga*. Estudio sobre la organización económica y la Hacienda Pública de Chile, 1878.— V.: *Anibal Pinto*. Chile, un caso de desarrollo frustrado — Editorial Universitaria, Santiago, 1962, p. 14.

⁹ *George M. McBride*. Op. cit., p. 121.

¹⁰ U. S. Department of Commerce, Investment in Chile.— U. S. Government Printing Office. Washington, D. C., 1960, p. 56—57.

¹¹ *Ibid.*, p. 58.

¹² *Claude G. Bowers*. Chile Through Embassy Windows: 1939—1953.— *Simon and Schuster*, 1958, p. 25.

¹³ *Elisabeth Reiman* and *Fernando Rivas*. La lucha por la tierra.— *Empresa Editora Nacional Quimantú*, Santiago, 1971, p. 15—16.

¹⁴ *Frank W. Fetter*. Monetary Inflation in Chile.— *Princeton University Press*, Princeton, 1931, p. VII.

¹⁵ *Francisco A. Encina*. Historia de Chile, en 20 tomos.— Editorial Nascimento, Santiago, 1945, vol. 5, p. 264.

¹⁶ *Hernán Ramírez Necochea*. Historia del imperialismo en Chile.— *Editora Austral*, Santiago, 1969, p. 46.

¹⁷ *Ibid.*, p. 58.

¹⁸ *Ibid.*, p. 103.

¹⁹ V.: *Hernán Ramírez Necochea*. Balmaceda y la contrarrevolución de 1891.— Editorial Universitaria, Santiago, 1958, p. 109.

²⁰ *Julio César Jobet*. Ensayo crítico del desarrollo económico-social de Chile.— Editorial Universitaria, Santiago, 1955, p. 87.

- ²¹ *Hermán Ramírez Necochea*. Balmaceda y la contrarrevolución de 1891, p. 195.
- ²² *Ibid.*, p. 198.
- ²³ *Hermán Ramírez Necochea*. Historia del imperialismo en Chile, p. 238—242.
- ²⁴ *Eduardo Novoa Monreal*. La batalla por el cobre.— Empresa Editora Nacional Quimantú, Santiago, 1972, p. 17.

3

- ¹ *Claude Q. Bowers*. Op. cit., p. 161—162.
- ² *Edwin Lieuwen*. Arms and Politics in Latin America.— Frederick A. Praeger, New York, 1961, p. 222.
- ³ Covert Action in Chile, 1963—1973. Staff Report to the Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities, United States Senate.— U. S. Government Printing Office, Washington, D. C., 1975, p. 18.
- ⁴ *Sergio Ramos Córdova*. Chile: ¿suna economía de transición? — Casa de las Américas, La Habana, 1972, p. 97—99.
- ⁵ *Francisco A. Encina*. Nuestra inferioridad económica.— Editorial Universitaria, Santiago, 1955, p. 76—77.
- ⁶ *Dale Johnson* (editor). The Chilean Road to Socialism.— Anchor Books, New York, 1973, p. 19, 399—400.
- ⁷ *Eduardo Labarca Goddard*. Chile invadido.— Editora Austral, Santiago, 1968, p. 54—56.
- ⁸ Covert Action in Chile, 1963—1973..., p. 16.
- ⁹ *Ibid.*, p. 9, 15—16.
- ¹⁰ *Ibid.*, p. 17.
- ¹¹ *Michael T. Klare*. War Without End.— Vintage Books, New York, 1972, p. 308.
- ¹² New Chile.— North American Congress on Latin America, New York and Berkeley, 1973, p. 57—58.
- ¹³ Covert Action in Chile, 1963—1973..., p. 17.
- ¹⁴ *Ibid.*, p. 19.
- ¹⁵ *Ibid.*, p. 9.
- ¹⁶ *Giles Wayland Smith*. The Christian Democratic Party in Chile.— Sondeos, Cuernavaca, Mexico, 1969, N 39, p. 217.
- ¹⁷ V.: *Ernst Halperin*. Nationalism and Communism in Chile.— M.I.T. Press, Cambridge, Massachusetts, 1965, p. 196.
- ¹⁸ Primer mensaje del Presidente de la Republica de Chile, don Eduardo Frei Montalva, al inaugurar el período de Sesiones Ordinarias del Congreso Nacional, 21 de mayo de 1965, p. 6.
- ¹⁹ *Ibid.*, p. 8—10, 21—26, 61, 65—66.
- ²⁰ *Gonzalo Martner* (editor). El pensamiento económico del Gobierno de Allende.— Editorial Universitaria, Santiago, 1971, p. 187—189.
- ²¹ *Eduardo Novoa Monreal*. Op. cit., p. 50—51.
- ²² *Ibid.*, p. 67—68.
- ²³ *Ibid.*, p. 75—84.
- ²⁴ Primer mensaje del Presidente de la Republica de Chile..., p. 50.
- ²⁵ Ley N 16.640, Reforma Agraria 1967 (texto oficial). Santiago, 1967, artículos 3 y 4.
- ²⁶ *Ibid.*, artículos 16 y 30.
- ²⁷ *Wilson Cantoni*. Poder popular en el agro chileno.— Cuadernos de la Realidad Nacional, Santiago, enero 1972, p. 81.
- ²⁸ Organization of American States, Inter-American Committee on the Alliance for Progress (CIAP), OAS/Official Records/Ser. H/XIV CIAP 468.

- Report on the Economy of Chile. Washington, D. C., February 16, 1971, p. 11.
- ²⁹ Informe económico anual 1970. Oficina de Planificación Nacional (ODEPLAN).— Editorial Universitaria, Santiago, 1971, p. 10.
- ³⁰ Covert Action in Chile, 1963—1973..., p. 17.
- ³¹ *Patricio Manns*. Las Grandes Masacres.— Empresa Editora Nacional Quimantú, Santiago, 1972, p. 71—79.
- ³² *Alain Labrousse*. L'Expérience Chilienne: Réformisme ou Révolution? — Editions du Seuil, Paris, 1971, p. 145—146.
- ³³ V.: *Eduardo Novoa Monreal*. Op. cit., p. 111.

4

- ¹ *Edwin Lieuwen*. Op. cit., p. 168—169.
- ² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 7, 9.
- ³ *Francisco A. Encina*. Op. cit., vol. 2, p. 837.
- ⁴ V.: *Julio César Jobet*. Op. cit., p. 33.
- ⁵ *Frederick B. Pike*. Op. cit., p. XXV.
- ⁶ *Hernán Ramírez Necochea*. Historia del movimiento obrero en Chile.— Editora Austral, Santiago, p. 214.
- ⁷ *Ricardo Donoso*. Alessandri, agitador y demoleador. Cincuenta años de historia política de Chile.— Fondo de Cultura Económica, Mexico — Buenos Aires, 1952, p. 156.
- ⁸ *Hernán Ramírez Necochea*. Origen y formación del Partido Comunista de Chile.— Editora Austral, Santiago, 1965, p. 186—238.
- ⁹ *Fernando Casanueva Valencia* y *Manuel Fernández Canque*. El Partido Socialista y la lucha de clases en Chile.— Empresa Editora Nacional Quimantú, Santiago, 1973, p. 101—102.
- ¹⁰ *Ibid.*, p. 112.
- ¹¹ *John Reese Stevenson*. The Chilean Popular Front.— University of Pennsylvania Press, Philadelphia, 1942, p. 72.
- ¹² *Sergio Guílisasti Tagle*. Partidos políticos chilenos.— Editorial Nacimiento, Santiago, 1964, p. 314.
- ¹³ Documentos del XIII Congreso del Partido Comunista de Chile, 1965. Folleto N 2. La unidad socialista comunista, cimientó del movimiento popular, p. 10, 25, 27.

5

- ¹ Covert Action in Chile, 1963—1973..., p. 19, 20, 22.
- ² *Ibid.*, p. 13.
- ³ *Victor Marchetti* and *John Marks*. The CIA and the Cult of Intelligence.— Dell Publishing Co., New York, 1974, p. 39.
- ⁴ V.: *Dieter Nohlen*. Chile, Das Sozialistische Experiment.— Hoffman und Campe Verlag, Hamburg, 1973, p. 132.
- ⁵ El Mercurio, 7 de septiembre de 1970.
- ⁶ El Mercurio, 9 de septiembre de 1970.
- ⁷ *Luis Vitale*. ¿ Y después del 4, qué? — Editorial Prensa Latinoamericana, Santiago, 1970, p. 55—57.
- ⁸ The International Telephone and Telegraph Company and Chile, 1970—1971. Senate Committee Hearings.— U. S. Government Printing Office, Washington, D. C., 1973, part 1, p. 582—86.
- ⁹ *Ibid.*, part 1, p. 102.
- ¹⁰ *Ibid.*, part, 2, p. 542—543.
- ¹¹ Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders. Interim Report of

- the Senate Intelligence Committee.— U. S. Government Printing Office, Washington, D. C., 1975, p. 227.
- ¹² Covert Action in Chile, 1963—1973..., p. 23.
 - ¹³ The International Telephone and Telegraph Company and Chile, 1970—1971. Senate Committee Hearings, part 2, p. 608.
 - ¹⁴ Covert Action in Chile, 1963—1973..., p. 26.
 - ¹⁵ The International Telephone and Telegraph Company and Chile, 1970—1971. Senate Committee Hearings, part 2, p. 610.
 - ¹⁶ Ibid., p. 611.
 - ¹⁷ Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders..., p. 228.
 - ¹⁸ The International Telephone and Telegraph Company and Chile, 1970—1971. Senate Committee Hearings, part 2, p. 626—627.
 - ¹⁹ Ibid., p. 622.
 - ²⁰ Speech to the Plenum of the Central Committee of the Socialist Party on October 11, 1970.— Prensa Latina dispatch, October 12, 1970.
 - ²¹ Michael J. Harrington. The CIA in Chile: A Question of Responsibility.— The New York Times, January 2, 1976.
 - ²² Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders..., p. 233.
 - ²³ Ibid., p. 239—240.
 - ²⁴ Florencia Varas. Conversaciones con Viaux, 1972; *Patricio Garcia* (editor). El caso Schneider.— Editora Nacional Quimantú, Santiago, 1972.
 - ²⁵ Florencia Varas. Op. cit., p. 126, 128.
 - ²⁶ Patricio Garcia. Op. cit., p. 172.
 - ²⁷ Florencia Varas. Op. cit., p. 127, 132—133.
 - ²⁸ Ibid., p. 135.
 - ²⁹ Альенде Сальвадор. История принадлежит нам. Речи и статьи. М., 1974, с. 20.
 - ³⁰ El Mercurio, 15 de septiembre de 1970.
 - ³¹ El Mercurio, 14 de septiembre de 1970.
 - ³² Press Conference.— Prensa Latina dispatch, September 6, 1970.
 - ³³ Ibidem.
 - ³⁴ The International Telephone and Telegraph Company and Chile, 1970—1971. Senate Committee Hearings, part 2, p. 660.
 - ³⁵ El Mercurio, 9 de octubre de 1970.
 - ³⁶ Ibidem.
 - ³⁷ Ibidem.
 - ³⁸ Florencia Varas. Op. cit., p. 139.
 - ³⁹ The New York Times, July 24, 1975.
 - ⁴⁰ El Mercurio, 4 de noviembre de 1970.

6

- ¹ Sergio Ramos Córdova. Op. cit., p. 287—288.
- ² Alain Labrousse. Op. cit., p. 215.
- ³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 288.
- ⁴ Augusto Pinochet, Síntesis geográfica de Chile. 1955, p. 9.
- ⁵ Covert Action in Chile, 1963—1973..., p. 36.
- ⁶ V.: Pío García. Las Fuerzas Armadas y el golpe de estado en Chile.— Siglo Veintiuno Editores, Mexico, 1974, p. 458—459.
- ⁷ V.: Alain Labrousse. Op. cit., p. 213—214.
- ⁸ Claudio Orrego. El paro nacional, Vía chilena contra el totalitarismo.— Editorial del Pacífico, Santiago, 1972, p. 47—49.
- ⁹ The International Telephone and Telegraph Company and Chile, 1970—1971. Senate Committee Hearings, part 1, p. 44.
- ¹⁰ Ibid., part 2, p. 794.
- ¹¹ Ibid., part 1, p. 268.

¹² The New York Times, January 5, 1971.

¹³ The New York Times, January 5, 1971.

¹⁴ United States and Chile During the Allende Years, 1970—1973. Hearings before the Subcommittee on Inter-American Affairs of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives. U. S. Government Printing Office, Washington, D. C., 1975, p. 5.

7

¹ The New York Times, September 8, 1972; The Wall Street Journal, September 13, 1972.

² V.: The Kennecott Case, the unfinished story of an embargo. Quimantú, p. 9.

³ The Wall Street Journal, September 13, 1972.

8

¹ Informe económico anual 1970 (ODEPLAN), p. 79.

² V.: *Gonzalo Martner* (editor). El pensamiento económico del Gobierno de Allende.—Editorial Universitaria, Santiago, 1971, p. 105.

³ *J. Ann Zammitt* (editor). The Chilean Road to Socialism. University of Texas Press, Austin, 1973, p. 50.

⁴ Renegotiation of Chile's Foreign Debt. Chile Economic Notes, issued by Corporación de Fomento de la Producción (CORFO). New York, November 23, 1971.

⁵ IMF Staff Paper. Chile — Survey of Economic Development and Prospects.—Washington, D. C., February 25, 1972, p. 3.

⁶ Informe económico anual 1971. Oficina de Planificación Nacional.—Editorial Universitaria, Santiago, p. 49; Boletín Mensual del Banco Central, p. 157.

⁷ IMF Staff Paper..., February 25, 1972, p. 11—12.

⁸ *J. Ann Zammitt* (editor). Op. cit., p. 85—86.

⁹ Boletín Mensual del Banco Central, 1972.

¹⁰ Why Allende Failed.—Challenge, The Magazine of Economic Affairs, May—June 1974, p. 8.

¹¹ *J. Ann Zammitt* (editor). Op. cit., p. 86.

¹² V.: El Partido Comunista de Chile en el Gobierno de la Unidad Popular.—Información Documental de América Latina, Caracas, 1974, p. 143—145.

¹³ V.: *Rubén Corvalán Vera*. Economic and Financial Survey, Carta Semanal.—El Mercurio, de 14 mayo de 1972, p. 3—4.

9

¹ См. *Кудачкин М. Ф.* Чили: борьба за единство и победу левых сил. М., 1973, с. 192.

² *Eduardo Novoa Monreal*. Op. cit., p. 96—98.

³ Ibid., p. 109.

⁴ Ibid., p. 52.

⁵ Ibid., p. 144.

⁶ Ibid., p. 281, 445—446.

⁷ The New York Times, July 19, 1971.

⁸ The Wall Street Journal, October 14, 1971.

⁹ Resumen del informe soviético sobre la Gran Minería del Cobre.—El Mercurio, 23 de julio de 1971.

¹⁰ Informe económico anual 1971 (ODEPLAN), p. 32.

- ¹¹ V.: *Reinaldo Ruiz Valdés*. El area de propiedad social, Gestión económico, noviembre — diciembre de 1972. Universidad de Chile, Valparaíso, p. 16.
- ¹² *Herbert E. Meyer*. Dow Picks Up the Pieces in Chile.— *Fortune*, April 1974, p. 148.
- ¹³ La economía chilena en 1971.— Instituto de Economía, Universidad de Chile, 1972, p. 574—576.
- ¹⁴ *Eduardo Novoa Monreal*. The Constitutional and Legal Aspects of the Popular Government's Policy.— V.: *J. Ann Zammitt* (editor). Op. cit., p. 29—30.
- ¹⁵ La clase obrera en las condiciones del Gobierno Popular.— *El Siglo*, 5 de junio de 1972.
- ¹⁶ V.: *Rubén Corvalán Vera*. Economic and Financial Survey.— *Enfoques Políticos*, Santiago, 15 de mayo de 1972.

10

- ¹ *Jacques Chonchol*. The Agrarian Policy of the Popular Government.— V.: *J. Ann Zammitt* (editor). Op. cit., p. 107.
- ² Informe económico anual 1971 (ODEPLAN), p. 94.
- ³ Diagnóstico de la reforma agraria chilena.— Siglo veintiuno editores, s.a., Mexico City, 1971, p. 37—38, 71—75.
- ⁴ *Ibid.*, p. 196—197.
- ⁵ *The New York Times*, May 9, 1972.
- ⁶ *The London Economist*, March 11, 1972, p. 29—30.
- ⁷ La economía chilena en 1971, p. 513.
- ⁸ V.: *Stefan de Vylder*. Chile 1970—1973, The Political Economy of the Rise and Fall of the Unidad Popular.— *Unga Filosofers Förlag*, Stockholm, 1974, p. 195.
- ⁹ Diagnóstico de la reforma agraria chilena (noviembre de 1970 — junio de 1972).— Cuadernos de la Realidad Nacional, abril de 1973, p. 75.
- ¹⁰ Diagnóstico de la reforma agraria chilena, p. 38.
- ¹¹ *J. Ann Zammitt* (editor). Op. cit., p. 134.
- ¹² Diagnóstico de la reforma agraria chilena, p. 179—180.
- ¹³ *Ibid.*, p. 124—125, 160—163.

11

- ¹ Covert Action in Chile, 1963—1973..., p. 36.
- ² *El Mercurio*, 15 de diciembre de 1970.
- ³ *El Mercurio*, 16 de diciembre de 1970.
- ⁴ *The New York Times*, September 20, 1974.
- ⁵ Covert Action in Chile, 1963—1973..., p. 59.
- ⁶ *El Mercurio*, 13 de diciembre de 1970.
- ⁷ *El Mercurio*, 15 de diciembre de 1970.
- ⁸ V.: *Luis Maira*. Chile: dos años de la Unidad Popular.— Empresa Editora Nacional Quimantú, Santiago, 1973, p. 104.
- ⁹ *El Mercurio*, 13 de enero de 1971.
- ¹⁰ Covert Action in Chile, 1963—1973..., p. 29.
- ¹¹ V.: *David Morris*. We Must Make Haste Slowly.— *Vintage Books*, New York, 1973, p. 145.
- ¹² *El Mercurio*, 14 de enero de 1971.
- ¹³ V.: *David Morris*. Op. cit., p. 147.
- ¹⁴ *El Mercurio*, 13 de enero de 1971.
- ¹⁵ Covert Action in Chile, 1963—1973..., p. 28.
- ¹⁶ *El Mercurio*, 7 de enero de 1971.
- ¹⁷ Reuters dispatch, March 22, 1971.

- ¹⁸ ANSA (Italian News Agency) dispatch, April 15, 1971.
- ¹⁹ Agence France Press dispatch, May 6, 1971.
- ²⁰ Agence France Press dispatch, May 14, 1971.
- ²¹ *Альенде Сальвадор*. История принадлежит нам. Речи и статьи, с. 138.
- ²² Covert Action in Chile, 1963—1973..., p. 27, 59.
- ²³ El Mercurio, 10 de junio de 1971.
- ²⁴ El Mercurio, 25 de junio de 1971.
- ²⁵ V.: *Mario Toer*. La «Via Chilena» un balance necesario.— Editorial Tiempo Contemporaneo, Buenos Aires, 1974, p. 144—145.
- ²⁶ Covert Action in Chile, 1963—1973..., p. 29—30, 60.
- ²⁷ Ibid., p. 37—39.
- ²⁸ The New York Times, September 24, 1974.
- ²⁹ *Кастро Фидель*. Сила революции — в единстве, с. 166, 168.
- ³⁰ Там же, с. 196, 175, 176, 177, 232.
- ³¹ The New York Times, September 24, 1974.
- ³² The New York Times, December 1, 1971.
- ³³ *Альенде Сальвадор*. История принадлежит нам. Речи и статьи, с. 250, 253.
- ³⁴ *Кастро Фидель*. Сила революции — в единстве, с. 320, 322, 323, 325, 331, 332, 333, 326, 327, 331, 333, 389, 367, 365, 405.
- ³⁵ Covert Action in Chile, 1963—1973..., p. 38.
- ³⁶ Ibid., p. 28, 38.
- ³⁷ Ibid., p. 39.
- ³⁸ ¿ Como llegaron las Fuerzas Armadas a la acción del 11 de septiembre 1973? Специальное приложение к газете «Меркурио» от 11 сентября 1974 г. с изложением полуофициальной версии подоплеку переворота.
- ³⁹ Nuevas tareas para el Gobierno Popular y el pueblo chileno.— El Siglo, 10 de febrero de 1972.
- ⁴⁰ General Pinochet, El hombre del Día D, Diálogo con Ercilla, фотоконии вырезок (без указания даты). Из содержания следует, что интервью было опубликовано примерно шесть месяцев спустя после переворота.
- ⁴¹ ¿ Como llegaron las Fuerzas Armadas a la acción del 11 de septiembre de 1973?, p. 5.

12

- ¹ *Rubén Corvalán Vera*. Economic and Financial Survey.— Chile News, August 14, 1972, p. 5.
- ² El Mercurio, 2 de septiembre de 1972.
- ³ Boletín Mensual del Banco Central, 1972, p. 1423.
- ⁴ Ibid., p. 1423—1424.
- ⁵ The New York Times, September 20, 1974.

13

- ¹ *Альенде Сальвадор*. История принадлежит нам. Речи и статьи, с. 309, 311, 312, 313—314.
- ² El Partido Nacional y la situación política actual de Chile, Texto del Informe de Fernando Maturana.— V.: *Rubén Corvalán Vera*. Economic and Financial Survey.— Enfoques Políticos, 10 de julio de 1972.
- ³ ¿ Como llegaron las Fuerzas Armadas a la acción del 11 de septiembre 1973?, p. 5.
- ⁴ *Pio García* (editor). La Fuerzas Armadas y el golpe de estado en Chile.— Siglo Veintiuno, Mexico, Buenos Aires, Madrid, 1974, p. 15—16.
- ⁵ *Philip Agee*. Inside The Company: CIA Diary.— Penguin Books, Great Britain, 1975, p. 309.

- ⁶ Claudio Orrego. Op. cit., p. 12.
- ⁷ Ibid., p. 21.
- ⁸ El Mercurio, 23 de octubre de 1972.
- ⁹ El Mercurio, 22 de octubre de 1972.
- ¹⁰ Pío García (editor). Op. cit., p. 91.
- ¹¹ Covert Action in Chile, 1963—1973..., p. 60.
- ¹² V.: Mario Toer. Op. cit., p. 181.
- ¹³ V.: Robert Moss. Chile's Marxist Experiment.—David 8c. Charles, Newton Abbot, England, 1973, p. 167.
- ¹⁴ Texto de la Constitución Política de la República de Chile, artículo 72, 5a.
- ¹⁵ Dieter Nohlen. Op. cit., p. 285.
- ¹⁶ Ibid., p. 268.
- ¹⁷ El Mercurio, 24 de agosto de 1974.
- ¹⁸ ¿Como llegaron las Fuerzas Armadas a la acción del 11 de septiembre de 1973?, p. 6.
- ¹⁹ Covert Action in Chile, 1963—1973..., p. 60.
- ²⁰ El Siglo, 25 de abril de 1973.
- ²¹ The New York Times, September 27, 1973.
- ²² El Siglo, 25 de abril de 1973.
- ²³ El Mercurio, Edición Internacional, 9—15 de abril de 1973.
- ²⁴ El Mercurio, Edición Internacional, 28 de mayo — 3 de junio de 1973.
- ²⁵ Chile Hoy, N 64, 31 de agosto de 1973.
- ²⁶ El Mercurio, Edición Internacional, 25 de junio — 1 de julio de 1973.
- ²⁷ ¿Como llegaron las Fuerzas Armadas a la acción del 11 septiembre 1973?, p. 9—10.
- ²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 372.
- ²⁹ ¿Como llegaron las Fuerzas Armadas a la acción del 11 de septiembre 1973?, p. 12.
- ³⁰ El Rebelde, N 97, 23 de agosto — 3 de septiembre de 1973.
- ³¹ El Mercurio, Edición Internacional, 6—12 de agosto de 1973.
- ³² Pío García (editor). Op. cit., p. 267—283.
- ³³ El Mercurio, Edición Internacional, 23—29 de julio y 6—12 de agosto de 1973.
- ³⁴ ¿Como llegaron las Fuerzas Armadas a la acción del 11 de septiembre 1973?, p. 11—14.
- ³⁵ El Mercurio, Edición Internacional, 6—12 de agosto de 1973.
- ³⁶ El Mercurio, 13—19 de agosto de 1973.
- ³⁷ ¿Como llegaron las Fuerzas Armadas a la acción del 11 de septiembre 1973?, p. 10, 15.
- ³⁸ El Mercurio, 24 de agosto de 1974.
- ³⁹ Suplemento de El Mercurio, septiembre de 1973.
- ⁴⁰ Joan Garcés. El estado y los problemas tácticos en el Gobierno de Allende.— Siglo Veintiuno, Buenos Aires, 1973, p. 48—49.

14

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 80.
- ² Prensa Latina dispatch, January 18, 1973.
- ³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 175.
- ⁴ The New York Times, September 16, 1974.
- ⁵ Testimony March 29, 1973, at Hearings Before the Senate Subcommittee on Multinational Corporations, p. 406.
- ⁶ United States and Chile During the Allende Years, 1970—1973. Hearings before the Subcommittee on Inter-American Affairs of the House of Repre-

- sentatives.— U.S. Government Printing Office, Washington, D.C., 1975, p. 96.
- ⁷ The New York Times, September 8, 1974.
 - ⁸ The New York Times, September 16, 1973.
 - ⁹ Foreign Affairs, January 1974, p. 234, 332.
 - ¹⁰ The New York Times, September 17, 1974.
 - ¹¹ Covert Action in Chile, 1963—1973..., p. 10—39.
 - ¹² Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders..., p. 225, 232.
 - ¹³ The New York Times, April 27, 1976.
 - ¹⁴ Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders..., p. 256.
 - ¹⁵ 18 U.S.C. § 2.
 - ¹⁶ The New York Times, Bantan Books, New York, 1971, p. 195.
 - ¹⁷ United States and Chile During the Allende Years, 1970—1973, p. 97.
 - ¹⁸ Covert Action in Chile, 1963—1973..., p. 40.
 - ¹⁹ The End of Chilean Democracy.— Seabury Press, New York, 1973, p. 162—164.
 - ²⁰ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 22, с. 540.
 - ²¹ *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 41, с. 36.
 - ²² Там же, с. 41, 42.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
От автора	9
1. Введение	11
2. Немного истории	15
3. От Гонсалеса Виделы к Альенде	32
4. Конституционность — миф и реальность	48
5. От выборов до вступления в должность	59
6. Тактика и стратегия	77
7. Чилийские торговые организации в США	96
8. Руководство экономикой с ноября 1970 года до середины 1972 года	116
9. Преобразование экономической структу- ры	134
10. Земельная реформа	155
11. Ход развития политической обстановки с ноября 1970 года до середины 1972 года	167
12. Управление экономикой в период с июля 1972 года до сентября 1973 года	195
13. Политические события с июля 1972 года до переворота	214
14. Некоторые выводы	245
Источники	269

Бурстин Э.

Б91 Чили при Альенде: взгляд очевидца. Пер. с англ.—
М.: Политиздат, 1979.— 278 с.

В своей книге американский экономист Э. Бурстин, работавший советником при правительстве Народного единства, не только рассказывает о событиях в Чили, очевидцем которых он был, но и о том, как Народное единство пришло к победе в 1970 году, в каких условиях действовало правительство Альенде, с какими трудностями и препятствиями оно сталкивалось, как и почему чилийской реакции удалось прервать процесс революционных преобразований в Чили, кто стоял за ее спиной, в чем слабости и ошибки правительства Народного единства.

Книга написана публицистически ярко, в ней содержится помимо собственных впечатлений автора много интересных фактов, документов, свидетельств, она рассчитана на широкие круги читателей.

Б 11104—350
079(02)—79 БЗ—39—8—79 0302030103

66.3(7Чн)
32И

...Чилийская революция оставила нам память о правительстве, боровшемся во имя интересов народа и за социализм, память о выдающемся нестигаемом революционере-президенте, руководителях и членах партий народного единства, которые сражались с фашизмом, жертвуя жизнью, идя на пытки, в тюрьмы.

Пророчески звучат последние слова Сальвадора Альенде, обращенные к чилийскому народу: «Я верю в Чили и в судьбу нашей страны. Другие чилийцы переживут этот мрачный и горький час, когда к власти рвется предательство. Знайте же, что не далек, близок тот день, когда вновь откроется широкая дорога, по которой пойдет достойный человек, чтобы строить лучшее общество».

политиздат

